

Дмитрий Матвеев

ГОНЩИК



Попаданчество. Приключения. Паропанк. Ну и автогонки, конечно. Заря автомобилестроения, столько всего еще не изобретено, столько можно придумать, чтобы в конце концов одержать победу. Но не все так просто, есть и нюансы. Ну а что вы хотели? Все ж таки, другой мир!

Шлем приглушает рев мотора, а посторонние звуки и вовсе не слышны. Зато в наушниках внутренней связи прекрасно слышен негромкий, спокойный, чуть глуховатый голос Сереги Швецова, моего штурмана:

— Двести правый пять.

— Понял.

Пять — это поворот практически на девяносто градусов, а двести — расстояние до этого самого поворота. Выждав момент, я чуть дергаю ручник, срывая машину в занос, и выворачиваю руль. Центробежная сила вжимает меня в чашу кресла. Газом и рулем я контролирую машину, чтобы дрифт не перешел в беспорядочное вращение, а то и в кувыркивание. Все, задние колеса вынесло в нужное положение. Одним движением я ставлю руль прямо, топлю педаль газа в пол и лечу вперед к следующему повороту, оставляя за собой повисающий над дорогой плотный шлейф бурой пыли.

Местность, где проложена трасса, более чем живописна: залитые солнцем зеленые холмы, широкие цветущие луга, тенистые раскидистые деревья, нарядные аккуратные домики — мечта туриста. Такими пейзажами хорошо любоваться, неторопливо катясь в кабриолете по гладкому асфальту и ощущая на берде теплую ладошку сидящей справа девушки. Только вот мне сейчас совсем не до местных красот. Оно и понятно: последний этап ралли, последний скоростной участок. От того, как я его сейчас пройду, зависит результат гонки. Нынче у меня есть все шансы получить первое место. То есть, не только у меня — у всей нашей команды. Машина ни разу не подвела — спасибо механикам. Возможные проблемы со здоровьем ликвидировались в зародыше — спасибо врачу, местной шпане и засланцам конкурентов не удалось подгадить — охрана постаралась. Да и вообще все поработали на совесть, но итог этой работы сейчас в буквальном смысле в моих руках.

Трасса сложная. Много поворотов, много трамплинов, да вообще много всего! Заранее ознакомиться организаторы нам не дали — мол, так будет зрелищней. Серега получал карту и стенограммы только перед началом этапов, едва успевал хотя бы пролистать. Но зрелище действительно выходит на славу. Вон, все обочины сплошь забиты зеваками. С детьми, с женщинами — праздник у них, пикник, млин, на обочине. Где голова у людей? О чем они только думают? Конечно, вдоль трассы установлены ограждения. Но что сделает полосатая ленточка или даже деревянная жердочка, если почти тонна железа вдруг потеряет управление и полетит, кувыркаясь, в толпу? Тут и стальной рельс не всегда поможет. Такое количество радостных идиотов улучшить настроение, конечно же, не могло. Но гонка есть гонка, и я загнал свое недовольство поглубже внутрь, и сосредоточился на дороге. Сереге, казалось, это и вовсе было до фени. Он сидел рядом и спокойно, даже несколько меланхолично, зачитывал повороты.

Справа мелькнуло яркое сине-желтое пятно — это один из соперников. Видать, чуток не рассчитал, вылетел с трассы. Обычно машина может продолжать гонку даже после переворота, лишь бы у экипажа хватило сил поставить свой драндулет на колеса. Все же, хоть изначально и берутся для гонки серийные машины, но их серьезно дорабатывают. В том числе и укрепляют кузов. Понятно, это не гарантирует от травм, но все же серьезно увеличивает безопасность для экипажа. Так что шведы — это, вроде, они были — сейчас малость очухаются и двинут дальше.

Гонщик живет гонкой. Он дышит ей, он насквозь пропитывается ревом мотора, крутыми виражами, ощущением скорости, азартом схватки. Но это не бездумный кайф адреналинового наркомана и не берсеркерская жажда битвы. Здесь, на трассе, правит бал холодный точный расчет, четкие выверенные действия, отработанные долгими тренировками и, конечно же, опыт.

Вот крутой левый поворот, потом сразу столь же крутой правый. Тело действует почти автоматически, главное здесь — не пропустить нужный момент. Чуть раньше — и слишком сильно потеряешь скорость, чуть позже — и можешь не вписаться в поворот, зацепишь обочину, опять же потеряешь скорость, а то и вовсе вылетишь с трассы. Сейчас в автоспорте все решают не секунды, а сотые, тысячные доли этой самой секунды. Они выигрываются или проигрываются с каждым удачно или неудачно пройденным поворотом. Эти мгновения незаметно для всех складываются вместе, и на финише этапа внезапно оказывается, к примеру, что ты обошел своих соперников на целую половину минуты!

Зеваки на обочинах машут руками и разевают рты. Их крики не слышны за ревом мотора. Да и шлем — он тоже не способствует остроте слуха. Но это сейчас не важно. Главное — голос Сереги.

— Сто пятьдесят правый четыре, левый шесть.

— Понял.

Машина послушно ложится в один поворот, в другой...

— Трамплин три, полет.

— Понял.

Прыжок не страшен, машина отбалансирована, насколько это возможно. Ни на нос, ни на корму в полете не завалится. По крайней мере, за те секунду-полторы, что будем лететь. Главное — не дернуть рулем в момент приземления.

Я давлю на газ, разгоняя «ренушку». Надо только успеть бросить педаль газа в момент отрыва от земли. И в тот самый момент, когда машина уже почти взлетела, навстречу выскакивает маршал[1] с плакатом в руках: «SOS».

Млять! Я уже ничего не успеваю: ни отвернуть, ни затормозить. Зато вижу, как метрах в десяти впереди точки приземления поперек дороги стоит, накренившись, французская таратайка из команды «пежо». Видать, не выдержало железо, подломили переднее колесо. Толпа добровольных помощничков пытается выкатить инвалида с трассы, но они явно не успевают.

Увидав нас, люди начинают разбегаться врассыпную, кто куда. Но я уже вижу: успеют не все. Ну почему, почему такая невезуха! Если бы не эти идиоты, я бы мог попытаться как-то вырулить. Пусть перевернулся бы пару раз, авось машина выдержит. Да пусть даже и не выдержит — пофиг, зато живой останусь. Но теперь — без вариантов: если только попытаюсь сделать хоть что-то, гарантированно передавлю насмерть кучу народа. Так что остается лишь надеяться на чудо.

— Держись, Серега!

Сознание возвращалось медленно. Меня мутило, во рту стоял солоноватый привкус крови. Тело болело. Болело всё целиком, но при этом я не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Порою вообще казалось, что конечности набиты ватой, словно у плюшевого зайца, которого

мне подарили в детстве. Мерзкое, надо сказать, ощущение — чувствовать себя такой беспомощной куклой. Голова буквально разрывалась на куски от боли, перед глазами двигались смутные тени, перечеркнутые несколькими прямыми линиями. В ушах шумело, и сквозь этот шум, словно из далекого далека, доносились незнакомые голоса. Один угодливо-заискивающий:

— Вроде, живой, господин Маннер.

И в ответ ему грубый хамский рык:

— Меня не интересуется этот неудачник. Выживет — уволю, сдохнет — туда ему и дорога. Скажи лучше, что с машиной.

— Повреждение серьезные, но ремонт возможен.

— Тогда что ты тут стоишь? Начинайте немедленно! К утру мобиль должен быть готов к следующему старту.

— Но кто сядет за руль? Ведь Стриженов был лучшим...

— Он был идиотом, тряпкой и бездарем! На завтрашнюю гонку я заявил Клейста. И не приведи всевышний, если у мобилы будет хоть одна поломка. Вы все до одного отправитесь следом за этим болваном. Давай, шевелись!

— Слушаюсь, господин директор.

Меня подхватили под мышки, куда-то потащили, потом уложили на твердое и сырое, а я не мог ни пошевелиться, ни даже издать хоть какой-нибудь звук. Тени перед глазами исчезли, остались только линии, раскалывающие небо на части. Где-то рядом раздалось негромкое фырчание. Звук был явно механический, но я никак не мог понять, что это. Явно не знакомое тарахтение бензинового или дизельного мотора. И не жужжание электромобиля. Я даже не знал с чем его можно сравнить. Послышались невнятные голоса, заскрежетало железо. Фырчание сперва усилилось, потом начало удаляться и, наконец, стихло вдалеке.

Мало-помалу шум в голове уменьшился, и я попытался приподняться. Напрасно. От этого незначительного усилия меня снова замутило, в глазах потемнело, и я беспомощно откинулся на... на то, на чем лежал. И, кажется, потерял сознание.

Очнулся я от все того же фырчания. Немного иного тембра, но очень похожего на слышанное ранее. Надо мной появилось лицо. Фантасмагоричное, растресканное, больше похожее на персонажа из фильма ужасов. Но оно уже не было туманной тенью, хотя все еще пыталось немного двоиться.

— Как ты себя чувствуешь? — спросило лицо. — Здорово же тебя приложило, даже очки умудрился разгрохать. Теперь их только в мастерскую нести, а там за ремонт денег возьмут ой-ой-ой сколько.

В голове закрутились мысли: «Очки? Зачем мне очки? Никогда очков не носил и в ближайшие лет тридцать не собираюсь». А голос продолжал:

— Правда, теперь они тебе долго не пригодятся. Маннер давно грозился тебя выгнать, а нынче Люсьена сказала, что он все-таки отдал распоряжение. Так что как отлежишься, приходи в контору за расчетом. На завтрашнюю гонку заявлен Клейст. Он, конечно, водит мобиль не так лихо, как ты, но и аварий у него не бывает.

Мысли все не унимались: «Клейст? Кто такой Клейст? А кто такой Маннер? А Люсьена?»

— Ты сколько уже здесь лежишь? Хоть бы гогглы[2] снял.

«Гогглы? Что это такое?»

Между мной и треснувшей мордой неизвестного лица появилась рука. Большая, с толстыми пальцами и тоже треснутая. На секунду она закрыла всю картинку, что-то поползло по лицу вверх, и рука исчезла. Исчезли и коверкавшие небо трещины. Лицо надо мной тоже стало вполне нормальным, я даже смог его рассмотреть. Лицо как лицо. Симпатичное, улыбочивое, с задорными карими глазами и рассыпанными вокруг них веснушками. Лицо принадлежало молодому парню, годов двадцати пяти на вид. Парень был одет в рыжую кожаную куртку и кепку из такой же рыжей кожи. Из-под кепки выбивались пряди рыжих волос.

— Ты встать сможешь? Попробуй. Лежание на сыром гравии не слишком полезно для здоровья.

Парень протянул мне руку в толстой кожаной перчатке с широченным раструбом, начинающимся от запястья и доходящим едва ли не до локтя. Я сделал над собой усилие и протянул навстречу свою руку. В точно такой же перчатке. В тот момент сил удивляться у меня просто не было. Я лишь отметил этот факт и, схватившись за протянутую мне руку, попытался подняться на ноги. Против ожидания, мне это удалось. Правда, я шатался, словно пьяный, несмотря на то, что мой доброжелатель предупредительно поддерживал меня под локоть.

— Пойдем, я отвезу тебя домой.

Домой — это было хорошо, это было кстати. И я, влекомый парнем, сделал несколько шагов своими заплетающимися ногами по направлению к тому самому фырчанию.

Пожалуй, я переоценил свои возможности. Едва я шагнул, как голова вновь закружилась, да так, что мне пришлось изо всех сил вцепиться в первую попавшуюся опору, чтобы не упасть. Разумеется, опорой стало плечо этого, рыжего. Через некоторое время бешеное вращение Мира вокруг меня несколько замедлилось, потом приостановилось и я с помощью все того же парня в перчатках сперва поднялся на высокую подножку, тянущуюся вдоль всего борта неизвестного фырчащего агрегата, а потом раза так с третьего одну за другой перекинул ноги через плавный вырез, заменяющий дверь, и буквально упал на неожиданно мягкий и удобный диван. Парень же быстро обежал свой экипаж и проворно уселся за руль. Он произвел какие-то непонятные манипуляции с неизвестными рычагами и рукоятками, где-то сзади зафырчало сильнее, и мы поехали.

Чертова таратайка! О чем я только думал, залезая в нее! Я знаю: ни о чем. В моем тогдашнем состоянии у меня не было сил думать вообще. Действовать и то получалось с большим трудом. Но поездка на трясущемся и подпрыгивающем драндулете по бульжной мостовой здоровья не прибавила совершенно. Мне не было дела ни до пейзажей, ни до лихо крутящего руль парня, ни до собственно той колымаги, на которой меня везли. Единственное, что меня занимало — удержаться в повозке, бодро скачущей по дороге, и при этом не вытравить содержимое желудка в салон.

К счастью, путь был не слишком долгим. Парень, верно оценив мое состояние, чуть ли не на себе выволок меня из своего транспортного средства и подвел к дверям довольно большого дома. Дом был явно не мой, но сил протестовать у меня сейчас не было совершенно. Их, этих сил, хватало лишь на то, чтобы удерживать себя в вертикальном положении, цепляясь за чугунные кованые перила крыльца. Мой спутник постучал специальным молоточком, висевшим на шарнире над вделанной в дверь латунной пластиной.

Ждать пришлось довольно долго, и стучать пришлось еще дважды. Я лишь с огромным

трудом держался на ногах, тщетно сиюсь унять головокружение. Наконец, внутри послышалось какое-то движение, лязгнул засов, отворилась дверь и на пороге появилась монументальная дама, на вид, примерно, лет сорока. Одета она была как на картинке в учебнике истории: длинное темно-коричневое платье до пола с абсолютно глухим воротом до самого подбородка. Темный цвет платья подчеркивал крахмальную белизну кружев, узкой полоской окаймляющих манжеты и такую же белоснежность стойки воротника. Из-под головного убора, отчаянно напоминавшего парадный детский чепчик, только побольше и с оборками, виднелись седоватые вьющиеся волосы. Не было украшений ни в ушах, ни на шее, лишь вдове кольцо на безымянном пальце левой руки.

При виде меня женщина нахмурилась:

— Владимир Антонович, что с вами? — спросила она.

— Авария, — ответил за меня парень. — Мадам Грижецкая, напомните, пожалуйста, где находятся апартаменты Вольдемара. Ему нужно полежать.

— Третий этаж направо, — могучим контральто задала направление дама, освобождая проход. Я, по-прежнему ничего не соображая, и не имея ни сил, ни желания сопротивляться, послушно поплелся вверх по узкой лестнице, одной рукой опираясь на плечо моего добровольного помощника, а другой цепляясь за изящные деревянные перила. Пару раз я чуть было не упал, но тут мадам Грижецкая пришла на помощь моему спасителю, обнаружив при этом совсем неженскую силу и немалую сноровку. Вдвоем они дотащили-таки меня до моей комнаты и уложили на диван.

— Ну все, Вольдемар, увидимся послезавтра в конторе, — сказал парень и ссыпался вниз по лестнице.

Следом за ним двинулась на выход и хозяйка, но в дверях обернулась, укоризненно произнеся напоследок:

— Владимир Антонович, ну как же так? Вот помяните моё слово: убьетесь вы однажды на своих гонках. Помирать надо в своей постели, в окружении любящих и скорбящих родственников, как мой светлой памяти Семен Евграфович.

На этом месте безутешная вдова возвела очи горе, троекратно перекрестилась щепотью, по-православному, и вышла, плотно прикрыв за собой дверь. А я, оставшись, наконец, в одиночестве, закрыл глаза и отключился.

[1] Маршал — человек, следящий за порядком на трассе. Имеет право остановить гонку, если трасса перекрыта, например, в результате аварии.

[2] Гоглы — от английского *googles*, очки.

Глава 1

Когда я проснулся, или, вернее сказать, очнулся, в комнате было светло. Тело практически пришло в норму, руки и ноги послушно шевелились, хотя и несколько скованно. Голова всё ещё болела, но уже вполне терпимо, зато нестерпимо хотелось пить. Кряхтя, как столетний старик, я сел на скрипучем кожаном диване и осмотрелся. О чудо! На стоявшем рядом с диваном хрупком журнальном столике красного дерева с лакированной крышкой и резными ножками, на круглом жестяном подносе стоял пузатый графин со вкусной даже на вид водой. Рядом с графином нашелся и стакан. Высокий, тонкого стекла, с узкой золотой каемочкой по верхнему краю. Я налил полный стакан воды и в три глотка выхлебал его до дна. Красота! Кажется, даже голова болеть стала меньше. Не иначе, как мадам Грижецкая явила столь своевременную заботу о моем здоровье. Надо будет при встрече поблагодарить даму за доброту и участие. Я налил еще воды, немного отпил, вернул стакан на поднос и продолжил осмотр.

Комната, в которой я находился, была сравнительно небольшой. Навскидку, примерно четыре метра на шесть. Считай, хрущевка-однушка, только без удобств и кухни. В центре комнаты стоял большой круглый стол, накрытый простой голубенькой матерчатой скатертью. Вокруг — четыре стула с гнутыми ножками и спинками. Те, что обычно называют «венскими». Сиденья стульев были аккуратно обтянуты гобеленом, некогда вполне симпатичным, но сейчас уже заметно потертым. В дальнем от меня углу возвышался монументальный дубовый платяной шкаф. Тоже ни разу не современного дизайна. Углы скруглены, на дверках резьба. Простенькая, но — показатель. Рядом уместился гибридный буфет и секретера. Шкаф оформлен в том же стиле, что и шифоньер, но по цвету, скорее, не дуб, а орех. За стеклянными дверками буфета были выставлены исключительно рюмки и фужеры. Логично было бы предположить, что в секретере хранится выпивка.

Напротив моего дивана находилось окно, занавешенное старомодными пыльноватыми шторами, подвязанными хитрыми шнурками к углам крашеного в белый цвет подоконника. Окно небольшое, с двойными деревянными рамами, частым переплетом и закругленным верхом, прямо как в старые времена. Местами рамы облупились, и было заметно, что прежде они были такие же голубые, как нынче скатерть, и лишь потом приобрели нынешнюю условную белизну. Возможно, в те далекие годы и сама скатерть была кипельно-белой, а сейчас вот все переменялось. По случаю теплой погоды, внутренние рамы были сняты и куда-то убраны, а в верхней части окна была открыта маленькая форточка, через которую в комнату проникал городской шум.

Морщась от боли в затекших мышцах, я поднялся с дивана и, неловко ступая, подошел к окну. Моим глазам открылась оживленная улица, вот только она разительно отличалась от того, что я привык видеть, выходя на балкон своей квартиры. И первое, что бросилось мне в глаза — это машины. В большом количестве они сновали по проезжей части взад и вперед, но их внешний вид поверг меня в смятение. Вчера, когда моё полубессознательное тело доставляли сюда, меня совершенно не тянуло разглядывать что бы то ни было. Зато сейчас я сполна получил всю гамму впечатлений. Как говорится, шок — это по-нашему.

А поражаться было чему: вместо привычных моему глазу автомобилей, вместо стремительных, зализанных силуэтов, по мостовой катили допотопные агрегаты, которым больше всего подходило название «безлошадная карета». Некоторые и походили на кареты,

на какой-нибудь фаэтон или ландо. Были, правда и другие, намного больше похожие на, те, что доводилось видеть прежде. Примерно такие могли ездить по улицам в конце века этак девятнадцатого: большие колеса с тонкими ободами и такими же тонкими спицами, угловатые формы, лакированные кузова, возможно, даже деревянные... Некоторые экипажи были с крышами, некоторые — нет, и тогда я мог разглядеть установленные внутри диваны, на которых сидели мужчины в сюртуках и цилиндрах, а иногда и дамы в разноцветных платьях и, непременно, шляпках, удерживаемых завязанными под подбородком широкими лентами. Проползали мимо и грузовики. Один из них я рассмотрел подробнее: в задней части повозки стоял самый настоящий кузов с невысокими бортами, а в открытой кабине сидел мужчина в явно рабочей одежде и кепке. Несколько успокоила меня лишь одна деталь: у всех катившихся мимо аппаратов был руль, та самая знакомая всем водителям круглая баранка.

Вся эта картина настолько вывела меня из душевного равновесия, что я вернулся к дивану, уселся на него и попытался как-то осмыслить увиденное. Не смог. Мысли путались и ускользали при малейшей попытке зацепиться хоть за одну. Может, это галлюцинации? Может, у меня случились дикие и правдоподобные видения после аварии? Может...

На меня начала накатывать паника: где я? Что со мной? Как я здесь очутился? А, может, я вообще сплю? Крепкий щипок за руку однозначно показал: все происходит наяву. Я принялся еще раз подробно осматривать комнату в надежде обнаружить какие-нибудь несоответствия, которые могли бы помочь вырваться из грёз в реальность. Начал с дивана, на котором сидел.

Диван был весьма примечательным. Подобный я видел у приятеля на даче пару лет назад: обитые кожей подушки, прямая жесткая спинка, круглые валики по бокам, обойные гвозди с большими декоративными шляпками... — в общем, такой же раритет, как и вся обстановка. Кстати сказать, стены тоже были обиты тканью. Именно обиты, такими же точно гвоздиками, что и диван. Но ведь стены уже сто лет, как оклеивают обоями! Ну, пусть не сто, пусть восемьдесят, но все равно — ткань для этого не используют очень давно.

Ковров, которые, по моему мнению, должны были бы гармонировать со всем расставленным по комнате разномастным антиквариатом, не наблюдалось ни на стенах, ни на полу. Сам пол был настлан из широких, мощных даже на вид строганых досок, выкрашенных кирпичного цвета масляной краской. В целом, обстановка небогатая, но добротная. И пыли-грязи нет, значит, здесь регулярно убирают. Зато на полу, в изголовье дивана, обнаружился кожаный шлем с наушниками, видимо, машинально сброшенный накануне. Такие в старых фильмах надевали летчики. Рядом со шлемом лежала престранная конструкция: к кожаной полумаске с шелковым подкладом были приклепаны невысокие латунные стаканчики, в которые, в свою очередь, были вставлены стекла. Так вот они какие гогглы! Я видел похожие в случайно просмотренной японской анимешке, а вот в жизни — ни разу. Мне попадались в руки летные очки еще военных времен. Так вот: с этими гогглами — ничего общего. Стекла в очках растрескались от удара и хорошо еще, что осколки не попали в глаз. Рядом со шлемом и очками валялись те самые толстые перчатки с раструбами. Из глубин памяти выплыло древнее словечко: краги.

Повторный наружный осмотр стола, графина и шкафов новой информации не дал. А вот над столом на вделанном в потолок подвесе под полувыцветшим абажуром зеленого шелка обнаружилась электрическая лампочка. Вполне классическая стеклянная колба со спиралью внутри, подвешенной на тоненьких проволочках. Идущих к лампе проводов я не обнаружил,

а выключатель нашелся на абажуре: свисающий с него тонкий шнурок с металлическим блестящим шариком на конце. Я дернул за шнурок, что-то щелкнуло, и зажегся свет. Еще раз дернул — лампочка погасла. Тоже ведь та еще древность! Такой выключатель, помнится, был у бабушкиного торшера, и вместе с торшером был торжественно выброшен на свалку тыщу лет назад.

На вешалке у единственной двери висела кожаная куртка, почти такая же, как и у вчерашнего парня. Ещё на вешалке были долгополый пиджак и длинный плащ. И, что меня убило наповал, круглая шляпа-котелок. Офигеть!

На полу под вешалкой стояли сапоги и две пары лаковых ботинок со щегольски вытянутыми носами. Одни — черные, другие — темно-коричневые. И ботинки, и сапоги были до блеска начищены опытной рукой. И опять шок: ботинки, довольно высокие, не имели никаких застежек или резинок. В прорези были вставлены шнурки, и эти шнурки надо было завязывать! Я не завязывал шнурков уже, наверное, лет десять, если не больше. Смогу ли — еще вопрос.

Один угол комнаты рядом с дверью был отгорожен ширмой. Я подошел и проверил: за ширмой стоял умывальник, один из тех, что были воспеты в сказке Чуковского. Этаким монстр на коротеньких ножках, со свисающим из резервуара с водой металлическим стержнем-запором. Чтобы побежала вода, на него надо надавить снизу. Грязная вода стекала из латунной раковины в ведро, стоявшее внизу, в недрах сооружения. Архаика, но рабочая.

В шкафчике, висевшем здесь же на стене, лежало все необходимое для личной гигиены: мыло, зубная щетка, бритва и прочее. На крючке чуть ниже обнаружилось и полотенце. Вот только бритва была опасной, в деревянном футляре с вытисненной надписью «Архиповъ и сыновья», и к ней прилагались керамическая чашка, помазок и ремень с абразивом для правки. Вместо тюбика зубной пасты в шкафчике стояла жестяная баночка зубного же порошка, да и зубная щетка была в виде лакированной деревянной палочки со вставленной в нее щетиной, кажется, натуральной. Полотенце же было просто прямоугольным куском подрубленного с краев полотна с вышитым по узким сторонам орнаментом.

Сказать, что все увиденное меня озадачило, было бы сильным преуменьшением. Мне даже на секунду показалось, что я просто тихо схожу с ума. Уж больно все было... несовременным. Но при этом все окружавшие меня предметы подходили один к другому, сочетались друг с другом и безусловно гармонировали, ни на йоту не выбиваясь из общей картины. Логично было бы предположить, что из этой картины выбиваюсь я сам. К моему счастью, здесь же, в умывальном углу, присутствовало небольшое зеркало, в которое я тут же и уставился.

В зеркале отразилось однозначно моё, привычное, до последней черточки знакомое лицо. Серые глаза, прямой нос, высокий лоб, резко очерченные скулы, твердый подбородок с небольшой ямочкой — девушкам нравилось. Некоторые даже всерьез называли мою физиономию «аристократической». Вкупе с легкой небритостью выходил этаким мужественно-романтический вид. В общем, в отражении все было в порядке за одним небольшим исключением: на голове напрочь отсутствовал привычный ёжик коротких темно-русых волос. Вместо этого имелась не слишком ухоженная шевелюра средней длины, в настоящий момент пребывающая в полнейшем беспорядке. Помимо непонятно откуда взявшейся прически, которая никак не могла бы появиться даже за неделю, на верхней губе нашлись тонкие ухоженные усики, на концах чуть подкрученные вверх. Вот это-то меня и доконало. Не допотопный интерьер комнаты, и не доисторические очки, и даже не повозки,

лишь отдаленно напоминающие автомобили, а именно вот это усато-лохматое недоразумение.

Хорошо, что диван был неподалеку. В обморок падать я, конечно, не собирался, но колени, надо признаться, изрядно ослабели. Снова начала подступать паника, и я понял: если сейчас не справлюсь с собой, меня ждет, как минимум, психушка, а то и что похуже. Я вернулся к дивану, плюхнулся на пронзительно скрипнувшее пружинами сиденье и какое-то время просто переваривал увиденное. Прежде, чем решиться хоть на какое-то действие, нужно было смириться со внезапно окружившей меня новой реальностью, принять её и уложить в голове все обнаруженные факты.

Во-первых, вчера был финальный этап ралли. И из-за этих гребаных французов мы с Серегой очень нехорошо влетели. Если честно, я в полете даже успел с жизнью попрощаться. Во-вторых, когда я очнулся, на мне были вот эти разбитые очки, наверняка надетые поверх шлема, и краги. И привезли меня домой не куда-то там, а именно сюда, к мадам Грижецкой. В бедноватую, надо сказать, комнатку. В-третьих, у меня появилась шевелюра и усы, причем меня все узнают, а я не знаю ровным счетом никого.

Я потрогал усики, провел рукой по спутанным волосам, поднял с пола и ощупал разбитые очки и снова принялся рассуждать. Я — это я. Тело однозначно мое, лицо — если не считать усов и прочей растительности — тоже мое. И называют меня моим именем — Владимир Антонович Стриженов. Вот только вокруг все абсолютно незнакомое или, как минимум, непривычное. Начиная от древней мебели и доисторических предметов обихода до тех же самых автомобилей. Ну и люди... Если все сложить, то вывод оказывается совсем неутешительный.

Я схватил стакан с водой и сделал судорожный глоток. Про теорию множественности миров где-то кто-то когда-то при мне трепался. Я тогда посмеялся над этим, но вот сейчас мне совсем не до смеха. Вот оно, наглядное подтверждение правоты неизвестного теоретика, прямо здесь и сейчас. Что мы имеем? А имеем мы как минимум два мира. Один — тот, в котором я родился и жил до недавнего времени. И другой, тот, который сейчас дан мне в ощущениях. В каждом из миров имеется некто Володя Стриженов. Оба Володи похожи друг на друга как братья-близнецы. И, судя по всему, и там, и тут они профессионально занимаются автогонками. У меня, в моем мире, произошла авария. Да что там — катастрофа! Такие случаются нечасто, но мне — то есть, нам с Серегой — что называется, «повезло». И в этом мире с местным Володей Стриженовым, произошла авария, и тоже во время гонки.

Это — факты. Дальше идут предположения, на мой взгляд, вполне вероятные. Наверняка (ну, я так думаю), две аварии произошли в один и тот же момент времени по каким-нибудь единым космическим часам. И оба Володи Стриженова, эти разномировые близнецы, в один и тот же миг потеряли сознание. И вот тут от фактов и более-менее логичных рассуждений приходится переходить к полнейшей мистике. Что происходит с душой, с сутью человеческой, с самой личностью в то время, пока тело выключено? Остается душа приязанной к телу или отправляется странствовать в какие-то неизвестные и неизведанные места? Никто не знает не то, чтобы достоверно, но даже и предположительно. Но вот произошедшие со мной чудеса буквально наталкивают на мысль о том, что душа, отключившись от тела, получает возможность путешествий по иным местам или даже мирам. А после, когда тело «включается», мгновенно возвращается обратно.

Так вот: две души двух Володь Стриженовых одновременно отправились погулять. Где

их носило — бог весть. Но, видать, что-то сломалось в мировом механизме, что-то пошло не так, потому что в итоге я, мое сознание, моя душа, моя личность, оказалась здесь, в этом мире. И, хочется верить, мой двойник попал туда, в мой мир, вместо меня.

Хреновое, надо сказать объяснение. Но как ни старался, ничего более логичного и внятного я изобрести не смог, а потому решил удовлетвориться этим. Возможно ли вернуться обратно? Скорее всего, да. Если сработало в одну сторону, то должно сработать и обратно. Но как это сделать? Устроить еще одну аварию? А если что-то не сойдется? Звезды, к примеру, не в том положении окажутся, или фаза луны сменится, или еще что... И вместо перехода обратно в свой мир будет перелет на тот свет. Нет уж, ставить такие эксперименты на себе — ищите дурака!

Надеюсь, мой местный коллега-близнец сейчас тоже пришел в себя, в моем мире, в какой-нибудь больничке. Лежит себе на койке, вокруг суетятся друзья и симпатичные медсестры, полная тумбочка конфет и фруктов... Вот только ему там будет не в пример хуже и труднее, нежели мне здесь: мне-то хотя бы декорации чуть-чуть знакомы. А скорости этих машин для меня и вовсе смешные, так что я без проблем смогу продолжить карьеру на новом, так сказать, уровне. Для него же все будет внове, потому что здесь, где он провел почти полжизни, куча вещей и понятий, элементарных для любого тамошнего аборигена, просто отсутствует. Ну а что до конструкции машин, техники управления и скоростей, так это и вовсе будет шоком. Считай, все сначала начинать придется. А ведь я — и, значит, он тоже — уже не мальчик, тридцатник вплотную подобрался.

Впрочем, мне сейчас лучше подумать о себе. Завтра мне нужно будет идти в какую-то контору, разговаривать с тем хамовитым господином Маннером, а я даже не представляю себе, где эта контора находится. Я не знаю законов, я не знаю... да я ничего не знаю об этом мире! А жизнь-то идет, её не попросишь подождать, пока я разберусь с правилами игры. И с чего же мне начать эти разборки? Наверное, с самого простого: с документов!

Я охлопал себя по карманам — ничего. Проверил карманы висящих на стене вещей — нашел только тощий кошелек, в котором была трехрублевая ассигнация непривычного вида и еще полтора рубля разнокалиберными монетами. Негусто, надо сказать. Хотя... может, все деньги лежат в банке, а здесь только так, на мелкие повседневные расходы? Но тогда должен быть инструмент доступа к этому счету. Чековая книжка, или договор вклада... Я прошелся по комнате и остановился у секретера. В крышке была замочная скважина, но сейчас замок не был заперт. Да и взломать его при нужде можно было бы очень просто. Внутри, как я и предположил изначально, по большей части стояли разнокалиберные бутылки. Но в отдельной секции обнаружилась нетолстая кожаная папка. Я уселся с ней за стол и открыл застежку.

В папке обнаружились немногочисленные документы, своеобразными вехами обозначающие жизненный путь моего двойника:

— Метрика, свидетельствующая о том, что некий мещанин Стриженов Владимир Антонович родился в селе Константиновка Моршанского уезда Тамбовской волости.

— Свидетельство о завершении обучения в церковно-приходской школе при Константиновской церкви все того же села Константиновка.

— Аттестат об окончании реального училища в городе Моршанске. Так себе аттестат, надо сказать. Четверки и пара троек. Неудивительно, что в технический университет моего предшественника не взяли, о чем была отдельная бумага: мол, имярек не выдержал вступительные испытания в Московское высшее техническое училище.

Надо сказать, совпало почти все. И место рождения, и город, и баллы в аттестате. Разница была только в том, что я все же закончил, и вполне прилично, тамбовский автодорожный техникум. Что называется, за ум взялся. Ну и машины мне всегда нравились. В техникуме я как раз и увлекся автоспортом, да так, что сразу после окончания был взят в не слишком известную тогда заводскую раллийную команду. И уже там вырос до серьезного профессионального спортсмена.

И еще одна небольшая деталь отличала меня от двойника: даты. В метрике, в графе «дата рождения» аккуратным почерком со старомодными завитушками, ятями и ерами было выведено: восемнадцатое января одна тысяча восемьсот девяносто второго года. Ровно на сто лет раньше дня моего вправдашнего рождения. Соответственно, и все прочие документы отставали от моей реальности на сотню лет.

Следующими бумагами были выписки из метрических книг о кончине мещанина Стриженова Антона Егоровича и мещанки Стриженовой, в девичестве Травиной, Елизаветы Васильевны от морового поветрия, произошедшего в Моршанском уезде все той же Тамбовской губернии. Рука у меня невольно дрогнула. Мои родители тоже умерли пусть не в один день, но от одной о той же болячки, спалившей обоих в считанные дни. Но это тогда, когда медицина была намного более продвинутой. А здесь и сейчас от врачей многого ждать не приходилось. И хотя, помнится, в начале двадцатого века уже существовала прививка от оспы, а вот поди ж ты...

Я вздохнул, и взял в руки очередную бумагу. Это был контракт, который некий В. А. Стриженов заключил с неким Т. Ф. Маннером, управляющим паевого товарищества «Успех». Согласно контракта, Стриженов запродавал себя Маннеру едва ли не в рабство за сто двадцать рублей в месяц. Много это или мало, мне было пока что непонятно. Но вот расторгнуть контракт самостоятельно я не мог. Вернее, мог, но с такой неустойкой, что для ее погашения пришлось бы бесплатно работать на Маннера по меньшей мере лет пять. Зато Маннер мог по своему усмотрению казнить и миловать, штрафовать и премировать. Это ж надо было — своей рукой подписать такую кабалу! В договоре нашелся лишь один положительный момент: сумма штрафных вычетов не могла превышать двух третей оклада. Видимо, чтобы работник с голоду не помер. Кстати сказать, срок выплаты денег наступал как раз завтра, так что при расчете я вполне мог претендовать на сорок рублей. Много ли это, мало ли — сейчас было неважно. Главное, у меня появились время и возможность освоиться в этом мире и определиться, что делать дальше.

Едва я успел убрать документы в папку, а ту вернуть в секретер, как в дверь постучали.

— Да? — откликнулся я.

Дверь тут же отворилась и на пороге воздвиглась — иначе не сказать — монументальная фигура мадам Грижецкой. Видом она мало отличалась от вчерашнего. Разве что платье было не темно-коричневым, а темно-синим.

— Владимир Антонович, — произнесла дама, оглаживая спереди свое платье, отчего ее формы, и без того весьма выдающиеся, стали выглядеть просто устрашающе, — обед будет подан в гостиной через полчаса.

— Спасибо, — пробормотал я, напроць сраженный столь впечатляющими женскими достоинствами.

Накануне мне было как-то не до того, а вот нынче... нынче я вполне оценил стати домовладелицы. Не то, чтобы у меня возник по этому поводу некий чисто мужской интерес, но не восхититься подобным зрелищем я не мог. Огорчало лишь одно: я не знал ни имени, ни отчества своей квартирной хозяйки. А ведь так или иначе, мне придется как-то к ней обращаться, как бы конфуза не вышло.

Получаса мне хватило в обрез. Сперва я с непривычки долго скоблил подростную щетину опасной бритвой. Пару раз даже порезался, к счастью, не сильно, но это все были еще цветочки. Настоящие трудности начались тогда, когда я решил сменить одежду. В шифоньерке отыскался неплохой комплект из сорочки, пуловера и брюк английского фасона в крупную клетку. И все бы ничего, но под любой, даже самый легкий костюм полагалось надевать белье. Узнал я об этом лишь тогда, когда принялся снимать свою гоночную амуницию: галифе из плотного диагоналевого сукна и свитер толстой вязки с высоким воротом. Под ними обнаружили самые настоящие кальсоны на завязках и белая холщовая нательная рубашка с длинными рукавами и желтоватыми костяными пуговицами у ворота и на манжетах. Впрочем, самым страшным оказалось вовсе не это, а застегнутая на такие же пуговицы жесткая матерчатая манжета чуть ниже колена, к которой, опять же пуговицами, были пристегнуты носки. Подтяжки для носков, растудыть их в качель!

Вот как раз на то, чтобы справиться с культурным шоком, а после проделать все необходимые манипуляции с чистым бельем и ушла большая часть времени. Впрочем, я успел. На последней секунде, когда старомодные напольные часы с застекленной дверцей, за которой мерно раскачивался блестящий латунный маятник, звонко пробили четвертый удар, я открыл дверь в гостиную.

Эта комната была обставлена явно шикарней, нежели мои скромные апартаменты. На полу — паркет, на потолке — лепнина, мебель явно составляла единый гарнитур, бархатные портьеры понизу были отделаны золотыми кистями, а поверху ламбрекенами — вот то, что я ухватил при первом мимолетном взгляде. Примерно половина комнаты была уставлена диванами и кушетками, образуя зону для непринужденного общения. Посередине же второй половины находился довольно большой стол, вокруг которого было расставлено восемь стульев. Семь из них сейчас были заняты, а восьмой, очевидно, предназначался для меня. Я не стал медлить и, поздоровавшись сразу со всеми присутствующими, прошел на свое место. Уселся и принялся исподволь разглядывать честную компанию, заодно копируя их действия

с приборами: уровень моего знания застольного этикета, мягко говоря, оставлял желать лучшего.

Во главе стола, прямо напротив меня, восседала сама хозяйка. Рядом с ней были определены места для двух пар, очевидно, семейных и с виду довольно солидных и респектабельных. По крайней мере, одежда на них выглядела прилично, в ушах и на пальцах дам поблескивали оправленные в золото камушки, а из жилетных карманов мужчин тянулись толстенные такие золотые цепочки. Впрочем, подумав, я усомнился в подлинности как металла, так и камней: было бы это действительно золото, жили бы эти господа в собственных если не домах, то уж квартирах точно.

На соседних со мной стульях расположились двое условно молодых людей. Один — примерно моего возраста, другой — чуть моложе. На них не было перстней и цепочек, но костюмы были вполне приличные, не хуже моего. У одного — темно-серый, у другого — бежевый в тонкую полоску. Они еще не успели нажить себе солидных животов, как у их соседей за столом, и походили, скорее, на более-менее успешных клерков.

— Как вы себя чувствуете, Владимир Антонович? — раздался могучий голос мадам Грижецкой.

— Спасибо, уже намного лучше, — с небольшим запозданием отреагировал я. — Думаю, к завтрашнему дню буду в полном порядке.

Тут надо сделать отступление и объяснить одну деталь. Там, в прежнем мире, попадая в различные компании, я, как и любой молодой человек на моем месте, старался выделиться из толпы, обратить на себя внимание. Собственно, так поступали практически все. Кто выделялся оригинальностью в одежде, кто — необычной прической или полным отсутствием таковой, кто — татушками и пирсингом. А я вот решил соригинальничать и выработать свою манеру речи, максимально отличающуюся от обычного молодежного сленга. И после нескольких неудачных попыток я выбрал для себя такие вот витиеватые старомодные обороты. Минус был в том, что меня не всегда понимали. А плюс — девушки. Не знаю, что бродило в их хорошеньких головках, но такая куртуазность им по большей части нравилась. Соответственно, мои шансы развить и углубить знакомство резко возрастали. Несколько раз у меня интересовались моим происхождением: не благородных ли я кровей. Точного ответа на этот вопрос я не знал: родители о своих корнях не рассказывали, дедов и бабушек я не помнил, а документы, которые могли бы приоткрыть эту тайну, пропали при переезде. Так что приходилось многозначительно молчать, предоставляя заинтригованным подругам самостоятельно придумывать романтические истории обо мне. И вот теперь эта старая привычка пришлась как нельзя кстати.

— Право слово, вы избрали себе совершенно неподходящую профессию, — ни с того, ни с сего укорила меня хозяйка, едва я занял свое место и заправил за ворот крахмальную салфетку.

— И чем же она плоха? — совершенно искренне удивился я.

— Это же очевидно! — поддержал мадам Грижецкую сидевший справа от меня толстяк

в костюме английского кроя, с красными щеками и здоровенной золотой (или позолоченной) печаткой на левой руке. — Вчерашняя катастрофа на гонках наглядно продемонстрировала, насколько опасно гонять на этих мобилях на скорости сорок, а то и все пятьдесят миль в час!

Эх, знал бы этот господин, что спустя каких-то сто лет нормальная скорость для гоночных машин поднимется втрое, а то и вчетверо.

— Многие профессии связаны с определенным риском для жизни, — парировал молодой человек в сером костюме, сидевший от меня по левую руку. — Возьмем, к примеру, профессию военного: вы ведь не станете оспаривать тот факт, то риск погибнуть в бою намного выше, чем риск насмерть разбиться во время гонки. Кроме того, на войне ваша жизнь и здоровье зависят не только от вас, но, во многом, от меткости вражеского стрелка или артиллериста, от ума и опыта вашего командира, от храбрости и выучки вашего товарища, наконец. Здесь же все в руках гонщика, и его жизнь и здоровье зависят лишь от его мастерства.

Я мысленно скривился. Сознательно или нет, но этот сопляк сейчас обозвал меня неумехой.

— А что же вы скажете о поломках, случающихся во время гонки? — не унимался толстяк. — Уж это от гонщика никак не зависит. Вы ведь читаете «Ведомости»? На позапрошлой, кажется, неделе в них была обширная статья об императорских гонках. Между прочими словесными эквивалибрами, там была описана подобная авария. Представляете, у мобиля на полном ходу отвалилось колесо! Аппарат перевернулся, и гонщик остался жив только чудом. А колесо, между прочим, улетело в толпу зрителей, и среди них тоже были пострадавшие.

— Любая техника время от времени ломается, — пожал плечами второй молодой человек.

— Вот именно!

Толстяк назидательно поднял вверх похожий на сосиску палец.

— Вот именно! — повторил он. — Эта ваша техника рушит устои, ломает традиции. Чем, скажите, плохи были лошади?

— Это же очевидно, — вступил в спор мой сосед справа, явно передразнивая скандального ретрограда. — Мобили намного быстрее лошадей. И, кроме того, содержание мобиля обходится значительно дешевле. Вам ли, Петр Евграфович, этого не знать? Технический прогресс неостановим. Так или иначе, но вам придется с этим смириться!

— Но гонки! — пришла на помощь толстяку его супруга, худосочная особа с неприятным визгливым голосом. — Зрелище для плебса!

— Отнюдь, — вновь вступил молодой человек в сером. — Если верить всё тем же «Ведомостям», на гонках бывают и представители императорской семьи. Например, великий князь Александр очень любит посещать это самое зрелище для плебса. Да и супруга его охотно к нему присоединяется.

— Кроме того, — добавил второй клерк, — известные гонщики быстро становятся очень состоятельными людьми. И, конечно, им обеспечен стабильный интерес со стороны женского пола.

Худосочная дама презрительно фыркнула и приготовилась было ответить, но тут в гостиную вошла служанка с супницей в руках, и умопомрачительный аромат солянки разом прекратил все споры.

После обеда компания быстро разошлась. И солидные пары, и молодые люди отправились кто по делам, кто на прогулку. Я тоже решил пройтись. Сбегал наверх за шляпой, замер на секунду у порога, и решительно распахнул дверь в новый для меня мир.

— Владимир Антонович! — настиг меня на пороге голос мадам Грижецкой. — Видит бог, я хорошо к вам отношусь, но если до конца недели вы не уплатите мне сорок рублей в счет будущего месяца, я вынуждена буду просить вас съехать с квартиры.

«Вот так» — думал я, неторопливо шагая по мощеному булыжником тротуару. — «Видимо, неспроста я должен был получить по договору хотя бы сорок рублей. Наверняка этот пункт был включен просто для того, чтобы не выгнали из дома».

В самом деле, пока этому Маннеру, который уже заранее был мне неприятен, был нужен гонщик, ему приходилось заботиться о том, чтобы этот пресловутый гонщик не подох с голоду. А как гонщик становится не нужен, так можно и прокинуть. И пусть себе выкручивается, как хочет, барину до этого дела нет. Интересно, насколько это дорого — сорок рублей в месяц за откровенно бедную комнату? Правда, в качестве компенсации коммунальных неудобств к этой комнате прилагается весьма неплохая кормёжка. Кажется, некогда это как раз и называлось «полный пансион», а уже после, в эпоху вездесущих англицизмов, перелицевалось в «олл инклюдед». Мне сейчас эта информация жизненно важна, причем в буквальном смысле. Меня увольняют. И буржуй, разумеется, нисколько не жаждет расставаться с деньгами. Договор, конечно, имеется. Но вот насколько этот договор будет соблюден? И смогу ли я что-то противопоставить неукротимому хапужничеству?

Впрочем, это будет завтра. За вечер мне юридические нюансы не постичь, так что придется импровизировать. А что сейчас можно сделать — так это постараться получить максимум сведений о том мире, куда меня зашвырнуло и поглядеть: нет ли для меня работы по специальности. Пока что единственный серьезный факт, почерпнутый из застольной беседы, заключался в том, что в стране сохранилась монархия. Впрочем, сейчас на мою судьбу это не влияет никак. Мне бы не о государственном устройстве думать, а о хлебе насущном. Хорошо ещё, у меня в запасе имеется несколько оплаченных дней пансиона мадам Грижецкой. И за эти дни мне непременно надо определиться со своей дальнейшей жизнью. А она, жизнь, сейчас она во многом зависела от того, как пройдут завтрашние переговоры с господином Маннером.

Из размышлений меня выдернул звонкий мальчишеский голос:

— «Ведомости»! Вечерний выпуск, только что из типографии! Покупайте «Ведомости»!

Я поднял голову. Навстречу мне бежал мальчишка-газетчик, перекинув через руку пачку сероватых листов. Время от времени мальчишка останавливался у фланирующих по улице господ, обменивал газеты на медные монетки и бежал дальше. Одет он был весьма причудливо: много раз латаные и все равно продранные штаны, выдавшие виды ботинки, засаленная клетчатая кепка и полотняная куртка, натянута прямо на исподнюю рубаху. Ботинки и кепка были на несколько размеров больше, чем надо, зато вот куртка была откровенно мала. Маленький газетчик остановился около меня.

— Купите «Ведомости», господин хороший! Всего две копейки!

А почему бы и нет? В газетах помимо новостей печатают еще и всяческие объявления. Кто знает, может, и найду, чем заняться с послезавтрашнего дня.

Я достал из кармана монетку, протянул ее пацану и получил взамен несколько листов рыхлой сероватой бумаги, резко пахнувшей типографской краской. Мальчишка побежал

дальше, выкрикивая своё «Покупайте «Ведомости!»», а я огляделся вокруг.

Надо сказать, несмотря на то, что на проезжей части улицы хватало разнообразных автомобилеподобных агрегатов, в воздухе не было привычных мне городских запахов бензина и выхлопных газов. Это было удивительно и требовало объяснений. Но доискиваться причины прямо сейчас не хотелось. Не хотелось и возвращаться в пансион для чтения газеты, зато внезапно захотелось подольше побыть на воздухе. Чуть поодаль я разглядел какие-то кусты и деревья за высокой оградой. Парк? Надо непременно проверить. Может, в нем и свободная скамейка найдется?

Я ускорил шаг, и вскоре уже входил через распахнутые настежь ворота узорчатого чугунного литья в аккуратный ухоженный парк. Гуляющего по дорожкам народу в парке хватало. Большой частью — благородные господа, по крайней мере, с виду. Были также люди попроще, их сразу можно было отличить по внешнему виду. Одеты они были чисто, аккуратно, но, все же, поскромнее и... подешевле, что ли. Чинно прогуливались гувернантки с детьми, где-то вдалеке играл духовой оркестр. А вот мамаш с младенцами в колясках не было ни единой. То ли не принято детей в таком возрасте по улицам таскать, то ли колясок еще не изобрели.

Свободных скамеек видно не было, и я уже было загрустил, но тут, на мое счастье, стайка молодых барышень сорвалась с небольшой скамеечки и с хохотом убежала прочь. Конечно, я тут же опустился на освободившееся место и развернул свою газету. Первым делом я кинулся смотреть дату. Не то, чтобы у меня были большие сомнения, но хотелось увидеть зримое подтверждение своим догадкам. Надо сказать, предположения подтвердились вполне: та самая несчастливая гонка проходила — я это точно помню — восемнадцатого июня. А газета, сегодняшней вечерний выпуск, была датирована июнем девятнадцатым. Ровно сто лет назад! Тут-то меня и накрыло. Наверное, это было то, что в заумных книжках именуется темпоральным кризисом.

Какое-то время я сидел, тупо глядя в пространство и переваривал этот факт. Не знаю, почему, но до сих пор все происходящее со мной воспринималось как некая ролевая игра, реконструкция, костюмированный бал и маскарад. Несмотря на все, казалось бы, достаточные доказательства моего невероятного переноса — одежда, манера речи, документы, даже доисторические самобеглые повозки — я так и не мог до конца принять и осознать своего переноса сквозь время. Я жил и действовал, словно в театре, среди декораций и реквизита. И только сейчас несколько чуть смазанных цифр на дрянной бумаге, пачкающей руки типографской краской, окончательно убедили меня в полной и абсолютной реальности всего, что я вижу и ощущаю вокруг.

Звуки, запахи, изображения — все внезапно нахлынуло на меня так, что я на какое-то время потерялся в потоке ощущений, ошарашенный их пронзительной яркостью и четкостью. Шуршание газетных листов, пение птиц, отдаленный плач капризного ребенка и тихий смехок проходящей мимо прелестной юной барышни, солнечные лучи, просвечивающие сквозь листву, запах дорогого табака, легкий шлейф духов, аромат цветов — все нахлынуло на меня разом, и я сидел, потерявши всякое представление о времени и пространстве.

Вернуло меня в реальность громкое шипение, сопровождавшееся вспышкой, перебившей своей яркостью все виденные мною образы. Резкий неприятный запах заставил меня чихнуть, и окончательно выдернул из многокрасочных грез.

— Будьте здоровы! — раздался совсем рядом энергичный мужской голос.

— Спасибо, — машинально ответил я, поворачиваясь к говорившему.

Моему взору предстал молодой человек, хотя и прилично одетый, но весьма растрепанной внешности: платочек в нагрудном кармане долгополого пиджака (слово «сюртук» я узнал позже) был скомкан, одна из штанин задралась, из-под легкой шляпы-канотье торчали неприбранные пряди волос. На веснушчатом носу красовались круглые очки-«велосипеды» с треснутым стеклом — ну чисто Гарри Поттер. Он стоял возле установленного на треноге старинного деревянного фотоаппарата и совершал с ним какие-то манипуляции. Кажется, пытался что-то из него вытащить. В воздухе расплывалось облачко дыма от сгоревшего магния.

— Позвольте представиться, — произнес фотограф, справившись, наконец, со своим ящиком. — корреспондент газеты «Ведомости» Фёдор Игнатьев.

С этими словами он чуть приподнял свою шляпу и тут же кинулся в атаку:

— Владимир Андреевич, разрешите задать вам несколько вопросов.

Я не успел и глазом моргнуть, как был завален этими вопросами с ног до головы.

— Скажите, что произошло на вчерашних гонках? Что, по-вашему, стало причиной аварии? Это правда, что господин Маннер отказался пригласить к вам доктора? Действительно ли он решил уволить вас из состава команды?

— Стоп-стоп-стоп! — прервал я этот бесконечный поток. — Никаких интервью.

— Интер- что? — переспросил озадаченный журналист.

— Интервью, собеседование, опрос.

— А-а-а! Понимаю, вы англоман.

— С чего вы взяли? — удивился я.

— Ну как же, такой явный англицизм!

— Это ничего не значит. Вы вот носите шляпу-канотье, изобретенную во Франции. Означает ли это вашу принадлежность к поклонникам *la belle France*[1]?

— Ну почему же? Я просто следую веяниям моды.

— А я просто использую более короткое и емкое по смыслу слово.

— Хм-м... Пожалуй, в этом есть определенный смысл.

Молодой человек задумчиво потер указательным пальцем переносицу, но тут же спохватился.

— Может, все-таки э-э-э... интервью? — неуверенно предложил он.

И тут у меня мелькнула мысль. Пресса — штука крайне полезная. Переговоры с начальством под надзором фотографа-борзописца могут пройти куда как веселей. Кроме того... этот деревянный ящик на треноге, он ведь наверняка тяжел, и таскать его по улицам на своем горбу — дело не самое весёлое. Не имеется ли, часом, у господина Федора Игнатьева хотя бы плохонького автомобильчика?

— Знаете, Федор э-э-э...

— Иванович, — подсказал тот.

— Так вот, Федор Иванович, завтра я буду иметь оживленную беседу с господином Маннером у него в конторе. Если вы хотите получить самые горячие новости из первых рук, приходите туда завтра. Ручаюсь, вы получите достаточно ответов на все ваши вопросы. А еще лучше... у вас ведь есть транспорт?

— Мобиль? Есть, правда...

— Заезжайте за мной утром часиков в десять к пансиону мадам Грижецкой. Знаете, где это?

— Конечно!

— Ну а я поспособствую тому, чтобы вы были в первых рядах зрителей. Ну что, договорились?

— Конечно! Но...

Журналист несколько замялся.

— Ходят слухи, и отнюдь небеспочвенные, что господин Маннер недолгобливает работников прессы. А если точнее, то терпеть их не может. Не явится ли это препятствием к моему появлению?

— Никоим образом. Господина Маннера я возьму на себя. Он будет занят беседой со мной, и вы сможете без помех сделать необходимые записи. А, может, и сделать удачный снимок.

— Владимир Антонович! — Игнатъев чуть не запрыгал в предвкушении сенсации, — Если это удастся, считайте меня своим вечным должником!

— Не надо, Федор Иванович так бросаться словами. Не ровен час, решит кто поймать вас на слове — и что в таком случае делать будете?

— Ну-у... Думаю, все же, такой вариант маловероятен.

— Напрасно вы так думаете. Даже в нашем с вами кругу имеется достаточно людей, которые на это способны — в случае, если им это выгодно, разумеется.

Я поднялся со скамейки, распрощался с журналистом и отправился назад в пансион: надо же было прочесть, наконец, эту несчастную газету!

[1] La belle France — прекрасная Франция

Двери в гостиную были открыты, и я удобно устроился в дальнем углу, в уютном плюшевом кресле у открытого по случаю теплого вечера окна. На столике рядом были расставлены пепельницы и разложены коробки спичек. Вот сигар, сигарет или просто папирос не наблюдалось. Да что там — простого табака, даже махорки — и то не было. Видимо, вытряхнуть пепельницы невелик труд, да и спички недороги, а вот табачок, как водится, врозь. Ну да оно и к лучшему: сам не курю, и дыма табачного не люблю.

Поерзав по сиденью и усевшись, как следует, я развернул газету и принялся бегло её просматривать. Против ожиданий, в «Ведомостях» не нашлось ни одного объявления о работе. Куча сообщений об открытии новых фотографических салонов, ресторанов, о собраниях всевозможных обществ, реклама всяческих магазинов, уведомление о благотворительном бале, который дает баронесса Сердобина в своем особняке и прочая чушь. О найме — ни слова. Может, не та газета? Или здесь вообще не принято давать подобные объявления? Спросить бы кого, но, боюсь, неправильно поймут. А тот газетчик, хоть на вид и симпатичный молодой человек, еще состряпает какую-нибудь пакостную статейку...

Распрошавшись с надеждой немедленно определиться со своим будущим, я перевернул газету и принялся внимательно прочитывать ее от корки до корки. Под набранным крупным шрифтом названием газеты — «Ведомости», я обнаружил скромную надпись «тамбовские». Значит, я нахожусь в Тамбове, что уже неплохо: все-таки, в прошлой, так сказать, жизни я как раз в Тамбове и проживал. Этот факт меня обнадежил, и я с удвоенной энергией взялся штудировать прессу.

Надо сказать, в глобальном смысле я получил немного. На первой полосе были внутренние губернские новости. В основном, они касались снятия и назначения чиновников различных рангов. Единственное, что можно было почерпнуть из этих заметок, это сам факт существования некоего господина имярек в некоей должности. Вторая страница была заполнена пространными и довольно косноязычными фельетонами. По крайней мере, мне так и не удалось понять, кого именно высмеивают эти опусы, и какие факты общественной и частной жизни они критикуют. Четвертая страница с объявлениями была уже просмотрена вдоль и поперек, оставалась лишь третья. Как оказалось, в ней и было самое интересное и важное во всей газете.

Поперек страницы жирным шрифтом был напечатан заголовок: “Ужасная авария на вчерашних автогонках!” И чуть ниже и мельче: “Гонщик чудом остался жив!”

В тексте была обычная чушь, рассчитанная на восторженных дилетантов. Про отважных мужчин в гогглах и кожаных куртках, про безумные скорости в пятьдесят миль в час, и прочая ерунда. Тем не менее, я внимательно прочитал всю статью, тщетно пытаясь получить хоть какую-нибудь дополнительную информацию. Но что оказалось для меня действительно ценным — огромное фото, занимавшее чуть ли не треть страницы. На нем было запечатлено хрупкое сооружение о четырех колесах, уткнувшееся передком в здоровенный валун. Водитель этого раритета сидел, навалившись грудью на руль и уперев голову в круглом шлеме знакомой формы и тех самых гогглах в планку, разделяющую лобовое стекло по вертикали надвое. Само стекло, видимо, разбилось при ударе, и лишь несколько обломков торчало из ограждавшей его рамки. Судя по фото, повреждения у маш... да, конечно, мобилия

— были невелики. Три-четыре часа в хорошей мастерской, плюс покраска. А вот что касается водителя, то есть, его очков... вряд ли вставленное в них стекло, да еще защищенное довольно толстым латунным стаканом, могло разбиться о сравнительно тонкую рамку. Других же вариантов разбития очков видно не было.

Я глянул в конец статьи. Фамилия репортера мне ничего не сказала, а вот фотографию делал мой знакомый Федор Игнатьев. Надо бы порасспросить его на предмет причины аварии. Ведь раз он снимал, то был непосредственным свидетелем всего произошедшего и мог увидеть что-то такое, чего все остальные просто не разглядели. Ну и, кроме того, у него помимо напечатанного в газете наверняка есть ещё несколько снимков, да и качеством они будут получше, чем искаженная печатным станком мутноватая картинка. Ценное знакомство, надо признать.

Незадолго до ужина гостиная стала наполняться постояльцами. За стол никто не спешил. Дамы и господа расселись по диванам и креслам и, конечно же, принялись обсуждать центральную статью «Ведомостей». Тут же возникли споры. И тот, о лошадях и машинах, слышанный мной за обедом, и о том, нужны ли гонки вообще, и о том, насколько с моральной точки зрения приемлемо такое зрелище. Я же сидел в своем кресле, и не слишком вслушивался в беседу, пытаюсь осмыслить свое нынешнее положение и составить хоть какой-нибудь план на будущее. Как назло, в голову ничего дельного не приходило. Зато мысли постоянно сворачивали на фото в газете и разбитые гогглы. При таком, не особо сильном ударе, очки пострадать ну никак не могли. Значит, было что-то еще. Еще один удар, который никто из зрителей не видел. Может даже...

При этой мысли мне несколько поплохело. А что если в меня — то есть, в того, прежнего Володю Стриженова, стреляли? Пуля — или что там было — разбила гогглы, но дальше почему-то не прошла, и оставила мне на память о моем предшественнике жесткое сотрясение мозга. А раз так, то стоит повнимательней осмотреть свои очки. Может, там, на внутренней стороне латунной оправы, найдется какое-то доказательство моей теории?

Погруженный в свои мысли, я не сразу услышал, что ко мне обращаются.

— Владимир Антонович!

— Что?

Несколько секунд я хлопал глазами, пытаюсь сообразить, чего от меня хотят. А все собравшиеся вокруг смотрели на меня и явно чего-то ждали. Пришлось извиняться.

— Простите великодушно, но я задумался настолько, что выпал из общей беседы. Не могли бы вы повторить свой вопрос?

— Владимир Антонович, — произнесла одна из дам. Во время обеда она молчала, зато сейчас обнаружила нежный певучий голос. — Мы с супругом считаем, что гонки — это моветон. Это потакание изменным страстям плебса, а кроме того — бесполезный риск для людей, отважившихся посвятить свою жизнь этому сомнительному занятию. Но вот молодые люди настолько категорически утверждают обратное, что нам необходим знающий человек, способный разрешить наш спор. И по нашему общему мнению, вы как раз именно такой человек. Окажите нам любезность, изложите вашу точку зрения по этому вопросу.

Подобные лекции мне приходилось читать неоднократно в самых разных компаниях. Я успел отточить формулировки, выправить стиль и почти что выучить эту речь наизусть. И сейчас приготовился поведать свою домашнюю заготовку новому миру, несколько упростив и огрубив основные тезисы в расчете на не слишком просвещенную публику. Главное — не

запутаться в терминах и не сбиться с местной несколько высокопарной и витиеватой манеры речи.

Обитатели пансиона в предвкушении моих откровений подсели поближе и приготовились внимать, не пропуская ни единого слова. Ну а я, видя, что публика готова, предпочел не заставлять себя ждать.

— Сегодня перед обедом молодые люди очень верно говорили о том, что прогресс неостановим. Как бы люди старшего поколения не цеплялись за свои привычки и предпочтения, жизнь меняется. Так было до нас, и так будет после нас. Конечно, перемены наступают не мгновенно, но они неизбежны. И знаете, в чем причина этих перемен? В экономике. Деньги начинают двигаться быстрее, и заставляют ускоряться все прочие составляющие нашей с вами жизни.

— Но как это связано с мобилиями? — недоуменно спросил давешний толстяк.

— Напрямую, Петр Егорович, — вспомнил я имя ретрограда. — Любой купец может подтвердить, что доход предприятия во многом зависит от скорости оборота денег. И тот, кто сможет заставить свой капитал двигаться быстрее, сможет превзойти своего более медлительного конкурента.

— Да, это так. Но...

— Позвольте, я закончу свою мысль. До недавнего времени, как вы знаете, гужевой транспорт был единственно доступным средством передвижения если, конечно, не считать собственные ноги. И люди, и грузы передвигались со скоростью лошади. Быстрее и легче, чем пешком, это несомненно. Но сейчас появились мобили, и все деловые отношения, прямо или косвенно связанные с перевозками, получили весомую прибавку в скорости. Вы ведь не станете спорить с тем простым фактом, что мобиль быстрее лошади?

— Разве что гоночный. А на улице мобили ничуть не быстрее, — упирался спорщик.

— Хорошо. С какой скоростью едет мобиль?

— В среднем, пятнадцать-двадцать миль в час, — ответил один из молодых парней.

— А лошадь?

— Лошадь может бежать со скоростью миль шестьдесят в час, — с уверенностью заявил местный ретроград и с видом превосходства оглядел всех присутствующих. — Конечно, это верно лишь для чистокровных элитных скаковых пород. Но даже обычная извозчичья кобыла легко даст тридцать миль.

— Прекрасно!

Я широко улыбнулся, почти что оскалился.

— И как долго может бежать лошадь с такой скоростью? Молчите? Тогда я скажу: полчаса, от силы час, иначе она падет. А мобиль со скоростью в пятнадцать миль может ехать весь день. Прикиньте: двенадцать часов по пятнадцать миль — сто восемьдесят миль. Самые лучшие лошади за день не пройдут и трети этого расстояния. А что касается перевозки грузов, ситуация и вовсе несравнимая. Лошадь, запряженная в телегу, везет от силы тридцать-сорок пудов груза. При этом она движется шагом, не быстрее пяти миль в час. Грузовой же мобиль легко перевозит полторы-две сотни пудов со скоростью все те же пятнадцать миль в час. Вот и выходит, что лошадь по всем статьям уступает мобилиям, и это я еще не касался стоимости содержания и обслуживания. Так что гужевой транспорт с неизбежностью уходит в прошлое. Рано или поздно, лошади останутся лишь в узкой нише: эстетика, экзотика, спорт, способ продемонстрировать статус — и все. Нет, они не исчезнут совершенно, всегда будет оставаться достаточно людей, беззаветно влюбленных в этих

прекрасных, благородных животных. Но на дорогах в ближайшую сотню-другую лет будут царить именно мобили.

— Это, безусловно, интересно, — вмешался второй господин. — Но мы бы хотели услышать о гонках! Какое отношение экономика имеет к гонкам мобилей?

— Самое прямое, — улыбнулся я в ответ. — Как вы только что убедились, основным транспортным средством современной экономики становятся мобили, и причину этого я показал ранее: использование мобили ускоряет движение денег. С каждым годом спрос на мобили растет, поскольку все большее количество людей начинают понимать преимущества и выгоды, которые приносит новое массовое средство передвижения. А фабрики производят все больше и больше мобилей, стремясь удовлетворить непрерывно растущий спрос. Они стараются сделать новый транспорт быстрее, надежнее, грузоподъемнее, комфортнее, в конце концов. Но у мобилей есть один минус: цена. Хороший современный мобиль стоит довольно дорого. Дороже средней извозчицкой лошадки. Конечно, вложенные средства со временем окупятся, но каждому предпринимателю хочется, чтобы деньги вернулись как можно скорее и в дальнейшем принесли наибольшую прибыль. Как же это сделать? Фирм, производящих мобили, довольно много. Каждая из них представляет на выбор несколько схожих моделей. И каждая фирма на все лады расхваливает свою продукцию и, конечно, охаивает мобили конкурентов. Деловому человеку, желающему вложить капитал в транспортное средство, бывает весьма непросто сделать оптимальный выбор. Перед ним встает вопрос: какой мобиль лучше? Какая из фабрик выпускает наиболее удобные, качественные и надежные аппараты? Без помощи квалифицированного специалиста ответить на этот вопрос невозможно. Иначе вместо того, чтобы вести дело, придется изучать и сравнивать характеристики множества мобилей. И это не гарантирует правильности выбора, ведь производители могут и приврать в своих рекламных предложениях. И тут появляется то самое средство, которое позволяет даже дилетанту наглядно сравнить мобили разных фирм. Гонки.

От такой длинной речи у меня даже горло пересохло. Я потянулся было к графину, но юноша в сером костюме меня опередил: оперативно наполнил стакан водой и подал мне. Я поблагодарил, сделал пару глотков и продолжил:

— Именно гонки являются средством показать товар лицом. Все предельно просто: какой мобиль пришел к финишу первым, без поломок и аварий, тот и лучше. Конечно, есть нюансы, но, в основном, дело обстоит именно так. Фирмы строят специальные гоночные мобили, вкладывают немалые средства в разработки новых конструкций, и все — ради победы в престижных гонках. Потому что эта победа вскоре кратно окупится ростом продаж. Большие деньги — вот главное, ради чего устраиваются состязания мобилей. А все остальное — зрелищность, ажиотаж, риск, тотализатор и прочее — это лишь декорации. И никакие рассуждения об аморальности и жестокости этого вида спорта не смогут отменить гонки.

— А что же вы? — спросила женщина, вынудившая меня к этому монологу. — Вы понимаете всю отвратительность и низость гонок и все равно участвуете в них? Почему?

— Все просто. Как я уже сказал, гонки не отменят и не запретят. Ни вы, ни я, ни кто-то другой. Так или иначе, они будут существовать и сейчас, и через сотню лет, тем более, что подобная оценка — лишь спекуляция. Любезный Петр Егорович наверняка сможет подтвердить, что ровно то же самое, слово в слово, лет десять-двадцать назад говорили о лошадиных бегах. А я, как и другие гонщики, буду в них участвовать потому, что мне это

нравится. Мне нравится ощущение скорости, нравится чувство единения с аппаратом, когда он настолько послушно откликается на каждое малейшее движение, что кажется продолжением тела. В конце концов, ощущение борьбы, напряжение схватки, и радость победы, когда в состязании с сильнейшими гонщиками я одерживаю верх, тоже доставляет мне удовольствие. И, несомненно, способствует самоутверждению.

— А как же ваша вчерашняя авария?

— Это бывает нечасто. Если мобиль тщательно подготовлен механиками, если гонщик спокоен и собран, если никто на трассе не пытается вдруг помешать, то риск аварии минимален. Что же до вчерашнего происшествия, причины его еще предстоит определить. Имела ли место неисправность мобили или вмешался некий внешний фактор...

Я прикусил язык. Черт побери, проговорился! Это ж завтра весь город будет судачить о «внешнем факторе»!

— Bravo, Владимир Антонович! — послышался с улицы знакомый голос и аплодисменты.

— Bravo! Bravo! — поддержал его девичий голосок.

— Bravo! — захлопали спорщики.

Тем временем, в окне появилась растрепанная голова в шляпе-канотье

— Прошу прощения, Владимир Антонович. Мы проходили мимо и услышали ваш весьма интересный рассказ. И, конечно, не смогли удержаться от того, чтобы подойти поближе и послушать. Знаете, я никогда не думал о том, что такие, казалось бы, малосвязанные вещи, на самом деле теснейшим образом переплетены между собой.

— Тем не менее, это так. Кстати, дамы и господа, позвольте вам представить: Федор Иванович Игнатъев, корреспондент «Ведомостей». Именно ему принадлежит авторство фотографии в нынешнем вечернем выпуске.

Тут начались пустые славословия, уверения в почтении и прочие скучнейшие и, как по мне, совершенно пустые ритуалы.

Представленные церемонно раскланялись, затем фотограф со своей компанией удалился, и наступил ужин.

После вечерней трапезы я поднялся наверх. Плотнo закрыв за собой дверь, уселся на диван и принялся осматривать свои гогглы, тот окуляр, в котором треснуло стекло. И действительно, внутри толстого латунного стаканчика нашлась глубокая забитая свинцом борозда. Наверное, силы выстрела оказалось недостаточно, чтобы ранить или убить гонщика. А вот очки неизвестный пока стрелок разгрохал. И явные симптомы сотрясения наверняка тоже связаны с этим выстрелом. Удивительно только, как это такая хрупкая вещь как стеклянная линза лишь треснула, и даже не высыпалась из оправы. Нет, однозначно надо будет сходить к мастеру и как следует его отблагодарить. Ведь эти очки, по сути, изначальному хозяину тела жизнь спасли. Вот только об этих открытиях лучше помолчать: кто знает, в кого на самом деле стреляли: в фирму господина Маннера или в самого Володю Стриженова.

Завтрак подходил к концу, когда за открытым окном гостиной послышалось знакомое уже негромкое фырчание. Не иначе, как господин журналист прикатил. Я кинул взгляд на часы: до условленного времени оставалось минут пятнадцать. Так что пусть торопыга подождет, у меня еще не завершены утренние дела.

Я вернулся к чаю и легкой застольной беседе. Собственно, беседа вполне обходилась без моего участия. Да и я больше помалкивал, боясь проколоться с незнанием чего-нибудь совсем элементарного, и сосредоточившись на том, чтобы правильно и без ошибок обращаться с многочисленными столовыми приборами. В свое время матушка упорно вдальбивала в меня премудрости застольного этикета. Тогда я был не слишком прилежен, поскольку не сомневался, что эта наука мне никогда не понадобится, не светит мне столь изысканное общество. Но жизнь наглядно показала, что ни от чего нельзя зарекаться. Сума и тюрьма — так, детский лепет, порой и в другой мир провалиться случается. Так что невозможно знать заранее, что и когда понадобится в жизни.

Я допил чай, промокнул губы салфеткой, поднялся из-за стола и, распрощавшись со своими соседями, вышел на улицу. У бровки тротуара стояло нечто, более смахивающее на легкую бричку, только без оглобель и с рулем. Чтобы не выдать своего скептического отношения к этому агрегату, пришлось приложить немало усилий.

— Доброе утро, Федор Иванович, — поприветствовал я своего нынешнего извозчика.

— Доброе утро, Владимир Антонович, — с готовностью отозвался журналист, приветственно приподнимая свою шляпу. — Прошу садиться.

И прибавил извиняющимся тоном:

— Увы, но мобили, как вы верно вчера отметили, стоят немало. Приходится ездить на этом раритете.

— Наследство? — поинтересовался я для вежливости.

— Дедовское, — с печалью в голосе подтвердил Игнатьев. — Приходится тащиться не быстрее десяти миль в час. Думаю, если дам положенные пятнадцать, эта колымага просто рассыплется. Так что давайте уже поедем, а то рискуем опоздать к назначенному времени. Ехать-то придется на другой конец города.

Я взгромоздился на вполне удобное сиденье, обитое зеленым плюшем. Мобиль при этом чувствительно качнуло, и где-то снизу, из-под днища кузова, раздался отчаянный скрип.

— Видите, — грустно вздохнул журналист, — все разболталось. В мастерских даже смотреть не хотят, не то, что браться за ремонт. Смеются: мол, вашу лошадь проще пристрелить, чтобы не мучилась.

Он дернул рычаг, крутанул какой-то маховичок, даванул на клаксон — резиновую грушу с латунным раструбом и тронул свой аппарат с места.

Я по старой шоферской привычке попытался прислушаться к машине, прочувствовать ее, так сказать, филеем. Этому изрядно препятствовала чересчур мягкая подушка сиденья, но даже через толстый слой набивки ощущался каждый толчок. Ощущения мои были удручающие. Мобиль немилосердно трясло: еще бы, по брусчатке, да на просевших рессорах, да без единого амортизатора! На узких колесах с тонкими деревянными спицами были резиновые шины. Но — литые! Много ли неровностей дороги они могут смягчить? Скорее,

резина нужна для того, чтобы железные ободья не грохотали по булыжнику. Ну и еще для некоторого сцепления с дорогой. Мягкая подушка сиденья несколько уменьшала тряску, но все равно разговаривать в таких условиях было чревато серьезным риском прикусить язык.

На ямках мобиль изрядно раскачивался из стороны в сторону. Пару раз я даже всерьез испугался, что мы сейчас перевернемся, но Игнатъев, видимо, привык к таким фокусам своей механической повозки, и ни разу даже бровью не повел. На поворотах нас тоже серьезно кренило, и это на смешных десяти милях в час. Да я бегом могу двигаться быстрее! Страшно подумать, что будет, если мобиль выдаст все пятнадцать! Где-то внизу, под днищем, постоянно раздавался громкий металлический лязг и скрежет. Рессоры скрипели настолько душераздирающе, что опасения журналиста показались мне вполне реальными. Но, тем не менее, старичок, трясясь, подпрыгивая, скрипя и лязгая, катился в нужном направлении, и рассыпаться не собирался. Может, он все же прочнее, чем кажется? Кто знает, если его просто чуток подшаманить, протянуть гайки и смазать в нужных местах, он перестанет пугать жуткими звуками своих седоков?

Внезапно мобиль вильнул к обочине и остановился. Игнатъев щелкнул ногтем по стеклу какого-то прибора и вздохнул:

— Вода вышла...

Он выскочил на дорогу с очевидной целью: устранить проблему. Я — тоже, но уже из любопытства. Журналист открыл крышку позади экипажа — видимо, багажник — и вынул жестянку, формой близкую к кубу и с пробкой в одном из углов. Надо понимать, канистра. Здесь же, в багажнике, нашелся закрытый лючком патрубок. Лючок был открыт, в патрубок вставлена вполне чистая жестяная воронка и содержимое канистры полилось куда-то в недра мобиля. Заливаемая жидкость была светлой, прозрачной и совсем не пахла. Игнатъев, кажется, говорил что-то про воду. Так это он с собой воду возит?

Это открытие тут же потянуло за собой следующее: это что, паровик? Мать честная! Кажется, мне удалось не сказать это вслух, да и вообще удержаться от демонстрации своего удивления. Теперь стал понятен и звук, издаваемый мобилем, и относительная чистота воздуха вдоль дорог. Черт побери, они тут все ездят на пару! Но почему? Нефть не нашли? Нашли, но не смогли перегнать на бензин? А чем топят? Явно. Не углем. Спиртом? Вопросов появилось множество, и ответов не было ни на один. Хуже того, я никому не мог задать эти вопросы. Представьте себе: гонщик вдруг начинает спрашивать подобные вещи! Но, вместе с тем, получить ответы было просто необходимо.

Забег моих мыслей прервала реплика хозяина колесного антиквариата:

— Сейчас пар пойдет и поедем дальше.

Я кивнул с понимающим видом. Было время, когда я интересовался паровыми машинами, и кое-какие знания в голове отложились. Например, я знал, что у паровозов отработанный пар из цилиндров просто выходил в атмосферу, и по этой причине было необходимо регулярно пополнять запасы воды. Отсюда и водонапорные башни на каждой станции. Потом инженеры придумали специальное устройство, конденсатор, чтобы этот пар собирать, охлаждать и в виде воды возвращать обратно в котел. Паровозы от этого стали чуть экономичней, но к тому времени уже получили широкое распространение электричество и дизель, и век паровых машин благополучно завершился. Остались разве что паровые турбины на военных кораблях и на тепловых электростанциях. Но это такие здоровенные дуры, что втиснуть такую в мобиль просто нереально.

— А что, у вашего мобиля нет конденсатора? — спросил я с видом знатока.

— Да есть, — с досадой махнул рукой Игнатьев. — Но все равно через каждые полсотни миль приходится доливать воду и ждать, когда давление пара дойдет до нужной марки. Впрочем, уже все, можно ехать.

И мы двинулись дальше.

На скорости десять миль в час да со всеми остановками путешествие в контору заняло больше часа. Но в конце концов, кряхтящий и скрипящий старичок остановился у двухэтажного здания. Вид у здания был, по моим представлениям, довольно убогий. Нижний этаж был сложен из кирпича и когда-то слегка оштукатурен. Верхний же этаж был полностью деревянным. Даже крыша была крыта досками. Случись пожар — от дома останутся разве что стены первого этажа. Зато вывеска над узкой двустворчатой дверью была солидной. На изрядного размера основе из тонкого крашеного суриком железа крупными белыми буквами было выведено: «Успех». Ниже шрифтом поменьше шла приписка: «товарищество на паях».

Рядом с дверью на деревянной лавке — то есть, на доске, брошенной на два чурбака, сидел крепкий дед колоритнейшей внешности: борода лопатой, косоворотка, запыленная тужурка, полосатые штаны, сапоги «гармошкой», картуз. Судя по брезентовому фартуку с медной бляхой и метле в руках, дворник. Видал я фотографии столетней давности, натура — точь в точь. Завидев подъехавший мобиль, он неторопливо поднялся, дождался, когда я подойду к двери, приподнял картуз и, чуток поклонившись, степенно произнес:

— Доброго здоровьица, Владимир Антонович.

— И тебе не хворать, — откликнулся я.

— А это кто? — ткнул он пальцем в журналиста, выволакивающего с заднего сиденья своего драндулета тяжелую деревянную треногу с фотоаппаратом.

— Это газетчик из «Ведомостей», он со мной.

— Нехорошо это, не жалуется Томас Фридрихович газетчиков-то.

— Говорю же — со мной человек, я и отвечу в случае чего. Знаешь ведь, что меня увольняют?

— Слыхал, ага, болтали девки в конторе.

— А раз так, то с меня и взятки гладки. Побесится Маннер, не без того, а сделать ничего уже не сможет.

— Оно, конечно, так, — почесал затылок дворник, — да только хозяин всяко найдет, на ком отыграться. А он со вчерашнего дня ой, как не в духе. Говорят, Николай Генрихович гонку вчера проиграл вчистую, предпоследним пришел. Свалил все на механиков — мол, мобиль плохо подготовили. Вот Томас Фридрихович и лютует, да так, что держись! Ходит весь красный, орет на всех подряд. Того и гляди, удар с ним приключится.

Пока клининг-мастер выкладывал мне последние новости, я прочел выбитое на бляхе имя: Урюпин Степан Никанорович.

— Ничего, Никанорыч, бог не выдаст, свинья не съест. Авось, уцелею. А ты...

Я порылся в кошельке и вынул серебряный полтинник.

— Тебя, вроде как, и вовсе рядом не было. Ты не видал и не слыхал ровным счетом ничего.

Дворник, просветлев лицом, принял монету и, пристроив метлу в тамбуре за входной дверью, испарился. А я, обернувшись к журналисту, с пафосом произнес:

— Идемте, Федор Иванович. Нас ждут великие дела!

По узкой скрипучей деревянной лестнице мы поднялись на второй этаж. На верхней площадке, прежде, чем войти в помещение конторы, я шепнул своему спутнику:

— Сейчас я займу Маннера, а вы пока настраивайте свою треногу. Не знаю, удастся ли вам сделать хороший снимок, но будьте наготове.

— Будьте покойны, Владимир Антонович, я мигом изготовлюсь. Пластинка уже заряжена в аппарат, так что пары минут мне будет вполне довольно.

— Ну, тогда вперед! — кивнул я и уверенно распахнул дверь.

В конторе было полно народу. Я заметил того рыжего веснушчатого парня, который помог мне два дня назад. Он тоже увидел меня, приветственно махнул рукой, но подходить не стал: вернулся к беседе с высоким сухопарым мужчиной в полувоенной одежде: сапоги, галифе и китель без погон. Лицо его, породистое, жесткое, с резкими чертами, вызвало в памяти фразу о твердом нордическом характере. Наверняка это тот самый Клейст. Ну а его подчеркнутое игнорирование моего присутствия говорило о том, что отношения с ним у моего предшественника... как бы это мягко выразить... сложные. Но не в моих правилах навязываться, тем более, что сослуживцами очень скоро мы быть перестанем, и дорожки наши разойдутся в разные стороны.

Обилие публики, видимо, было связано с национальным ежемесячным праздником — днем полочки. Люди по одному заходили в кабинет, на солидной двери которого была прикреплена табличка: «Т.Ф. Маннер. Управляющий». Спустя недолгое время люди выходили обратно и либо сразу двигали на выход, либо, что случалось чаще, задерживались в помещении конторы. Надо думать, все уже были в курсе моего грядущего увольнения и жаждали увидеть финальную сцену этой потрясающей драмы. Что ж, я им предоставлю такую возможность.

Посматривали люди и на Игнатьева, но вслух ничего не говорили. Тот со своей треногой встал так, чтобы никому не мешать, и старательно прикидывался ветошью.

В ожидании своей очереди я подошел к столу, за которым сидела, колотя по клавишам пишущей машинки, единственная дама в конторе. По всей видимости, та самая Люсьена, о которой давеча шла речь.

— Добрый день, господин Стриженов, — равнодушно произнесла она. Извольте поставить свою подпись.

С этими словами она протянула мне два листа бумаги. Я быстро их просмотрел. Это было соглашение о расторжении контракта по инициативе работодателя. Дата стояла позавчерашняя. Что ж, сумма в расчете будет на пару рублей меньше. Я взял со стола перо, обмакнул в чернильницу и быстро вывел сложный росчерк сперва на одном листе, потом на другом. Ради этих двух закорючек я вчера перед сном убил не меньше двух часов, пытаюсь сперва просто написать хоть что-то на листе не слишком качественной бумаги, а потом подделать собственную подпись, тщательно копируя все положенные завитушки, которые были изображены на бумаге с контрактом. Забрав и просушив свой экземпляр, я спрятал его во внутренний карман сюртука и вернулся к ожиданию беседы со своим теперь уже бывшим шефом.

Ждать пришлось довольно долго, но, наконец, дошел черед и до меня. Тяжелая дверь кабинета отворилась без скрипа, я сделал два шага вперед и остановился перед столом, за которым восседал, судя по всему, сам Т.Ф. Как-то так вышло, что я так и не удосужился

запомнить имя-отчество начальства. Но теперь, надо полагать, в этом и вовсе не было смысла. Пока управляющий копался в ящиках своего стола и перебирал какие-то бумаги, я получил возможность как следует разглядеть этого человека.

Маннер оказался толстячком с круглым одутловатым лицом, пухлыми щеками, маленькими комичным усиками и большой сверкающей плешью. Одет он был в шикарный костюм-тройку, явно шитый на заказ у дорогого портного. На коротких толстенных пальцах сверкали перстни. И камни в них явно были настоящими, в отличие от тех, что я видел у моих соседей по пансиону.

Какого-то конкретного плана беседы я заранее не составлял, положившись на импровизацию. И уже здесь, в конторе, глядя на собравшихся людей, у меня возникла идея. Состояла она в том, чтобы, во-первых, сделать разговор достоянием общественности. А во-вторых, оставаясь самому в рамках приличий, будучи до омерзения вежливым, раскрутить и без того несдержанного управляющего на эмоции, заставить выйти из себя и допустить какую-нибудь пусть небольшую, но достаточную для почтеннейшей публики промашку. Главное, чтобы это зафиксировала пресса и сформировала у почтенной публики соответствующий образ.

И вот я стоял у стола в ожидании, когда этот самый разговор начнется. Но Т.Ф. явно не хотел обращать на меня внимание, так что пришлось напомнить о себе, позаботившись, чтобы мои слова были слышны во всей конторе:

— Господин Маннер, вы так и будете старательно игнорировать мое присутствие?

Маннер поднял голову и уставился на меня с таким выражением лица, словно видел впервые. Я же в ответ широко улыбнулся и в свою очередь принялся пристально глядеть управляющему точно в переносицу. Тот, видя, что меня таким приемом не прошибить, грозно рявкнул из-за стола:

— Какого черта приперся? Пошел вон! Ты уволен!

Видимо, этого должно было хватить, чтобы мой предшественник в панике скрылся куда-то далеко в неизвестном направлении. Я же в ответ улыбнулся еще шире, подтянул поближе кресло для посетителей и уселся в него, закинув ногу на ногу. Во время этих манипуляций я украдкой глянул на дверь. Все в порядке, между дверью и косяком оставалась щель вполне достаточная, чтобы вопли Маннера слышала вся контора и, что гораздо важнее, мой новый приятель журналист Федор Игнатьев.

Видя, что горлом меня не взять, мой визави переменял тактику. Он откинулся на спинку своего кресла и уже спокойней произнес:

— Ну чего тебе еще надо? Люсьена тебе бумаги выдала?

— Выдала, — подтвердил я.

— И чего ты теперь от меня хочешь?

— Как чего? Своих денег.

— Каких еще денег?

Недоумению Маннера, казалось, не было предела.

— Что значит, каких? Честно заработанных. Я отработал в товариществе «Успех» весь месяц без двух дней. Так что мне причитаются сто двенадцать рублей.

— Что-о-о? — взвился толстяк. — Ты угробил новейший мобиль, позорно продул гонки и у тебя еще хватает наглости говорить о деньгах?

Честное слово, в театре господину Т.Ф. без разговоров отдали бы роль Мефистофеля. Он состроил такую свирепую рожу, что выглядел буквально воплощением Фобоса.

— Не преувеличивайте, господин Маннер. У мобилия был лишь слегка поврежден кузов и разбито ветровое стекло. Я уверен, что уже часа через три все было исправлено, да так, что и следов невозможно найти. И, кстати, извольте выражаться повежливей. Вы, все-таки, не на базаре.

Управляющий побагровел.

— Да ты знаешь, сколько денег ушло на ремонт?! Твоей годовой зарплаты не хватит, чтобы покрыть причиненные тобой убытки! Не говоря уже о проигранном заезде. Радуйся, что я не заставляю тебя отрабатывать причиненный ущерб!

Лицедействовал Маннер просто замечательно. Я аж залюбовался и чуть не заплодировал. Если бы не фото в газете да инсайдерская информация от дворника Никанорыча, вполне можно было ему поверить.

— Говорят, что бывает просто ложь, наглая ложь и статистика. Но вы, господин Маннер, кажется, и статистику умудрились переплюнуть. Я видел фото в «Ведомостях». Десятка на кузовной ремонт и, может, еще десятка за стекло. Хорошо, пятерка за работу механиков. Четвертной — вот все ваши затраты. Кстати, ваш любимый Клейст вчера позорно продул свою гонку. Вы у него тоже удержали из жалованья за проигрыш? Позвольте усомниться. Но даже если на мгновение допустить, что вы исключительно честны, и ваши расчеты правильны, то позвольте напомнить, что в контракте, который мы с вами заключили, прописаны предельные размеры штрафа, который вы можете на меня наложить, так что сорок рублей вы мне должны выплатить в любом случае. А теперь будьте так любезны выдать положенную мне сумму.

Пока я неспешно, с ленцой в голосе произносил свою речь, толстяк медленно, но верно зверел. Наверняка он впервые столкнулся с такой демонстративной фрондой. Ему, поди, никто и слова-то против сказать не смеет. А тут какой-то типус покусился на святое — вслух усомнился в честности начальства. Растоптать святотатца!

Маннер подался вперед и навис над столом, опираясь на руки. Нависнуть надо мной ему не позволяли рост и ширина стола.

— Мерзавец! — завопил он. — Да как ты смеешь! Ничтожество! Жалкий неудачник! Убирайся прочь, пока тебя не спустили с лестницы! Прочь!

— Ты злишься, Юпитер, значит, ты не прав, — к месту процитировал я когда-то слышанную фразу. — Господин Маннер, не угодно ли вам соблюдать хотя бы минимальные приличия? Или вы обучались не в гимназии, а в академии хамства?

Кажется, бывшее начальство меня не слышало. Да и я не вслушивался в исторгаемые толстяком эмоции:

— Мерзавец! Неблагодарная скотина! Пошел вон!

— Не брызгайте, — демонстративно поморщился я.

Было понятно, что по доброй воле этот прощельга не отдаст мне ни копейки. Что ж, придется пойти на крайние меры.

— Так, значит, вы отказываетесь выполнить назначенные вами условия контракта? Хорошо. А вы готовы повторить свои слова в суде? Думаю, найдется бойкий адвокат, который вытряхнет из вас не только полную сумму моего жалования, но и компенсацию за все те оскорбления, которые сейчас прозвучали в мой адрес.

— Да кто тебе поверит! — взвизгнул Т.Ф.

— Да кто угодно. У меня свидетелей — вон, вся контора.

Я широким жестом указал на приоткрытую дверь и поднялся с кресла.

— Так что, до встречи в суде? Думаю, многие с радостью придут посмотреть на ваше публичное унижение.

— Ты!.. Ты!..

Управляющий выскочил из-за стола, и я едва не рассмеялся: этакий разъяренный колобок на ножках. Не обращая больше внимания на изрыгающего брань Маннера, я двинулся к выходу, но дойти не успел.

— Володя! — крикнул мне веснушчатый парень. Я обернулся. Видимо, Т.Ф. окончательно слетел с катушек и вряд ли сейчас отдавал себе отчет в своих действиях. Выскочив в общий зал, он схватил с ближайшего стола тяжелое мраморное пресс-папье и замахнулся, собираясь не то швырнуть мне в спину, не то звездануть меня по затылку. Нет, этого допустить было никак нельзя. Я шагнул навстречу Маннеру, чуть подался вправо, пропуская мимо себя увесистую каменюку и почти без замаха воткнул левый кулак в объемистое брюхо управляющего. Тот хрюкнул, выронил пресс-папье и сделал два шага назад, пытаясь удержать равновесие. На его беду, как раз позади у него оказалась объемистая проволочная корзина для бумаг. Верхний край корзины пришелся как раз под коленки тигру автогонок. Он нелепо взмахнул руками раз, другой, а потом плюхнулся своей упитанной задницей прямо в корзину.

В конторе на несколько секунд воцарилась тишина. Все созерцали мусорную корзину с застрявшим в ней управляющим. Маннер вяло дрыгал руками и ногами, пучил глаза и, словно рыба, беззвучно открывал и закрывал рот.

— Владимир Антонович! — послышался сзади быстрый шепот.

Я сообразил, что от меня требуется, и отскочил в сторону. И тут же контору озарила вспышка магии. Довольный, сияющий Федор Игнатьев, предвидя грядущие проблемы, принялся оперативно сворачивать свою треногу. А застрявший Т.Ф. побагровел еще сильнее, так, что я испугался: вдруг и в самом деле его удар хватит! Глаза его налились кровью и из корзины раздался душераздирающий вопль:

— Кто посмел? Кто впустил сюда этого шелкопера? Стриженов! Да я тебя!

— Так что, кому поверит судья? — перебил я бывшего своего начальника и ретировался следом за журналистом.

Прежде, чем сбежать вниз по лестнице, я подобрал загодя примеченную доску и подпер дверь конторы. А то пока господин Игнатьев разведет пары своей ласточки, нас поймают, побьют и отберут все документальные свидетельства.

К моему удивлению, когда я покинул, наконец, здание конторы, древний мобиль уже бодро фырчал.

— Садитесь скорее! — махнул мне рукой Игнатьев.

Я не стал медлить, и тут же запрыгнул на свободное сиденье. Журналист дал газу — вернее, пару, и мы помчались прочь от конторы товарищества «Успех» с бешеной скоростью десять миль в час.

Пока престарелая колымага вытрясала из меня душу на городских мостовых, я вспоминал свой разговор с господином Маннером. Воспроизводил в памяти каждое слово, каждый жест, интонации и выражение лиц... Надо сказать, я не ожидал, что все пройдет вот так, со скандалом и драками. Я даже подумать не мог, что в здешнем варианте Тамбова, который сперва показался мне таким оазисом куртуазности, нарвусь на такого закоренелого хама. Впрочем, жаловаться грех. Конечно, расчет был на более мягкий итог, но так получилось намного лучше. Т.Ф. и наговорил много больше, чем я смел надеяться, и в драку полез при всем честном народе. А финальный эпизод, пожалуй, будет эффектней немой сцены в «Ревизоре». И, что особо ценно, отснятый Игнатьевым кадр.

У журналиста теперь есть куча материала для сенсационной статьи в «Ведомостях». Он тиснет свою статейку в вечернем номере газеты, да украсит ее шикарным портретом управляющего «Успеха». Может, всю полосу ему и не отдадут, но даже четверть газетного листа, по-моему, будет неплохо. Да и обещанный суд над Маннером после такой статьи уже не представляется мне такой уж авантюрой. Нет, я в любом случае попытался бы найти ушлого крючкотвора. Договорился бы с ним на половину той суммы, которую он сможет оттягать. Глядишь, и продлил бы на месяц-другой проживание у мадам Грижецкой. Ну а теперь, как мне кажется, даже самый начинающий юрист сможет выиграть процесс «Стриженов против Маннера».

Мои размышления прервала очередная остановка.

— Что, Федор Иванович, опять вода?

— Опять, — вздохнул журналист, и принялся вылезать из экипажа.

— Как вы думаете, Владимир Антонович, — обратился он ко мне, пока вода переливалась из канистры в бачок, — можно что-то сделать с этим драндулетом? Честное слово, порой действительно хочется отправить этот набор металлического лома на свалку. Останавливает меня только то, что в этом случае мне придется таскать фотографический аппарат на себе. А весит он, надо сказать, немало. Если же прибавить штатив да пластинки, выходит и вовсе как бы не полпуда. Нет, вы не подумайте, что я жалуюсь. Но даже на этом престарелом одре, со всеми его недостатками и проблемами я передвигаюсь гораздо быстрее и с намного меньшими усилиями.

Я не стал сразу отвечать. Тема, безусловно, очень интересная. Когда еще выпадет случай ознакомиться с местными конструкциями? И не на картинках поглядеть, а вот так, своими руками пощупать. Ведь сразу множество вопросов отпадут сами собой. Опять же, можно будет прикинуть, насколько будут востребованы мои знания в области автомобильных конструкций. Хотя бы в том, что касается общей компоновки, органов управления, подвески и всяких сервисных мелочей. Да и кузов: ведь сплошное дерево, изготовить новый, с иными обводами и поставить его на старую раму несложно. Но есть и определенные риски: смогу ли справиться с абсолютно незнакомой конструкцией? И не обрушится ли моя репутация в случае неудачи? Опять же в случае успеха можно будет хоть прямо фирму открывать по апгрейду вот таких древних агрегатов.

Я походил вокруг мобиля, посмотрел, покачал кузов, попинал по колесам, еще немного подумал и, в конце концов, решился:

— Мне трудно судить о состоянии вашего мобиля по внешним признакам. Для точной

оценки мне нужно осмотреть его повнимательней. Но, думаю, если провести небольшой ремонт, подтянуть то, что разболталось, заменить то, что наиболее сильно износилось, то ваш старичок еще побегаёт. С новыми мобилями он, конечно, не сравнится, но положенные ему пятнадцать миль в час будет честно выдавать. Кроме того, глядя на ваш агрегат, у меня возникла одна идея. Если она выгорит, вы сможете за сравнительно скромные деньги избавиться от насмешек.

— Действительно? Вы так думаете?

— Да. Именно так я и думаю.

— Владимир Антонович! — Игнатъев сложил руки перед грудью в молитвенном жесте. — Если вам это удастся, вы меня очень обяжете.

— Федор Иванович, — я принялся ковать железо, — у меня есть к вам встречная просьба. У вас ведь сохранились негативы с позавчерашних гонок?

— Конечно! И контактные отпечатки[1] тоже имеются.

— Замечательно! Я могу их увидеть?

— Безусловно. Скажем, завтра с утра. Сейчас я бы хотел подготовить материал для вечернего выпуска «Ведомостей».

— Конечно, конечно. В котором часу вам будет удобно?

— Я обычно встаю рано, так что можете подходить хоть прямо к восьми, как в присутствие.

— Ну, в это время мадам Грижецкая подает завтрак. Так что... сколько времени займет прогулка от пансиона до вашего дома?

— Если энергичным шагом, то, примерно, с полчаса.

— Что ж, тогда я буду к девяти часам.

— Я буду ждать вас, Владимир Антонович.

Никаких дел у меня не предвиделось, так что я распрощался со спешащим осчастливить Тамбов очередной сенсацией журналистом и решил как следует прогуляться. Обед в пансионе подавали в четыре часа, и у меня в запасе была уйма времени. Город — в своем мире, конечно, — я помнил неплохо. А сейчас представился отличный повод сравнить воспоминания и реальность.

Я неторопливо шел по тротуарам, где мощеным бульжником, а где — застланным третьесортной доской, крутил головой направо и налево, выискивая и прочитывая вывески, таблички с названиями улиц и номерами домов. Сходства обнаружилось немало, но различий было гораздо больше. Я ожидаемо не нашел на своем месте Советской улицы, Пролетарской, Мичуринской, зато обнаружил малюсенькую Ржавскую. Да и весь город был намного меньше, чем тот, что сохранился в моей памяти. Чесслово, я пешком прошел его насквозь из конца в конец за пару часов. По пути нашел дом Игнатъева. Богато, однако, живут акулы пера! Мне понравился этот двухэтажный особнячок на Обводной. Небольшой, но со своим парком, чугунной литой оградой и воротами. Чтоб я так жил! Если честно, я скорее ожидал найти господина журналиста в каких-нибудь меблированных комнатах среднего пошиба. Ну, или в пансионе наподобие апартаментов мадам Грижецкой. Ан нет — особняк. Возможно, фамильный. Я ведь, в сущности, ничего не знаю об этом человеке, кроме имени и рода занятий.

В общем и целом, мне город понравился. Зеленый, уютный, чистый — по крайней мере, центральные улицы были старательно выметены бородатыми дворниками. Большая часть домов были построены из дерева, но в центре хватало и каменных строений.

На улицах было немало народу. И чистая публика, и победнее. Вот только если благородные дамы и господа чинно прогуливались, то люди, как здесь принято говорить, подлого сословия, явно спешили по делам. Еще бы — рабочий день в самом разгаре. Босяков я не увидел. Не думаю, что их здесь нет вовсе, достаточно вспомнить хотя бы того мальчишку-газетчика. Скорее, полицейские бдят и не пускают их в богатые кварталы. А где-нибудь на окраине, в какой-нибудь слободке... там все возможно.

К пансиону я подходил в самом радужном настроении. Его не портили ни слегка гудящие от продолжительной ходьбы ноги, ни надвигающийся неумолимо статус бомжа: деньги-то из Маннера вытрясти так и не удалось. Мне оставалось пройти два-три квартала, но тут какой-то тип, лениво щелкавший семечки возле малозаметного безлюдного проулка, внезапно дернул меня за рукав, да с такой силой, что я потерял равновесие и чуть было не упал. Не давая опомниться, тип втолкнул меня в тот самый проулок, придав ускорение обидным пинком в зад.

Пробежав по инерции несколько шагов и утвердившись на ногах, я быстро огляделся. Справа и слева высокие деревянные заборы. Не запрыгнуть, не перескочить. Сзади тот, с семечками. Караулит, чтобы не сбежал и закрывает спиной грядущую драку от любопытных глаз. А передо мной глумливо щерится здоровенный бугай. Ширина его плеч меня впечатлила не меньше, чем выдающиеся формы мадам Грижецкой: как раз от забора до забора, мышь не проскочит. Насчет мышши, пожалуй, преувеличение, но мне даже боком не протиснуться. Понятно, что не просто гопники, что поджидали именно меня. Но вот кто их послал? Т.Ф. или тот, кто стрелял на гонках? Если первый, будут бить. Ну, попытаются. Если второй — будут убивать. Но в любом случае просто так я не дамся.

— Ну чего, бла-ародный гаспадин, — с лентой протянул здоровяк, — тут, эта, велено поучить тебя манерам. Чтобы, значица, в другом разе супротив уважаемых людей не тьякал.

И он принялся нарочито медленно закатывать рукава рубахи.

Драться я умею. Детство и юность прошли в не самых благополучных кварталах, вот и пришлось научиться. И не благородному английскому боксу, а жестокой уличной драке, с ее подлыми приемчиками. Отец рассказывал, бывало, о своей молодости. Там у них среди пацанов было некое подобие кодекса чести: дрались до первой крови, равным числом бойцов, без кастетов и заточек, не били ниже пояса... У нас было намного суровее. Зачастую случалось и так, что реально жизнь на кону стояла. Как, спрашивается, по-честному отбиться от банды отмороженных торчков? Да они и боль не всегда чувствуют. Впрочем, сейчас положение у меня не лучше. В прямой схватке мне этого бычка не одолеть, а за спиной еще один, и на что он способен — неизвестно. Так что следующий взгляд я бросил под ноги в поисках средств, могущих стать оружием. А потом словно в гонке: газ в пол и полетели, да так, что обочина сливается в сплошную ленту, тело действует вперед рассудка, а глаз выхватывает лишь отдельные картинки из стремительно проносящихся мимо пейзажей.

Сердце пропустило удар, и зачастило, тяжело бухая в груди и отдаваясь упругими толчками в висках.

Тук! Я, рывком присев, зажал в правой руке небольшой — не больше кастета —

камушек, а левой скребанул по тропке меж зарослей крапивы, загребая в горсть размолотую до состояния пыли землю.

Тук! Не вставая, швырнул бугаю в рябую щербатую харю горсть земли и тут же, не дожидаясь результата, подался вперед и пробил ему правой в область мотни. Вложил в удар и силу руки, и вес тела, и, распрямляясь, ногами скорости добавил.

Тук! Плотно накушанная ряшка «учителя манер» сморщилась, из глумливой морды превратившись в физиономию обиженного ребенка, а я, уже выпрямившись и услышав позади послышался легкий шорох, отшатнулся в сторону.

Тук! Мимо меня с легким свистом мелькнула цепочка с гирькой на конце. Задним числом отметил, что не сдвинься я в бок — запросто могла и темечко проломить. А так — с глухим стуком попала в лоб здоровяку, который как раз, выпучив глаза и зажав руками причинное место, с сипением рухнул на колени. Попала и отскочила.

Тук! Я взмахнул рукой, имитируя бросок, и, отследив и прикинув движение помощника, метнул камень почти в упор.

Тук! Это уже не сердце. Это мой камень, брошенный почти в упор, попал гопнику прямо в лоб, на полпальца выше третьего глаза. Бандюган закатил глаза и принялся оседать на землю.

Тудух! Тудух! — громыхало сердце в груди. Бум! Бум! — отзывалось в висках. Внезапно стало душно, и я, прислонившись к забору, принялся судорожно хватать воздух пересохшим ртом, вытирая тыльной стороной ладони ни с того ни с сего вспотевший лоб.

Бум!

За спиной громыхнуло, я обернулся. Туша педагога-любителя рухнула-таки на землю, напрочь перекрыв проход, зато открывая вид на второй конец проулка. И там, в этом конце, стоял, перегораживая выход, грузовой мобиль. Наверняка на нем гопники и приехали за мной. Но, все-таки, кто их послал? Допросить бы, но просто так они мне ничего не скажут, а спрашивать с ножичком я как-то не научился. Придется ограничиться экспресс-обыском, да надо бы поторопиться, пока эта парочка не очнулась.

В карманах пошедших по шерсть нашлись неплохой выкидной нож, газетный кулек с семечками, кисет с махоркой, коробок серных спичек и четыре десятирублевых ассигнации на двоих. Ну как не постричь таких баранов? Деньги я прибрал в кошелек, спички сунул в карман, нож, по размышлению, перекинул через один забор, а свой камешек — через другой. Махорка и семечки мне были ни к чему, поэтому решил их оставить: пусть люди, как в себя придут, хоть чем-то утешатся.

Покончив с экспроприацией экспроприаторов, я, на ходу восстанавливая дыхание, зашагал к мобиле. Возможно, в нем найдется что-нибудь полезное. Или, по крайней мере, интересное.

Надеялся я напрасно: ни в кузове, ни в кабине не было ровным счетом ничего. По крайней мере, ничего не было видно. Я вздохнул, оглядел свой костюм, поправил ворот сорочки, отряхнул полы сюртука и пошел к пансиону. Как бы там ни было, а к обеду лучше не опаздывать. Мадам Грижецкая ждать не будет.

На повороте я оглянулся. На заднем борту мобили было старательно выведено: «Успех». И ниже добавлено: «Товарищество на паях».

Увидев надпись, я выдохнул с облегчением: все же, это Т.Ф. Маннер послал своих мордovorотов. Правда, я ждал, что посыл случится не раньше завтрашнего дня, но так тоже неплохо вышло. Хотя, если честно, сегодня мне удалось отбиться по чистой случайности. Не

ждали от меня подручники-криворучники такой прыти. Да и уловок таких не ждали. Знать-то наверняка знали, да только мой двойник, судя по всему, был рохлей, мямлей и тюхтей. И сказочным, фантастическим педальным лохом. Как он умудрялся совмещать эти свои удручающие качества с талантом гонщика — загадка.

Когда я добрался до пансиона, сердцебиение уже унялось, да и дыхание пришло в норму. Еще раз проверив состояние своего костюма, я постучал в двери. Проскочил, никому не показываясь, к себе наверх, умылся, переделся и направился в гостиную.

Там было оживленно. Все обитатели пансиона расселись на диванах и креслах в ожидании обеда. Один из молодых людей готовился читать вслух ту самую статью. Я остановился на пороге, не торопясь входить и желая вместе со всеми послушать творение журналиста Игнатьева.

«Нашему корреспонденту удалось попасть в контору товарищества «Успех» в тот момент, когда управляющий упомянутым товариществом Т.Ф. Маннер имел разговор с известным гонщиком Владимиром Анатольевичем Стриженовым. Господин Маннер давно известен своей невоздержанностью и склонностью к непристойным выражениям, но в этот раз он превзошел себя. По случайности, дверь кабинета, где проходила беседа, была приоткрыта, и корреспонденту было слышно буквально все, до последнего слова. Вместе с ним свидетелями разговора были полтора десятка служащих товарищества «Успех», пришедших в контору за своим жалованием. Господин Стриженов тоже намеревался получить причитающиеся ему при расчете средства, но управляющий «Успеха» отказал ему, причем сделал это в крайне грубой форме. Когда гонщик напомнил господину Маннеру о его обязательствах, зафиксированных в контракте, тот пришел в ярость и принялся осыпать своего бывшего сотрудника такой отборной бранью, что употреблять оную постеснялись бы даже портовые грузчики. Когда же господин Стриженов пригрозил судебным разбирательством, то господин Маннер настолько рассвирепел, что напал на Владимира Антоновича со спины и попытался ударить его мраморным пресс-папье. Если бы ему это удалось, то господин Стриженов наверняка получил бы тяжелую травму. В ответ, защищаясь, Стриженов оттолкнул своего бывшего начальника. И тут произошло совершенно невероятное событие: господин Маннер потерял равновесие и, падая, рухнул всем весом в корзину для бумаг, где и застрял, оскорбляя слух всех присутствовавших при этом дам и господ самыми отвратительными ругательствами. По счастливой случайности, корреспонденту удалось запечатлеть этот момент, и теперь уважаемые читатели «Ведомостей» могут воочию убедиться, к чему приводит жадность и невоспитанность.»

На мой вкус, написано было чрезмерно сухо. Но кто знает — вдруг здесь так принято, и иное посчитают дурным тоном. Так что я воздержался от критики, что вслух, что про себя, и, наконец, вошел, благовоспитанно приветствуя честную компанию:

— Добрый день, дамы и господа!

Завидев меня, публика разразилась восторженными возгласами и аплодисментами.

— Браво, Владимир Антонович! — поднялся мне навстречу чтец. — Наконец-то нашелся человек, который не побоялся поставить на место этого наглеца!

— Да-да, — поддержал его другой. — Вам давно следовало это сделать. Удивительно, как вы терпели подобное отношение к себе на протяжении стольких лет!

Я сделал вид, что не в теме:

— Произошло что-то, чего я не знаю?

Одна из дам решила пояснить мне ситуацию:

— Дело в том, Владимир Антонович, что Степан Ерофеевич сейчас читал нам статью в свежем номере «Ведомостей». И там журналист Федор Игнатьев, коего вы вчера представили нам, описал подробности вашего посещения конторы этого грубияна Маннера. Ну а фото, конечно, восхитило и позабавило решительно всех. Даже...

Она понизила голос.

— Даже наше квартирная хозяйка изволила хохотать. Да так, что едва не развалила табурет.

Теперь и я улыбнулся, представив хохочущую мадам Грижецкую посреди груды обломков несчастной мебели.

— Думаю, это было незабываемое зрелище, — ответил я в тон даме и позволил себе подмигнуть ей.

Дама смущенно заулыбалась, зато ее муж тут же нахмурился. Но сказать он ничего не успел, потому что в эту самую минуту часы пробили четыре удара и в комнату величаво вплыла сама домохозяйка. Подойдя к нашему кружку, она повернулась всем корпусом ко мне и, блеснув загадочно глазами, произнесла своим тяжелым контральто:

— Владимир Антонович, вы поступили как настоящий мужчина. Я горжусь вашим поступком и горячо его одобряю.

И, наклонившись поближе, так, что ее выдающийся бюст едва не уперся мне в грудь, добавила театральным шепотом:

— Мужество должно быть вознаграждено. Я понимаю ваше нынешнее положение, и даю вам неделю без требований оплаты, чтобы вы могли приискать себе новое место службы.

В ответ я лишь поклонился и приложился к могучей ручке мадам Грижецкой. Прочие квартиранты благоразумно сделали вид, что ничего лишнего не слышали и не видели. А мадам, уже в полный голос произнесла:

— А теперь, дамы и господа, прошу за стол. Сегодня у Авдотьи получилась замечательная стерляжья уха.

После обеда я поднялся к себе, добыл из секретера папку с документами, вложил в него сегодняшнюю бумагу и еще раз проглядел контракт. Судя по дате, мой предшественник проработал на Маннера пять с половиной лет. Вряд ли он каждый раз выигрывал гонки. Вряд ли он ни разу не косячил, и уж точно у него случались и поломки, и аварии, и всякие прочие неприятности. Но, тем не менее, его не выгоняли. Наверняка Маннер орал на беднягу, уничтожал его морально и продолжал пользоваться парнишкой, который находился у него на положении полураба.

Сорок рублей стоит месячное проживание в бедноватой комнатухе, правда, с хорошим столом. Столько же, как я понимаю, стоит найм двух бандюганов, посланных пересчитать мне ребра. Навряд ли это такая уж большая сумма. А хороший гонщик — товар штучный, дорогой. В прошлой жизни, в своем родном мире, я как сыр в масле катался. А если бы удалось еще и гонку выиграть, мог бы... Многие мог бы себе позволить. Неизвестно, чем Т.Ф. зацепил беднягу, но платил он ему явно самый мизер. По сути, он имел в полном своем распоряжении почти бесплатного гонщика элитного класса. И вот раз — и решил уволить. Причем не только вслух озвучил свое желание, но и оформил его официально. Что же заставило эту толстую сволочь избавиться от столь ценного актива?

Я поднялся из-за стола и в задумчивости прошелся по комнате. Никаких вариантов мне в голову не приходило. Маннер был хамом и мерзавцем, да. Но вот дураком он совершенно

точно не являлся. Я плюхнулся на жалобно скрипнувший пружинами диван, потянулся к графину, чтобы налить себе воды, и тут мой взгляд упал на лежавшие на журнальном столике разбитые гогглы. Вдоль спины пополз холодный червячок страха. А что, если тюфяк и разиня Володя Стриженов сумел перейти дорогу кому-то настолько могущественному, что сам великий и ужасный Т.Ф. Маннер сдрейфил и отошел в сторону, едва узнав правду о настоящей причине аварии на этих злополучных гонках?

На завтраке я все еще ощущал себя героем дня. Восхищенные взгляды молодежи, одобрительные взгляды мужчин, поощряющие женщин... Все это было приятно. И я бы совсем растаял, если бы не отравляющие сознание мысли: во что такое умудрился вляпаться мой здешний двойник? Ведь, казалось бы, тишайший парень, от воплей Маннера готов под лавку спрятаться. Ан нет, его пытаются убить, причем тишком. Интересно, а Маннер ли послал тех вчерашних бандитов? Машина — его, люди — тоже его. А приказ мог ведь и не он отдать. А кто? Одно очевидно: этот человек, кто бы он ни был, огласки не желает, действует втихаря и чужими руками.

С этими мыслями я встал из-за стола несколько рассеянный, что было приписано нервному потрясению от вчерашней схватки с матерым сквернословом. Тем не менее, мне удалось подняться к себе без происшествий. Задвижки или какого-либо другого запора на двери в мою комнату не было, так что я просто плотно прикрыл ее. Прежде, чем отправиться посмотреть фотоархив господина Игнатьева, надо было выложить вчерашнюю добычу. Те сорок рублей, что я поимел со вчерашних бандитов в качестве компенсации за испорченное настроение и потраченные нервы до сих пор лежали в кармане сюртука. Брать их с собой мне совсем не хотелось. Кроме того, я еще не решил, стоит ли отдавать эти деньги мадам Грижецкой за месяц пансиона. Может, за ближайшую неделю я найду более интересное вложение своим капиталам.

Ключа от секретера я так и не смог найти. Но замок на дверце был настолько примитивен, что при некоторых навыках ключ был не так и нужен. А у меня в кармане после вчерашних походов появился кривой и ржавый, но вполне привычного для меня вида гвоздь: не кованый, а обычный. С помощью этого подручного инструмента я и запер замок, потратив на это не более десяти секунд времени. Конечно, за те дни, что я провел в пансионе, неприятных инцидентов не случилось, но теперь я мог быть уверенным, что без помощи специалиста никто не получит доступа ни к моим деньгам, ни к документам, ни к выпивке.

Дело было сделано, и я бодрым шагом направился к выходу. Я почти успел до него добраться, но тут случилось такое, что в первые минуты повергло меня в шок. По лестнице дробно простучали легкие каблучки, и через секунду дверь моей комнаты распахнулась с такой силой, что с грохотом ударилась о стену. Окажись я на полшага ближе, меня бы снесло и, возможно, с фатальным исходом. Я еще не вполне понял, что произошло и приготовился то ли сражаться за свою жизнь, то ли сигать в окно, как на пороге возникла разъяренная фурия. И, надо сказать, прехорошенькая.

Итак, в комнате появилась молодая — на мой взгляд, не старше двадцати лет — барышня. Василькового цвета платье с рюшами и оборочками, длинное, до пола — как здесь принято носить. Из-под подола виднелись острые носки ботиночек. На руках — тонкие кружевные перчатки, в маленькие аккуратные ушки вдеты золотые капельки с синими, под цвет глаз, камушками. На тщательно завитых золотистого цвета волосах не иначе, как магией удерживается кокетливая символического размера шляпка. Маленький подбородок угрожающе выставлен вперед, совершенной формы носик устремлен почти что в потолок, ноздри раздуваются, словно у почуявшей добычу пантеры, насурьмлённые бровки гневно сдвинуты к переносице, глаза мечут молнии — хоть портрет пиши. Одна рука уперта в бок, в

кулачке другой стиснута газета — скорее всего, вчерашний номер «Ведомостей».

При виде этакого цветка я несколько расслабился, но, как оказалось, напрасно. Барышня сделала несколько быстрых шагов, подойдя ко мне почти вплотную, вздела руку с газетой и принялась трясти ею перед моим носом.

— Что это такое, Вольдемар?! — театрально вскричала она, нимало не смущаясь тем обстоятельством, что ее слышал сейчас весь пансион до последней служанки. — Что это такое, я тебя спрашиваю?

Из манеры обращения явно следовало, гостя была довольно близкой подругой моего предшественника. Не знаю, до какой стадии у них дошли отношения, но, судя по отсутствию соответствующих колец, вряд ли дело дошло даже до помолвки. Причем, могу дать голову на отсечение, что Володя Стриженев был готов засунуть свою шею в ярмо брачных уз в любую минуту, а вот дамочка под венец явно не торопилась. Как бы там ни было, я и в прошлой жизни не позволял так с собой обращаться, и сейчас позволять не собирался.

По моему опыту, разговаривать и, тем более, спорить с женщинами, находящимися в таком состоянии, совершенно бесполезно. Сперва надо их остудить, для чего дать вволю проругаться и выплакаться, и только потом обращаться к их разуму. До того они не способны воспринимать ровным счетом ничего. Вот только как разговаривать с абсолютно незнакомой девушкой, даже имени которой не знаешь? Придется в который раз импровизировать.

— Извольте объясниться, мадемуазель, — холодно ответил я, делая шаг назад: не люблю близкого контакта своего лица с газетами. — Что вы имеете в виду?

— Объясниться? Это ты мне должен объяснить! Ты что мне обещал? Ты вот на этом самом месте клялся! А что теперь? Теперь я узнаю, что ты довел-таки господина Маннера до того, что он вышвырнул тебя вон. И что ты теперь будешь делать? Что я теперь должна буду делать? Я поверила тебе, твоим обещаниям, а ты... Негодяй!

Как бы хороша ни была дамочка, а подобных наездов я терпеть не собирался. И в том мире, и в этом. Я заморозил интонацию до состояния льда:

— Мои отношения с господином Маннером вас, сударыня, волновать не должны.

— То есть, как это не должны?

Дамочка распалилась еще пуще прежнего, хотя, казалось бы, дальше уже было некуда.

— Ты ведь знал, ты знал, что меня пригласили на бал к баронессе Сердобиной. Боже, чего мне стоило получить это приглашение! Это шанс, который бывает лишь раз в жизни, а ты у меня его отнял. Подлец!

— И при чем здесь господин Маннер? — хмыкнул я, все еще не улавливая мысль девушки.

— Как это при чем? Мне же совершенно не в чем идти! А ты сам, сам пообещал мне новое платье. Бал состоится через неделю. И что я, по-твоему, должна делать?

Выплеснув на меня свой негатив, девушка рухнула на очень кстати оказавшийся рядом диван и закрыла лицо руками. Обтянутые шелком узенькие плечики мелко затряслись.

Вот теперь мне все стало ясно. Девушка решила въехать в рай на чужом горбу. Насколько я помню, бальные платья стоили бешеных денег, за них отдавали какие-то совершенно безумные тыщи. А надеть такое во второй раз считалось неприличным. И выходило, что дамы — вернее, их кавалеры по капризу своих дам — буквально выбрасывали на ветер состояния, лишь бы иметь возможность блеснуть на очередном балу и вызвать зависть у своих злейших подруг. Вот уж, действительно, ярмарка тщеславия. Но откуда тыщи

у Володи Стриженова? Разве что он рассчитывал вчера, в день выплаты жалования, назанимать у всех, у кого только можно, а потом сидеть полгода без копейки, довольствуясь лишь кормежкой мадам Грижецкой и в очередной раз штопая носки да кальсоны, поскольку новые купить ему будет не на что. Это насколько же надо сойти с ума, чтобы по доброй воле ввергать себя в такие долги! Потом ведь пришлось бы покорно исполнять каждое указание Маннера, даже самое идиотское, только чтобы не случилось каких-нибудь штрафов. Ну нет, мы на такое не пойдём.

Так, а что сейчас было? Если холодно и отстраненно проанализировать действия девушки, то выходит классический вариант манипуляции: сперва вывести объект воздействия из душевного равновесия, потом сделать виноватым, а потом безотказным женским оружием — слезами — окончательно отключить мозги и заставить сделать все, что нужно. В данном случае — оплатить бальную. Да-а, попал Володя Стриженов, как есть попал. К счастью, эта хищница даже не особо маскируется. Видимо, настолько уверена в его лошарости и в своей хитрости. Вот только рассчитывала она душить совсем другого человека. До крайности мягкого и наверняка по уши в нее влюбленного. Со мной же такие фокусы и раньше-то не проходили, а нынче и подавно не пройдут. Правда, придется немного блефовать, но риск ведь дело благородное, не так ли?

Я принялся расхаживать по комнате и размышлять вслух:

— Что мы имеем? Имеем молодую красивую девушку, которая, прекрасно осознавая свои внешние данные, и то, какой эффект они производят на некоего Владимира Стриженова, поощряла ухаживания за ней, говорила о своих чувствах, позволяла себя целовать...

— Только в щечку! — донеслось с дивана. — И только один раз.

Ага, значит, меня слушают. Я развернулся в обратную сторону и прошествовал к двери, мимоходом глянув на незваную гостью. Она отняла руки от лица и следила за мной со все еще сердитым выражением лица. Глаза ее были абсолютно сухими. Что ж, продолжим:

— Третьего дня тот самый известный ей Владимир Стриженов, участвуя в гонках, попал в тяжелую аварию и едва не погиб. Об этом была огромная статья в «Ведомостях», и девушка не могла об этом не знать. И что же, она прибежала помочь симпатичному ей человеку? Или она хотя бы справилась о его здоровье? Нет, нет и нет. И при этом она смеет утверждать, что испытывает к упомянутому человеку какие-то чувства. Интересно знать, какие. Снисходительная жалость к недотепе, имевшему неосторожность увлечься интересной барышней? Чувство власти над безответно влюбленным дурачком, на котором можно оттачивать приемы соблазнения и за счет которого самоутверждаться? Прагматичная заботливость о безотказном источнике средств? Скорее, все вместе, но последнее — из перечисленного является главным. Ведь едва возникла угроза поступлению очередной суммы, как она примчалась спозаранку, разыграла безобразную сцену и во всеуслышание обвинила своего ухажера во всех смертных грехах, неоднократно оскорбила... Ах да, я совсем забыл: женщина не может нанести оскорбление, женщина может только обидеть.

Я остановился и в упор взглянул на незваную гостью. Судя по выражению ее лица, она уже поняла, что нынче не прокатит, и теперь лихорадочно прикидывала, как может добиться своего иным способом.

— Так вот: вы обидели меня до глубины души. Настолько, насколько ветренная кокетка может обидеть искренне влюбленного в нее человека. А посему отныне я не хочу иметь с вами, сударыня, ничего общего. Извольте покинуть мой дом и более не возвращаться в него.

Девушка медленно поднялась с дивана. Очевидно, она все-таки выбрала себе новую роль. Устремленные на меня голубые глаза, обрамленные длинными пушистыми ресницами в один момент наполнились влагой. Изящная ручка тут же поднесла к уголку глаза надушенный кружевной платочек.

— Наверное, я действительно виновата перед тобой, Вальдемар. Пойми, я... Я просто не могла... Но вспомни, как хорошо нам было вместе!

Кружевной платочек промокнул другой глаз. Наверное, прежний Володя Стриженов уже растаял бы, и побежал занимать деньги, где только можно. Но я — не он. Барышня хороша, спору нет. Вот только я не испытываю к ней ни малейшей сердечной склонности.

— Я все помню, сударыня, но денег моих вы не получите. Тем более, в обмен на притворные улыбки и фальшивые слезы. Кстати, с кем вы идете на бал?

— Это вас не касается! — мгновенно отреагировала барышня.

— Вот, значит, как! Выходит, я должен оплатить ваш вечер с другим мужчиной. Я так похож на идиота?

По моему глубокому убеждению, прежний Вальдемар Стриженов как раз и был клиническим идиотом. Не видеть, как тебя откровенно и без тени смущения динамят — это надо постараться. И выражение лица девушки говорило примерно о том же: она именно что держала его, а, значит, меня за дурачка и безжалостно доила. Не удивлюсь, если две трети жалования гонщика уходило именно в эту прорву. А теперь она не могла понять, что же произошло, почему прежде безотказные приемчики раз за разом дают осечку. Теперь надо ей это объяснить, причем так, чтобы у нее не осталось возможностей возразить.

— Друзья давно предупреждали меня о том, что вы за моей спиной крутите романы с другими мужчинами. Я, признаться, не верил этому и даже поссорился со многими из них. Но теперь получил полное подтверждение их словам. Так вот, я не желаю по вашей милости становиться посмешищем всего Тамбова. Между нами все кончено. Надеюсь, вы помните, где находится выход.

В комнате наступила тишина. Да и весь дом, кажется, замер, слушая, чем закончится этот спектакль. Пауза затягивалась. Дамочка явно не хотела мириться со своим поражением.

— Ну что ж, раз вы не хотите уходить, тогда уй ду я. Надеюсь, здесь, — я обвел взглядом комнату, — ничего не пропадет.

— Вы!.. — взвизгнула вымогательница. — Вы!.. Я!..

Одарив меня злобным взглядом, она кинулась к двери и пустилась бегом вниз по лестнице.

— Осторожнее, лестница крутая! — крикнул я ей вслед. — У меня нет денег на ваши похороны!

В ответ лишь где-то внизу хлопнула входная дверь. Я выглянул в окно. Красотка, на этот раз действительно взбешенная, а не разыгрывающая комедию, прыгнула за руль изящного и, насколько я мог судить, нового мобиля. Она нервно дернула один рычаг, другой, резко выкрутила руль и рванула с места. Я моргнуть не успел, как грузовой мобиль, летящий по мостовой со скоростью не менее двадцати миль в час, отчаянно крякая клаксоном врубился в борт дамской вуаретки.

— Куда прешь, овца! — заорал немолодой усатый водитель в сапогах, комбинезоне и кепке.

Может, он и не так сказал — расслышать слова мне, к сожалению, не удалось. Но смысл был именно такой, за это можно было поручиться. Ну а я глянул на себя в зеркало,

улыбнулся отражению и направился в гости к журналисту. У крыльца пансиона я немного задержался, чтобы полюбоваться картиной. Пожалуй, у моего гоночного мобиля после давешней аварии повреждений было меньше.

Мое присутствие было замечено, и меня наградили взглядом, полным чистой, незамутненной ненависти, на этот раз самой настоящей. Я послал в ответ воздушный поцелуй и, нахвистывая поповый мотивчик, энергично зашагал вниз по улице.

Когда я добрался до особняка Игнатьевых, журналист уже вышагивал взад-вперед возле ворот, вызывая показное неодобрение дворника. Едва я миновал ажурную чугунного литья калитку, как был схвачен и препровожден во флигель, где и располагалось логово звезды местной журналистики. Порядок в небольшом одноэтажном здании сохранялся лишь в гостиной. И поддерживался он, скорее всего, отнюдь не стараниями Федора Ивановича. Да и чайный набор — самовар, заварник, сушки — появился на столе отнюдь не стараниями хозяина флигеля. Меня это смутить не могло, а молодой человек, кажется, и вовсе был неспособен к смущению. Ну а людям иного склада в журналистике делать нечего.

Я нынче проходил по категории дорогих гостей. Хозяин же суетился вокруг, не зная, куда усадить и чем угостить.

— Очень, очень рад вас видеть, Владимир Антонович! — совершенно искренне приветствовал меня Игнатьев уже раз в пятый, если не в шестой. — Располагайтесь, где вам будет угодно. Наливайте себе чаю. Вы уже завтракали? Ничего страшного, чай в любое время не помешает. Берите сахар, сушки. Или вы предпочитаете мёд? Я прикажу принести.

— Нет-нет, Федор Иванович, не беспокойтесь. Я пью чай вовсе без сахара. А вот заварки, с вашего позволения, налью побольше.

— Как пожелаете. Угощайтесь, пожалуйста. Вот, земляничное варенье. Вкус — бесподобный, а уж аромат и вовсе с ума свести может.

Такая опека была мне непонятна и начала напрягать, а потому, едва усевшись в кресле с кружкой чая в одной руке и горстью сушек в другой, задал вопрос в лоб:

— Дорогой мой Федор Иванович, с чего вдруг такое обхождение? Для чего все эти реверансы вокруг моей скромной персоны?

— Ну как же, Владимир Антонович, это с вашей помощью мне удалось прославиться. Пусть и в пределах нашего, не самого большого, городка, но это, все-таки, шаг вперед и, скажу вам, немалый. Понимаете, до вчерашнего вечера отец считал журналистику глупостью и делом совершенно недостойным. Правда, не мешал моим занятиям, считая, что я сам должен прийти к этому выводу. А чтобы простимулировать меня, полностью отменил выплаты на мое содержание. Он заявил, что мужчина обязан содержать и себя и, в будущем, свою семью. И если я действительно чего-то стою, то должен суметь прокормиться самостоятельно. Правда, он оставил мне в пользование этот флигель, древний дедовский мобиль и камердинера.

— Сурово, — заметил я, обмакивая сушку в земляничное варенье. — Но вполне справедливо. Если вы не сможете зарабатывать себе на жизнь выбранной профессией, стоит изменить источник заработка. А писание статей в газеты оставить в качестве хобби, этакой эмоциональной отдушины.

— Да, я уже и сам начал подумывать о чем-то подобном, поскольку до сих пор заработки мои были случайны и не слишком велики. Их с трудом хватало на прокорм и на

приобретение фотографических принадлежностей. Но вчера...

Я уже догадался, к чему клонит Игнатъев-младший, но предпочел дать молодому человеку закончить свою мысль.

— Вчерашняя статья, она просто всколыхнула город. Редактор «Ведомостей» бегал по кабинету как...

— Как в афедрон укушенный, — подсказал я.

— Ну да, — засмеялся Игнатъев. — Еще бы: вчерашний тираж дважды допечатывали. И вот в результате у меня в руках постоянный контракт с газетой, и вполне приличное жалование. Плюс отдельные выплаты за попавший в номер снимок. И отец, надеюсь, переменит свое мнение. Кстати, за вчерашнюю публикацию мне выплатили неплохой гонорар. И половина его по праву ваша.

Журналист извлек из внутреннего кармана сюртука портмоне, вынул из него несколько хрустких новеньких ассигнаций и положил передо мной.

— Ну нет, я с вами не согласен. Максимум — четверть. Я лишь дал вам возможность проявить себя. А все остальное вы сделали сами.

— Половину, не меньше. Дело в том, что я написал еще одну статью, пересказав позавчерашнюю вашу речь в пансионе. Она уже взята в печать, и появится в сегодняшнем вечернем номере. Так что эти деньги, безусловно, ваши.

— Ну что ж, раз вы настаиваете...

Я взял красноватые бумажки, не считая, сложил их и сунул в карман.

— Тогда спасибо.

— Это вам спасибо, Владимир Антонович!

Журналист так и лучился радостью.

— Федор Иванович, вы обещали показать фотографии с тех самых гонок.

— Да, конечно, сию минуту. Только спущусь в лабораторию, она у меня в подвале.

Игнатъев скрылся в одной из дверей, а я достал из кармана деньги и пересчитал их: пятьдесят рублей. Однако! Неплохо живут господа журналисты. Правда, такие жирные статьи будут выдаваться не каждый день, но тут уж Федору Иванычу и карты в руки.

Журналист вернулся быстро и протянул мне конверт из плотной черной бумаги. Я вытряхнул содержимое себе на колени. Снимков было немного, всего три штуки. Но они не шли ни в какое сравнение с газетной фотографией. Эти карточки, хоть и были меньше по размеру, содержали большое количество мелких деталей, которые можно было разобрать даже без лупы.

Кадр, который я видел в «Ведомостях», ничего нового не принес. Да и был он сделан спереди от мобиля, так, что публику практически не было видно. А вот один из двух других оказался намного интереснее. В толпе зрителей, позади всех, я увидел очень знакомую физиономию. Клейст, собственной персоной! И выражение на его лице такое, злорадное. И правая рука у него прячется под сюртуком. Не револьвер ли в ней? Глушитель для наганов, как я помню, делали и в моем мире. И был он ну очень хорош. Так почему бы Клейсту не сделать себе глушитель? Доступ к мастерской у него неограниченный. Неужели он настолько ненавидит меня, что решил избавиться от конкурента? Хорошо, если это так. А если нет? Как узнать? А вообще, насколько Клейст хороший стрелок? Попасть из револьвера на большом расстоянии в быстро движущуюся цель небольшого размера задача очень непростая.

Я еще поразглядывал фотографии. Ничего нового они мне не дали кроме того факта, что гонщиком мой двойник был превосходным. Если бы он врезался в тот валун на полных пятидесяти милях, от машины бы только клочья полетели. А он, видимо, успел среагировать и затормозить и только потом потерял сознание. Надеюсь, он хорошо проживет остаток своей жизни. Кое-какие сбережения у меня имелись, на несколько лет ему хватит, если не жировать, а там адаптируется, найдет себе заработок. А нет — что ж, сам виноват.

Дедушкино наследство хранилось в бывшем каретном сарае, вплотную примыкавшем к флигелю. Хо́да из флигеля в сарай не было, так что пришлось делать круг по аккуратно отсыпанной гравием дорожке. По обе стороны дорожки, как, впрочем, и по сторонам всех остальных дорожек парка были высажены декоративные кусты, которые тщательно подстригались. В общем, насколько я мог видеть, парк и, думается, сам особняк содержались в исключительном порядке. И лишь обиталище молодого барина являлось безусловным средоточием хаоса.

В сарае-гараже было не лучше. Единственным островком порядка были собственно мобиль и пространство примерно на метр вокруг него. Все остальное было завалено хламом, среди которого виднелись какие-то механизмы, тележные колеса, куски дерева и бог весть что еще.

— Да-а, давненько тут приборки не было, — некультурно почесал я в затылке. — Вы уж извините, Федор Иванович, но в таком бедламе работать просто невозможно. Надо разобрать все это барахло и либо выбросить, либо сложить аккуратно, если найдется что годное и нужное.

— Так это, — от ворот послышался голос слуги, — тут со времен светлой памяти прадеда вашего, Федор Иванович, ничего не убирали. Как Ефим Пафнутьевич покойный енту железяку купили, так раскидали добро по углам, да так и оставили, лишь бы коляска самобеглая входила.

— Ну так, стало быть, пришло время. Тебя как звать? — обратился я к слуге.

— Пронькой кличут, барин, — ответил тот.

— Пронька... Прокоп, стало быть?

— Дык, Прохором крестили.

— Так вот, Прохор, найдется одежонка на меня? Такая, чтобы не совсем уж рванье, но и запачкать было не жаль. И рукавицы крепкие.

— Про... Прохор, и мне тоже подыщи, — добавил журналист

— Сей момент!

Слуга испарился, а я обернулся к Игнатьеву-младшему:

— Вы всерьез решили поучаствовать в этом безобразии?

— Конечно! Мне, если честно, не терпится прокатиться на более-менее нормальном мобиле. Но поскольку в ремонте сего агрегата я вам помочь не сумею, так хотя бы приложу силы к подготовке места для работы.

— Похвальное желание, — одобрил я. — А насчет инструмента у вас как? Имеется? Тут ведь сложная механика, топором да крепким словом не обойтись.

— Знаете, Владимир Антонович, инструмент был. Но вот где он сейчас — я даже примерно сказать не смогу.

— Тогда будем надеяться, что в этой куче мусора найдется и потребное нам жемчужное зерно. А вот и Прохор с робой. Что, примемся за дело?

Большая часть содержимого сарая и в самом деле была полнейшим хламом. Я бы все это

выбросил на помойку, но меня смущали две вещи: количество мусора и то, что я совершенно не представлял, где эта помойка находится. К счастью, Прохор, наравне с нами принявший участие в уборке помещения, подсказал выход: позвать старьевщика. Мы обрадовались, и тут же командировали слугу на поиски оного, посулив отдать ему все те гроши, что будут выручены за это вторсырье.

Почуяв личный интерес в деле, Прохор моментом исчез, и уже через полчаса подкатывал к воротам сарая на телеге вместе с искомым старьевщиком. Тот, предвидя барыши, тоже впрягся в разбор завалов, так что работа закипела. Но, несмотря на такую поддержку, уборку мы закончили уже в сумерках. Довольный скупщик вторсырья укатил к себе пятаю по счету телегу никчемного барахла. Довольный камердинер убрел в ближайший трактир, бренча в кармане пригоршней мелочи. Довольный журналист остался обозревать просторный сарай, куда можно было вместить еще пару-тройку мобилей. А довольный я отправился обратно в пансион, дабы отдохнуть, поужинать и составить планы на следующий день.

Причин радоваться жизни у меня было несколько. Во-первых, грели карман внеплановые финансовые поступления, и теперь можно было прожить у мадам Грижецкой еще пару месяцев. Впрочем, с оплатой пансиона я решил не торопиться до последнего дня: мало ли куда могут понадобиться деньги!

Во-вторых, мы нашли таки инструмент. По старой памяти, я ожидал ящик навроде плотницкого. Или нечто вроде привычного мне кофра с головками. Пусть не пластикового, пусть фанерного, но все же небольшого. Но в действительности набор инструмента представлял собой средних размеров сундук, который даже вдвоем передвинуть было затруднительно, а уж поднять — и вовсе невозможно. Сундук этот преспокойно стоял под верстаком с прикрученными к нему мощными слесарными тисками. Да и был он скорее не специальным автомобильным комплектом, а набором профессионального самоделкина. Внутри было столько всего, что у меня начисто пропал дар речи. Многие инструменты я опознал лишь по виденным некогда рисункам или описаниям старых мастеров. И каждый лежал в своем гнезде, в своем отделении. Игнатьев, глядя на это богатство, просто хлопал глазами: если я хотя бы представлял себе, как со всем этим обращаться, то он и понятия об этом не имел.

Последний же повод к радости, и, на мой взгляд, самый весомый, заключался в другой находке. Все в том же сарае, в куче хлама, мы обнаружили мотоцикл. Допотопной конструкции, с паровым двигателем, но, все же, мотоцикл. Журналист хотел было и его сдать старьевщику, но тут вмешался я. Игнатьеву даром не нужен был двухколесный костотряс, и он баз долгих сомнений посулил мне находку в качестве платы за приведение в чувство дедовского мобиля.



Этих трех поводов было вполне достаточно, чтобы я летел в пансион, как на крыльях. Правда, памятуя о вчерашнем инциденте, по сторонам все же поглядывал, ибо даже монашкам известно, кто бережет береженого. Но путь мой обошелся без происшествий, и я, сунув под мышку свежкупленный все у того же мальчишки номер «Ведомостей», постучался в двери заведения мадам Грижецкой за четверть часа до ужина.

В гостиной опять собралась публика, и опять была занята обсуждением свежей статьи местной газеты.

— Владимир Антонович, — поприветствовал меня один из молодых людей, — кажется, ваша популярность за последние четыре дня поднялась больше, чем за пять лет работы у господина Маннера.

— Что ж, этот самый господин Маннер немало тому поспособствовал, — ответил я, усаживаясь на кушетку.

— А этот Федор Игнатьев неплохо пишет, — заметила одна из дам. — И вашу лекцию он пересказал довольно точно. Да еще от себя добавил дифирамбы в ваш адрес, так что вы теперь весьма популярная личность в Тамбове.

Обмен любезностями прервала мадам Грижецкая. Ступая так, что на сервированном к ужину столе зазвенела посуда, она подошла ко мне и протянула узкий изящный конверт.

— Владимир Антонович, вам письмо. Сегодня с посылным доставили.

— От баронессы Сердобиной, — вставила моя недавняя собеседница, присмотревшись к напечатанному на конверте гербу.

Услышав эту реплику, и остальные обитатели пансиона подтянулись поближе. Я не стал их разочаровывать и, вскрыв конверт, развернул лист веленовой бумаги с тем же гербом в верхнем углу, быстро пробежал его глазами и поспешил удовлетворить всеобщее

любопытство:

— Если опустить изящные словесные обороты, то меня приглашают на бал к баронессе Сердобиной в следующее воскресенье.

— Я же говорила, — победно произнесла дама, — что вы стали популярны. Даже сама баронесса заинтересовалась вашей персоной. Подумать только — приглашение на бал!

И она мечтательно закатила глаза. Я же, напротив, ощутил всю глубину того межъгодичного пространства, в которое нежданно-негаданно вляпался. Манер — никаких, светских персон не знаю, танцевать умею только вальс, и то лишь благодаря одной давешней подруге. А мой гардероб? Мне же идти не в чем! Откуда я возьму фрак?

За ужином я был до крайности рассеян, что мне охотно простили, приписав это шоку от внезапно свалившегося на меня огромного счастья. Я же, по большей части, прикидывал, как можно отвертеться от приглашения и при этом не слишком рассориться с высшим светом. А если отказаться нельзя, то как обойтись минимальными затратами, чтобы не остаться без штанов ради господского развлечения.

Эти свои проблемы я и вывалил наутро на своего, уже можно сказать, приятеля Федора Игнатьева. Тот, на удивление, воспринял мою озабоченность близко к сердцу и несколько минут сосредоточенно размышлял, хмуря брови и забавно морща лоб. Наконец, он что-то решил и принялся одаривать меня ценными советами.

— Владимир Антонович, это приглашение из разряда тех, от которых не отказываются. Ибо последствия могут оказаться такими, что вы до конца жизни будете в лучшем случае возить ассенизаторскую бочку. Оскорбленные дворяне могут без усилий воспользоваться связями, и перекрыть для вас не то, что возможность когда бы то ни было участвовать в гонках, но и вообще зарабатывать сколь-нибудь приличные деньги. Вас просто не будут принимать на службу, а если попытаетесь открыть свое дело, то у вас не найдется ни поставщиков, ни клиентов. И вам останется либо уходить в среду люмпенов, либо вербоваться рядовым в армию. Еще, как вариант, можно попробовать выехать из страны, но не факт, что и там вас примут должным образом. У вас же в настоящий момент нет ни денег, ни положения в обществе, ни связей, чтобы воспрепятствовать подобному давлению. Маннер — что? Так, мелкая сошка, тьфу и растереть. Да и не любят его из-за его же отвратительных манер и скандальной несдержанности. В этом столкновении вас, скорее, поддержат. Думаю, он уже и сам это понял. А вот Сердобина — это фигура другого ранга. Против нее у вас — по крайней мере, в настоящий момент — шансов нет.

— Понятно... И как мне выйти из этой передрыги хотя бы относительно целым?

— Не печальтесь, Владимир Антонович, не так страшен черт...

— Как его малютка, — подхватил я.

— Вот именно, — засмеялся журналист. — Вот именно. Нынче на дворе не какой-то там девятнадцатый век. Условностей, негласных правил поведения стало намного меньше, так что манеры ваши вполне удовлетворительны. В занавески вы не сморкаетесь, затылок пятерней не чешете, ножом и вилкой управляетесь. Танцевать умеете?

— Только венский вальс.

— Этого достаточно. Вы ведь понимаете, что вас зовут туда как некую диковинку?

— Отчетливо понимаю, от того и пытаюсь уклониться от подобной чести.

— Так вот: если и возникнет какой-нибудь казус, это спишут на экзотику. А что до костюма, то я вам напишу адрес, там возьмете фракную пару напрокат на один вечер. И обойдется это вам совсем недорого.

— Вот спасибо так спасибо! Вы очень меня выручили.

— Не стоит благодарностей, вы меня выручили не меньше. Пусть и на несколько дней, но тираж наших «Ведомостей» прыгнул до невиданных ранее высот. Редактор переходит от эйфории к недоумению и обратно. Ну и моя скромная персона на этом фоне стала чуть более заметна.

Покончив с обоюдными реверансами, я поспешил в каретный сарай. Мне не терпелось разобрать мобиль и посмотреть, как он устроен. И, главное, понять, что за топливо используется для нагревания воды. Игнатьев был предупрежден, что на несколько дней он остается без транспорта. Он повздыхал, погрузил, но принял таки неизбежное.

Я переоделся в оставшуюся со вчерашнего дня робу и вдохновенно приступил к делу. Я сам удивлялся тому, какое удовольствие получал от простой работы руками. Я крутил гайки, раскладывал снятые детали вокруг остова мобиля и накидывал в блокноте краткое описание: что откуда было снято и в какой последовательности.

— Зачем вы это делаете, Владимир Антонович? — заинтересовался мой заказчик, заглянув посмотреть на процесс.

— Элементарно, Федор Иванович: чтобы после сборки не осталось лишних деталей. Прежде я не встречался с подобной конструкцией, так что приходится изучать ее, так сказать, в натуре.

— Вы хотите сказать, что прежде не брались за ремонт подобных мобилей?

Удивлению Игнатьева, казалось, не было предела.

Видите ли, — пропыхтел я, пытаясь стронуть по резьбе прикипевшую гайку, — Все механизмы состоят из подобных по своему устройству частей. Имея представления о принципах конструирования и о механике в целом, нетрудно понять схему работы почти любого механизма. Валы и шестерни, болты и гайки отличаются друг от друга лишь формой и размерами. Конечно, шестеренка от одного мобиля вряд ли подойдет к другому, но вот определить, что и одна и другая выполняют каждая в своем механизме одинаковую функцию можно запросто.

Я навалился на гаечный ключ, раздался мерзкий скрип, и упрямая гайка начала-таки откручиваться.

— Ничего не понимаю, — помотал головой владелец груды металлолома, аккуратно разложенного по дощатому полу сарая. — Но выглядит это сродни какому-то волшебству.

— Это естественно, — отозвался я, снимая с рамы сравнительно небольшой, но увесистый цилиндр парового котла. — Все непонятное легко представляется чудом. Я думаю, что для человека необразованного, все материальные результаты научного и технического прогресса неизбежно будут казаться магией. И хорошо, если не черной.

— Это вы точно подметили, — протянул журналист после некоторой паузы. — Не будете возражать, если я использую ваш тезис в своих опусах?

— Сколько угодно.

Я уложил на место гаечный ключ и отошел в сторонку, оглядывая результаты своего труда. Мобиль, еще накануне вполне уверенно стоявший на всех четырех колесах, сейчас превратился в набор запчастей. Мне еще повезло, что конструкция аппарата была не слишком продвинутой, иначе разборка могла бы затянуться на гораздо более долгое время.

— Ну вот, Федор Иванович, полдела сделано. Теперь надо все это собрать обратно и будет вам счастье. Вот только потребуется несколько деталей заменить — уж больно они

износились. Ну и желательно бы в паре мест применить современные технические решения. Например, поставить колеса с пневматическими шинами. Или вот эти изношенные в край бронзовые втулки заменить на роликовые подшипники. Я посылал Прохора узнать, и он уверяет, что их вполне можно приобрести. В результате и скорость мобиля существенно вырастет, и ход станет намного мягче. Вот смета.

Я протянул клиенту листок из блокнота.

— Что скажете, сможете осилить такие расходы?

Игнатьев pokrивился, явно прикидывая свой бюджет, дернул было руку к переносице и, остановив ее на полдороге, махнул этой самой рукой.

— Добро, сделаем все по максимуму.

Гонки — зрелище, безусловно захватывающее. Но насколько интересно наблюдать за состязанием гонщиков, настолько же скучно смотреть за работой механика. Особенно, если смотрит человек, далекий от техники. Игнатъев поначалу крутился рядом со мной, пытался вникать в то, что я делаю, но занятие это ему быстро надоело, и он сбежал по своим журналистским делам. Появлялся вечером поглядеть на результат, оценить прогресс. Радовался, восторгался, увидев прикрученные к остоу мобиля новые железяки, и снова убегал. Ну и ладно, работа без него лучше идет. Тем более, что мобиль оказался настолько запущенным, что время от времени я, не слишком стесняясь, материл и чертову железяку, и ее раздолбая-хозяйина, не следившего за техникой.

Разборка мобиля, как бы тяжело она не шла, была все-таки довольно простым делом. А вот когда начался обратный процесс, тут я и застрял. Не то, чтобы работа совсем остановилась, но замедлилась капитально. За какую деталь ни возьмись — она либо изношена, либо деформирована, и обязательно заржавлена. Вот и приходилось прежде, чем прикрутить какую-нибудь железяку на место, счищать ржавчину, править, красить и смазывать, а то и делать новую. Хорошо еще, деталей сложной формы мало, и достаточно моих слесарных навыков, чтобы отпилить кусок нужного размера от подходящей железки и просверлить в нужных местах нужные отверстия.

Вообще говоря, в своем мире, у себя в гараже, я бы сделал все в сто раз быстрее. Но не стоит забывать, что здесь у меня не было ни электролобзика, ни болгарки, ни шлифмашинки, ни даже электрической дрели — только хардкор, только руками. Если честно, я не уверен, что в этом мире такие инструменты вообще существуют. Хотя электричество имеется, сам проверял.

Работа была нудная, грязная и тяжелая. Вечером приходилось тратить не меньше часа на то, чтобы отскрести себя, а в первую очередь — лицо и руки, от ржавой пыли, грязи и масла. Но зато результат был более, чем нагляден. Вот он, стоит посреди каретного сарая на деревянных чурбаках. Колеса устанавливать еще рано. Да и вообще мобиль сейчас совершенно не похож на то, что видят обыватели на улицах городов. Стоит крашеная суриком рама, к ней прикручены детали подвески — и все. Игнатъев, забегаая на поглядеть, каждый раз смотрит недоверчиво, подходит, щупает и поражается: как так, внешне одно, а изнутри совсем другое. Снаружи красиво, а сними лакированные панельки — и откроется суть механизма: изгвазданные маслом железяки. Но хороший инженер или механик тем и отличается от пресловутого обывателя, что способен и в этом железе увидеть изящество и красоту.

На третий день дело дошло до самого интересного: парового двигателя. Ну сами посудите: колеса — они и в Африке колеса, такие же круглые. Подвеска этих самых колес устроена чуть иначе, но тоже понятна, да и прочие железки вполне сопоставимы. А вот двигатель — он как бы не самое главное в мобиле. Зачастую вокруг него и проектируется, а затем и строится вся конструкция. Общие представления о паровиках у меня имелись, оставалось погрузиться в конкретику.

Я с натугой поднял с пола тяжелую чугуняку и, кряхтя, взгромоздил ее на верстак. Общий вид агрегата удручал: грязнющий, весь покрытый почти что окаменевшей смесью пыли и масла. Внутри, судя по звуку, что-то болтается: не то открутилось, не то износилось.

Пару часов я только чистил и отмывал мотор. Думаю, после этой операции вес его уменьшился как минимум наполовину. Еще пару часов откручивал все, что можно было открутить и раскладывал по верстаку. Собственно, деталей было на удивление немного. Оно и понятно: конструкция довольно примитивная, прямо как в учебнике. Ну а потом все просто: изношенное заменяем на новое, собираем и тащим к мобиле. Еще немного усилий, и сверкающий латунию и бронзой моторчик занял свое место. Прямо, хоть бери и поезжай. А главное, я прояснил для себя свой основной вопрос: почему пар. И настроение у меня настолько приподнялось, что, кажется, даже солнце ярче светить стало.

Вообще конструкция мобилы оказалась настолько архаичной, что ни в сказке сказать, ни вслух произнести. Несущий кузов? Нет, не слышали. Даже заваливающая вуаретка собрана на мощной и тяжелой железной раме. Конструкция двигателя тоже простейшая, примитивная. Одинарного расширения, двойного действия. Тормоза — рычаг, за который надо тянуть рукой. При этом тормозной башмак прижимается к ободу колеса и тормозит. Если у вас слабые руки, лучше не садитесь за руль, вы просто не сможете остановиться. Амортизаторы? Не знаем таких. Подвеска рессорная, жесткая и вместе с этим прыгучая. Одна радость — вполне привычный, хоть и очень тяжелый, руль и столь же привычная педаль, регулирующая подачу пара в цилиндр и, соответственно, скорость.

Но была в мобиле одна штука, которая искупала все недостатки. В мобиле не было топлива в обычном понимании. Не было угольной или дровяной топки. Не было горелки — нефтяной, спиртовой или еще какой. Ничего не сгорало. Вообще. Что тогда кипятит воду в котле — спросите вы. Я, когда нашел ответ на это вопрос был просто поражен. Всего навсего пластина толщиной в четверть дюйма и размером примерно с ладонь. Из чего она сделана — мне неизвестно. Может, какой-то минерал, может — что-то искусственное. Но пластина эта явно крайне дешева. Я не силен в физике, и не понимаю глубинных процессов, протекающих в недрах различных материалов. В своем мире я слышал про пьезоэлектрический эффект. И пьезозажигалки видел, даже сам такой пользовался. А вот тут, похоже, эффект пьезотермический. Стоило начать изгибать пластину, как она мгновенно нагревалась, да так, что я, решив попробовать, едва не обжег себе руки. Небольшой механизм гнул пьезотермическую пластину, она выделяла тепло и грела воду в паровом котле. И все! К чему нефть? К чему громоздкие технологии? Вот он, кусок непонятной хрени, и не нужны ни печи, ни плиты. А если присобачить к такой штуковине элемент Зеебека, можно и электричество получать. Собственно, лампочка в моей комнате в пансионе так и работает.

Это открытие привело меня в состоянии эйфории. Чем не вечный двигатель? И экологичность запредельная. Конечно, по многим техническим параметрам ДВС будет покруче, но экономически такой вот паровик просто непобедим. Я помню несколько моментов, которые можно усовершенствовать в паровом двигателе. Их немного, но они есть. И мои моторы будут самыми крутыми.

В таком радужном настроении я шагал по вечернему Тамбову. Шел, помахивая тросточкой с увесистым набалдашником — обзавелся на всякий случай. В кармане слегка побрякивало несколько приличного размера болтов — на тот же самый случай, вместо кастета. Да и если метнуть такой, эффект будет всяко сильнее, чем от камушка. Навстречу попадались редкие прохожие, по мостовой прокатывались редкие мобилы. Грузовики отчаянно громыхали по брусчатке колесами, обутыми в литые резиновые бандажи, а вот легковушки тихонько шуршали на пневматиках. Легкое фырчание паровика было

практически не слышно на фоне городских шумов, пока мобиль не подкатывал почти вплотную.

Что дернуло меня обернуться — не скажу. То ли шуршание шин по мостовой, то ли какой-то другой звук. Может, просто почувствовал что-то — неважно. Обернулся. И увидел летящий прямо на меня мобиль. Быстро летящий, миль пятьдесят в час, а то и больше. За рулем — некто в кожаной куртке, кожаном шлеме и гоглах, лицо не разглядеть. И смотрит прямо на меня, так что сомнений в его намерениях быть не может. Еще и скалится, сволочь, словно личное что-то ко мне имеет. Был бы это автомобиль моего века, да на скорости под сотню — тут бы мне и конец пришел. Но — повезло, уже который раз за неполную неделю.

На то, чтобы спастись, у меня было не больше секунды, но этого хватило. Тело среагировало прежде, чем голова отдала приказ. Я сиганул в сторону отчаянным длинным прыжком, зачем-то выставив трость позади себя. Руку мою рвануло и тут же, не успел я еще приземлиться, раздался треск, грохот, скрежет железа по камню и, наконец, глухой удар. Я обернулся, не успев еще в полной мере осознать, что произошло, и увидел нормальную полноценную автомобильную аварию. Это не мое разбитое стекло на гонках, и не проломленная фанерка кузова той дамочки. Мобиль, еще секунду назад собиравшийся меня раздавить, замер, уткнувшись передом в чугунную тумбу фонарного столба. Весь перед был смят, из-под капота с шипением вырывались клубы пара. Одно из колес, правое заднее, лишившись всех деревянных спиц, катилось куда-то вниз по улице, а водитель, от удара вылетевший из своего аппарата, валялся на мостовой лицом вниз. Я кинулся к лежащему человеку, перевернул его на спину и стянул с его головы шлем с очками.

Вот черт! Передо мной лежал тот самый Клейст. Я прижал пальцем яремную вену: живой. Жаль, не убился, сволочь! Еще бы понять, в чём провинился перед ним Владимир Стриженов. Тем, что лучше ездит? Примитивная зависть Сальери к Моцарту или есть еще что-то? Кабы знать, может, и можно было бы прекратить эти дебилские покушения.

Но как Клейст, опытный гонщик, умудрился въехать в столб? Видать, моя выставленная в попытке защититься трость угодила как раз в спицы колеса. Может, в них уже были трещины, может еще что, но только они все раз — и сломались. Мобиль перекосило, он зацепил ступицей булыжник ну и вышло то, что вышло.

Прежде, чем попытаться обшарить карманы своего несостоявшегося убийцы, я огляделся по сторонам. На улице — никого, но вот в ближнем доме явственно дернулась занавеска. Вот ведь, наверняка наблюдают. И, конечно, обо всем доложат полиции. А поскольку человек я, благодаря газете «Ведомости», теперь известный, то случись какая пропажа, меня же и обвинят. Жаль, а я надеялся найти что-нибудь, что поможет мне разобраться в этой истории.

Я поднялся. Все, время упущено: вон, уже бегут люди. Скоро и представители властей подтянутся. Надо бы придумать, что говорить полиции. В смысле, был ли я чудом уцелевшей жертвой нападения или, все же, свидетелем катастрофы. Если я жертва, надо приводить доказательства. Людей на улице не было, а неудавшийся убийца спишет все на неисправность мобила. И, заодно, в следующий раз будет действовать хитрее. А если свидетель — по-прежнему останусь для Клейста лохом и, пользуясь этой маской, смогу начать свою контригру. В общем, ответ очевиден.

Я успел вполне оправиться от пережитого, когда к месту происшествия подкатил мобиль. Особых знаков или расцветки на нем не было, но сидели в нем люди в форме. Они выскочили из мобила и двое из них, не обращая внимания на Клейста, принялись бегать

вокруг разбитой машины: осматривать, измерять, зарисовывать — в общем, делать все то, что полагается инспекторам ГИБДД. Третий же, очевидно, старший, подошел ко мне, коротко кинул ладонь к козырьку форменной фуражки и так же коротко представился:

— Охотин Вениамин Ильич. Старший инспектор дорожной полиции.

— Стриженов Владимир Антонович, — назвал я в ответ.

— Как же, слышан, слышан, — кивнул Охотин. — Вы нынче весьма известны, причем во всех слоях тамбовского общества. Буквально, от плебса и до самого высшего света.

— Увы, — поморщился я.

— Не любите лишнего внимания? — понимающе кивнул инспектор. — Но тут от вас ничего не зависит. Впрочем, мирская слава проходит скоро, если вы, конечно, не будете подпитывать интерес к своей персоне. Но давайте к делу.

Сразу к делу перейти не удалось: распугивая клаксоном зевак, подлетел еще один мобиль. Большой красный крест на борту явно определял его принадлежность. Из фургона выскочили люди в белых халатах с такими же красными крестами, вытащили носилки и побежали к пострадавшему.

— Оперативно прибыли, — отметил Охотин. — Подождите минуту, мне нужно переговорить с доктором.

И он быстрым шагом направился к медикам. Я последовал за ним.

— Добрый день, Марк Соломонович, — обратился он к одному из склонившихся над Клейстом врачей.

Тот сделал резкий жест — мол, обождите, — и продолжил свое дело. Но вскоре поднялся, дал команду своим помощникам, и те принялись осторожно перекладывать тело на носилки. Доктор же повернулся к нам.

— Добрый вечер, господа. Хотя добрым он является, очевидно, не для всех.

Он обратил внимание на меня. Пару секунд вглядывался, наморщив лоб, потом лицо его прояснилось.

— Стриженов Владимир Антонович. Так?

— Он самый, — подтвердил я.

— Очень рад знакомству, очень, — он протянул мне руку для пожатия. — Ах да, извините: Кацнельсон Марк Соломонович.

— Очень приятно, — пожал я руку доктора.

— Марк Соломонович, — донеслось от медицинского фургона. — пора ехать!

— Вениамин Ильич, — обратился доктор к полицейскому, — вы не подбросите меня к больнице? Разумеется, когда все здесь закончите.

— С удовольствием.

Кацнельсон обернулся к ожидавшим его коллегам.

— Езжайте, я буду позже, — махнул он рукой.

Санитары погрузились в мобиль и отбыли восвояси.

— Скажите, Марк Соломонович, что с пострадавшим? — спросил Охотин, доставая из кармана серебряный портсигар и закуривая.

— Ничего страшного, — ответил доктор. — сотрясение мозга средней тяжести. Повезло ему, даже ничего не сломал. От силы, недельку поваляется, и будет как огурчик. А если осложнений не случится, то и через пару дней встанет на ноги. Кстати, кто это?

— Выясним, — пожал плечами инспектор.

— Это Клейст Николай Генрихович, — вступил я в разговор.

— Вы его знаете? — тут же посерьезнел полицейский.

— Конечно. Это один из гонщиков Маннера.

— Так-так...

Охотин обернулся к своим подчиненным.

— Вы все осмотрели? Сидоров!

Немолодой полицейский с пышными усами а-ля Буденный подбежал, замер в двух шагах от начальства по стойке «смирно» и отдал честь.

— Так точно, господин старший инспектор!

— И что, по-вашему, произошло?

— Известно что, вашбродь, спицы колеса рассыпались. Тут поворот, видать не выдержали, вот и сломились. Ну а потом — сами видите.



— Рапорт составил?

— Вчерне, вашбродь. В участке перебелю и вам отдам.

— Хорошо. Тогда дождитесь грузовика, этот металлолом, — он кивнул на останки мобилы. — на свалку, а потом...

— Скажите, Вениамин Ильич, — перебил я его, — а что, хозяину этот мобиль уже не пригодится?

— Да вы ведь сами видите, что от него осталось. Теперь разве что в утиль.

В утиль? Вот этот явно гоночный мобиль? По моим понятиям, он лишь слегка помят. Да, перед кузова расхлестан вдребезги. Но потроха-то целы! Движок, передача, подвеска — все сохранилось. Да из этого конструктора можно такую конфетку собрать — закачаешься!

— А вы не подскажите, где можно на одну ночь пристроить вот это все — я кивнул на искореженный мобиль — так, чтобы не растащили по болтикам?

— На полицейскую стоянку, — пожал плечами инспектор. — Но только до полудня. Потом придется платить за пользование стоянкой, и по довольно высокому тарифу.

— Это было бы здорово! Если ваши люди, Вениамин Ильич, привезут останки мобиля к участку, я буду вам весьма признателен. И, конечно, обязуюсь до полудня забрать их оттуда.

— Да уж, постарайтесь. Тем более, что я должен записать ваши показания под протокол. Вот утром подойдете, мы с вами побеседуем, а потом забирайте этот хлам куда хотите. Кстати, раз уж вам он так приглянулся, он действительно имеет какую-то ценность?

— Несомненно. И в первую очередь, как источник запчастей.

— А вы разве собираетесь открыть свою мастерскую? — удивился полицейский.

Мысли об этом у меня были, но очень уж приблизительные. Я вообще решил отложить любые решения до сердобинского бала. Есть у меня ощущение, что на нем может многое перемениться, могут открыться новые возможности, можно вознестись, а можно и мордой в грязь упасть. Но сейчас, с подачи явно симпатизирующего мне полицейского, внезапно определился: да, хочу. Это и источник доходов, и жилье (привет мадам Грижецкой), и база для гонок. Я ведь все-таки гонщик, и... да, я хочу победить. Пусть на этих смешных машинках, пусть на скорости в пятьдесят миль, но я хочу быть первым.

— А почему бы и нет? Я не только гонщик, но еще и неплохой механик. Вот только найду подходящее место.

— Знаете, Владимир Антонович, — произнес Охотин задумчиво, — а ведь я могу вам в этом помочь. Не так давно, не больше недели назад, мои коллеги из уголовного сыска накрыли одну банду. Может, слышали — Тамбовские волки? Нет? Ну да неважно. Кого застрелили при задержании, кого арестовали, но выжившим однозначно светит пожизненная каторга. Имущество членов банды, конечно же, отходит в казну. И в том числе дом с большим сараем и обширным двором, где банда, собственно, и обитала. Государству это все ни к чему, и будет реализовываться. Что поценнее, то через аукцион, что поплоче, то первому, кто обратится. Так вот: я могу поспособствовать вам в приобретении этого дома. Цена у него совсем бросовая, что-то в районе полусотни рублей.

— А в чем подвох? — позволил я себе усомниться.

— А в том, что место не самое лучшее. Не сказать, что прямо бандитская вотчина, навроде московской Хитровки, но народишко там разный обитает. Так что советую в комплект к дому прикупить револьвер. Вы как стреляете?

— Из ружья — неплохо, а из револьвера как-то не приходилось.

— Тогда возьмите патронов побольше, да потренируйтесь, как следует.

— Вы говорите, место опасное. А если я кого пристрелю при, так сказать, попытке, красного петуха мне в отместку не пустят?

— Нет, — покачал головой Охотин. — За поджог карают как бы не строже, чем за убийство. К тому же слобода эта, почитай, вся деревянная. Полыхнет у вас — все погорят. У

воров за такое, за одну только мысль, свои же на ножи поставят.

— Что ж, я готов.

— Тогда до завтра, Владимир Антонович, — протянул мне руку местный гаишник.

— До завтра, Вениамин Ильич, — я принял протянутую мне руку и с чувством ее пожал.

— Владимир Антонович, — подал голос доктор. — раз у вас имеется теперь мастерская, может, примете первый заказ?

— Вообще-то, мастерской еще нет. Есть только разбитый мобиль и еще не купленное подворье. Да и мастерскую, наверное, надо где-то регистрировать, а я, признаться, весьма далек от этих юридических вопросов. Придется читать, изучать законы...

— Вот уж пустяки, — усмехнулся Охотин. — Как устроитесь на новом месте, уведомите об открытии мастерской коммерческую палату муниципалитета и все. Были бы вы крупным предприятием — там да, есть сложности, а у вас — тьфу и растереть.

— Тогда я готов, Марк Самуилович.

— Вот и отлично. Речь вот о чем: наши кареты скорой помощи требуют регулярного обслуживания. Три штуки так и просто встали на прикол. Водителей у нас хватает, почитай каждый второй умеет управляться с этими самобеглыми телегами, а вот механиков нет. Вернее, есть один, но он хорошо если колесо поменять сумеет. Одно название, а не механик.

— А что, разве в городе нет других мастерских?

— Есть, конечно. Да только цену они ломают конскую.

— Понятно, — усмехнулся я. — Вы своим заказом помогаете мне встать на ноги, а я ремонтирую ваши мобили по божеской цене.

— Именно так.

— Что ж, по рукам!

— Тогда жду вас не позднее, чем через неделю. Вам ведь хватит этого времени для того, чтобы подготовиться к началу работы?

— Думаю, да.

— Вот и чудненько.

Доктор повернулся к Охотину:

— Ну что, поедем, Вениамин Ильич?

— Да, пора. Вас подвезти к пансиону, Владимир Антонович?

— Уже ни к чему. На ужин я безнадежно опоздал, так что торопиться мне некуда.

Просто прогуляюсь по вечернему городу.

— Как знаете. До встречи.

— До свидания, господа.

К пансиону я подошел уже в полной темноте. Пришлось долго стучать, пока недовольная служанка, ворча и хмурясь, отперла, наконец, дверь. Я направился было к себе, но не успел подняться и на пару ступенек, как отворилась дверь в хозяйские комнаты и оттуда выплыло... нет, не привидение. Хотя мадам Грижецкая в домашнем халате поверх ночной сорочки и в ночном чепце вполне подходила на эту роль. И голос у нее был похож: сейчас, когда она пыталась говорить потише, он звучал совершенно замогильным образом.

— Вы голодны, Владимир Антонович?

— Признаться, да, — не стал я кокетничать.

— Пройдемте на кухню, я вас накормлю.

Я удивился такому отступлению от железных правил пансиона, но спорить не стал и прошел следом за квартирной хозяйкой. Повинуясь ее жесту, присел за кухонный стол, и уже через минуту уплетал еще теплое пюре с котлетой. После этого мне был предложен горячий чай с уже остывшей, но все равно весьма вкусной выпечкой. Это просто праздник какой-то, особенно, если учесть, что я не рассчитывал поесть до самого завтрака.

Едва я покончил с трапезой, как мадам доверительно наклонилась ко мне и все тем же замогильным полушепотом сообщила:

— В последнее время вы очень переменились, Владимир Антонович. И, надо сказать, все эти перемены исключительно к лучшему. Не иначе, как на вас та авария повлияла. Вот, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Прежде вы были, уж не обижайтесь, сущей тряпкой. Гонщик, безусловно, знатный, но — тряпка. А теперь вы весьма уверенно ведете себя в обществе, и с Маннером как разобрались, чтоб ему сей же час икнулось трижды по три раза. А как вы эту наглуую особу выставили — просто бальзам на сердце. Мой покойный Семен Евграфович, упокой Господи его душу, — она перекрестилась, — тоже был мужчина не промах, но вы, пожалуй, покрепче будете.

Вдова пригорюнилась.

— А я вот сколько уж лет одна. Знали бы вы, как тяжело одинокой женщине все это хозяйство на себе тянуть!

Мадам решительно поднялась и, вынув из стенного шкафчика графинчик с настойкой, налила себе рюмочку. Я на молчаливое предложение ответил столь же молчаливым отказом. Грижецкая лихо опрокинула рюмку в рот, выдохнула с явным удовольствием и вернулась за стол.

— Я не осмеливалась сказать вам прежде, пока у вас была некая, хотя и весьма условная, сердечная привязанность, но теперь, поскольку вы стали свободны от оной, решилась. Коли захотите вы скрасить одиночество одной не совсем еще старой вдовы, так живите, сколько вам заблагорассудится безо всякой платы.

Не скажу, что предложение мадам Грижецкой так уж меня взволновало, но в первый момент удивило весьма. Потом, поразмыслив, я признал: вдова вполне логична и практична. Чесслово, была бы эта вдовушка несколько... покомпактней, я бы согласился сразу. А тут захотелось подумать, о чем я и поведал бедной одинокой женщине.

— Я понимаю вас, Владимир Антонович. Вы ожидаете, что грядущий бал изменит ваше положение. Но если этого не произойдет, помните: я не отказываюсь от своих слов.

Мадам поднялась из-за стола, показывая тем самым, что разговор окончен.

Наутро меня буквально раздирали на части два несовместимых желания: бежать к Игнатьеву, куда должны были привезти из каретной мастерской (мне самому было смешно, когда я это услышал) новый кузов для мобиля и бежать в полицию к Охотину, оформлять дом для будущей мастерской и везти туда разбитый мобиль Клейста. Конечно, полиция в любом случае важнее, но вы же понимаете...

По этой причине во время завтрака я сидел как на иголках, вызывая порой недоуменные взгляды и постояльцев, и самой мадам Грижецкой. Едва поднявшись из-за стола, я вынул из секретера почти все свои сбережения, оставив лишь два червонца на аренду фрака, и отбыл менять свою жизнь к лучшему.

Охотин меня уже ждал, встретил приветливо, не слушая моих отговорок, напоил чаем с баранками, и лишь потом приступил к делу. Опрос меня как свидетеля был, надо сказать, отнюдь не формальный. Господин старший инспектор дотошно выпросил обо всех мельчайших деталях вчерашнего происшествия. Ну а я обо всем рассказал. Единственно — умолчал о своей трости и той роли, которую она нежданно сыграла.

Опрос длился не меньше получаса. Наконец, Охотин удовлетворил свое профессиональное любопытство, я прочел и подписал протокол, и мы вместе пошли петлять по коридорам и переходам полицейского управления. Многие, встречавшиеся на пути полицейские чины радушно здоровались с инспектором. По большей части, узнавали и меня. Наскоро представлялись, жали руку и убегали дальше по своим неизменно срочным и важным делам.

Наконец, мы добрались до нужного кабинета. Там было полно народу. Подавляющее преимущество людей составляли младшие полицейские чины, которые что-то оживленно обсуждали. Меня подвели к немолодому грузному человеку, сидевшему чуть поодаль ото всех за отдельным заваленным бумагами столом.

— Стриженов Владимир Антонович, — представил меня Охотин.

— Боголюбов Платон Сергеевич, — отрекомендовал он местного начальника.

— Очень приятно, — произнесли мы с Боголюбовым, пожимая друг другу руки. Произошло это непреднамеренно, но практически одновременно. Случайное совпадение вызвало у меня непроизвольную улыбку. Улыбнулся и полицейский, так что от этого случайного эпизода между мной и Боголюбовым появилась некая легкая покамест приязнь.

— Чем обязан вашему визиту, господа? И давайте сразу к делу, я спешу.

Охотин взял быка за рога:

— Владимир Антонович интересуется той малиной, которую по вашему представлению давеча изъяли в казну. Вы, помнится, говорили, что обратить ее в деньги будет затруднительно. А вот господин Стриженов изъявил желание приобрести этот дом со всей прилегающей к нему землей и постройками.

— Да? Очень рад этому. Но простите, господа, вызывает начальство. Побудьте здесь до моего возвращения, а после как раз и оформим все как полагается. Я вернусь много через четверть часа, так что долго скучать вам не придется.

С этими словами Боголюбов шустро выскочил за дверь.

— Ну что, Владимир Антонович, — обратился ко мне Охотин, — думаю, я вам теперь не нужен. Платон Сергеевич тоже из числа ваших почитателей, так что сделает все

наилучшим образом. Вы оставайтесь тут, а я, с вашего разрешения, откланяюсь. Ничего не поделаешь — служба!

Я остался сидеть у стола и, чтобы не скучать, принялся прислушиваться к ведущейся в кабинете беседе.

— Ну-ка, Фрол, зачти сию бумагу. Пробасил один из полицейских, плотный и кряжистый, по возрасту старший среди всех. — С утра дохтур принесли.

— Названный Фролом вздохнул, но перечить не стал. Взял со стола лист плохой серой бумаги и принялся читать:

— Двадцать второго числа июня месяца года одна тысяча девятьсот двадцать второго от Рождества Христова в районе выселок были обнаружены два тела со следами насильственной смерти.

— Иш ты, — вставил третий, мелковатый с виду молодой парень, — двадцать второго числа да двадцать второго году.

— Не мешай, Филька, — осек его первый. — Ты чти, Фрол, чти.

Фрол откашлялся и продолжил:

— Тела убитых опознаны не были. Смерть наступила вследствие повреждения сердечной мышцы посредством пули, выпущенной из револьвера системы Нагана.

Услышав это, я насторожился и принялся слушать с удвоенным вниманием.

— Ишь как дохтур завернул! — опять влез мелкий. — Нет, чтобы просто написать — мол, хлопнули с ливольверту.

И тут же, натолкувшись на взгляд старшего, быстро проговорил:

— Все, молчу, молчу.

— Смерть наступила от пяти до семи часов ранее времени обнаружения тел. — продолжил Фрол.

Мелкий дернулся было прокомментировать, но, едва открыв рот, сник под грозным взглядом старшего.

— Ну что там дале писано?

— Дык все, только имя да подпись.

— Вот коновал! — посетовал Филька. — Нет, чтобы мысль какую дельную написать, так изгаляется: «Смерть наступила от пули».

— Иш ты, тебе еще и убийцу вынь, да положи!

— Так неплохо было бы. А то, вишь, почти неделя, как этих двоих шлепнули, а нам теперь искать. И дело-то, выходит, днем было. Их под вечер нашли, в переулке рядом с людной улицей, а никто не видал-не слышал, свидетелей нетути. Дряное дело, верно вам говорю.

— Эт точно, — подтвердил старший, и комната погрузилась в тяжелое молчание.

— А может, это, того, они друг друга того? — снова подал голос Филька.

— Чего того?

— Ну, поубивали друг друга.

— Окстись, Филька! Коли так, надобно оружие к делу представить. А тут ничего не нашли.

— А с чего убили-то? Пограбить решили?

— Вот язык у тебя, Филька, что помело, да кажиный раз поперед головы успеваешь. Брать-то с этих бродяг неча было, разве что горсть вошек. Вернее будет, что они сами решили кого на гоп-стоп взять. Показался им, видать, господинчик легкой добычей.

Наверняка не одного уж до нитки раздели, а то и до смерти убили. Но в проруху попали нонеча, сами на тот свет отправились.

— Дык туда им и дорога, — вставил свое Фрол. — Теперь поменее работы будет.

— Зря надеешься, — веско возразил старший. — На выселках всякого отребья хватает.

Одних упокоят иль на каторгу отправят, так другие подрастут.

— Эт точно, — вздохнул Фрол.

— Так нам таперича этого, с ливольвертом ловить? — опять вылез неугомонный Филька

— Его, аспида. Да только дохлая это затея.

— Эт еще почему?

— Не местный он. Ему бы городского кликнуть, так еще и спасибо от начальника нашенского получил бы, а то и письмецо благодарственное. А этот не стал. Видать, таился от полиции. Вот как пить дать, он заказ на убийство сполнить приезжал.

— И что, сполнил?

— А я почем знаю, — рассердился старший. — Только не простой масти человек, ох не простой. Из тузов, знать, бубновых. Да и стреляет метко: два выстрела — два трупа. И не слышал никто. Видать, особый ливольверт у того мокрушника. Слышал я, бывают такие, что пальнул — и даже рядом не слышать. Серьезный попался тать, крови не боится, палит без раздумья. Не спымать нам его. Да и коли умный, так уж прыгнул на поезд али дирижабль, да и свалил куда подале.

— А дело-то как закрывать?

— Как-как, каком кверху. Скидавайтесь по синенькой, пойду на поклон к дохтуру, пушай другую бумагу напишет. Эт их доходяг уж и закопали, да в общей яме. Поди, найди кто да куда. И воопче: кому они нужны!

Разговор сам собой утих, а я погрузился в раздумья: связано это убийство с покушением на моего тезку или нет? Возможно, как раз это и был тот самый стрелок. Но утверждать наверняка я бы не взялся. И если он, то приезжал специально по мою душу. А потом — уехал или нет? Посчитал убитым? Тогда, выходит, Клейст не при делах? Но вчера-то именно он пытался меня задавить. Черт, прямо какая-то каша в голове!

От мыслей отвлек меня вернувшийся Боголюбов. Хлопнув дверью, он стремительно прошагал через кабинет к своему столу. Сунул в ящик принесенные с собой бумаги, из другого достал тощую картонную папку.

— Заждались меня, Владимир Антонович? Пойдемте, сейчас все устроим.

Устроилось все и впрямь очень быстро. Кассир принял у меня пятьдесят рублей и выдал взамен расписку. Пожилой лысоватый чиновник порылся в толстой тетради, нашел нужную запись и, проверив мою расписку, выписал мне купчую на нужный дом. Я оставил еще два автографа в разных бумагах, и через полчаса уже сидел в кабине полицейского мобиля, направлявшегося к моему новому обиталищу. Следом катил нанятый грузовик, везущий мой нечаянный трофей.

Под взглядами столпившихся на улице зевак полицейский пристав сорвал с ворот печать и протянул мне связку здоровенных кованых ключей. Я отпер ворота и вступил во владение в прямом и переносном смысле.

Время приближалось к полудню, меня ждала работа, так что я не стал осматривать ни дом, ни двор, ни какие иные постройки. Лишь запер сарай, в который грузчики свалили

останки клейстового мобиля. Мне удалось уговорить пристава подбросить меня поближе к особняку Игнатьевых, и еще через полчаса Прохор отворил мне калитку в ограде и тут же побежал встречать телегу, привезшую новый кузов для старого мобиля.

Мое счастье — и моего приятеля тоже — что кузов здесь пока еще является, по сути, набором фанерных панелей и кожаных подушек, крепящихся сверху на раму. Возни с ним было немного: подогнать детали по месту, прикрутить, установить и подключить многочисленные приборы, и можно отправляться в пробную поездку. Хотя, нет: надо еще колеса на место поставить.

Игнатьев как чувствовал: появился как раз в тот момент, когда я затянул последнюю гайку последнего колеса.

— Здравствуйте, Федор Иванович, — поприветствовал я его. — Простите, руки не подаю, поскольку грязная. Ну что, принимайте работу, а я пока умоюсь.

Пока я здесь же, у ворот сарая, отмывался от грязи с помощью все того же Прохора, Игнатьев с восторженными криками носился вокруг своего аппарата. Он и по колесам попинал, и дверками похлопал, и сложил-разложил тент, и на сиденьях попрыгал. Видно было — не терпится ему, прямо пышет изнутри. И едва я закончил свой туалет, как он подскочил ко мне.

— Ну что, Владимир Антонович, едем?

— Конечно, Федор Иванович! Признаться, мне тоже хочется прокатиться. Так сказать, непосредственно оценить результаты своего труда.

— Тогда прошу вас за руль!

— Ну нет, мобиль ваш, вам и рычаги в руки, — отборярился я.

На самом деле, мне просто было страшно опозориться: никогда ведь не управлял таким агрегатом. А что если какой-нибудь рычаг не туда дерну? Вроде, пока разбирал-собирал, управление освоил. По крайней мере, назначение каждой рукоятки определил, но самостоятельно выехать всё же не решился.

Игнатьев несколько не огорчился моим отказом.

— Хорошо, пусть будет по-вашему! Прохор, отворяй ворота!

Слуга распахнул тяжелые створки, и наша колымага выехала на мостовую.

— Ну надо же! — восторгался мой приятель. — Ни скрипа, ни грохота! И ход-то какой мягкий, и катит-то как шустро!

Надо сказать, восторги его были вполне оправданы. Я и сам, собственным сиделищем ощущал произошедшие перемены.

— А что, Федор Иванович, — возникла у меня идея, — не желаете ли попробовать свой мобиль на максимальную скорость?

— А почему бы и нет? — загорелся он. — Как раз сейчас на ипподроме должно быть свободно. Вы как, располагаете временем?

— Вполне.

— Тогда едем!

На ипподроме оказалось довольнолюдно. Не как в день скачек или, к примеру, гонок, но два-три десятка человек стояли группками вокруг нескольких мобилей. Игнатьева узнали. Едва мы остановились и вышли из машины, как сразу несколько человек покинули свои компании и подошли к нам.

— Федор Иванович! — обратился к журналисту мужчина средних лет в дорогом костюме. — Да вы никак новый мобиль купили?

Журналист надулся от гордости, но отвечал скромно:

— Вообще-то, мобиль не совсем новый, но после капитального ремонта.

— Да бросьте, Я все местные мобили знаю. И вашего росинанта прекрасно помню, он годился разве что в музей. Но это-то явно не он. Поглядите, господа, какие элегантные линии кузова! Новая модель, да? Признавайтесь, Федор Иванович, чье производство? Британия? Франция? Германия? Или вы на заокеанские фирмы клюнули?

Игнатьева забросали вопросами, а он, переполненный гордостью за свой мобиль и за себя, крайне довольный тем, что не только оказался в центре внимания знатоков, но и смог их удивить и сбить с толку, только глуповато улыбался: видимо, никак не мог подобрать слова для достойного ответа. И это журналист, звезда местной прессы! А дорогие господа заседали:

— А каков он на ходу? Сколько дает скорости?

— Еще не знаю, — наконец-то смог произнести счастливый мобилевладелец. — Первый раз выехал.

— Да что вы говорите? А давайте проверим его в деле. Не желаете наперегонки прокатиться? Три круга. По сто рублей с человека, победитель получает все. Здесь четыре мобили считая ваш. Ну что, вы согласны?

— Я, если честно, вожу мобиль не очень хорошо, — отговорился Игнатьев.

И тут же перевел стрелки:

— Но здесь со мной профессиональный гонщик. Он наверняка сможет проехать лучше меня.

Я все это время старательно не отвечивал, не желая излишнего внимания к своей особе, но теперь пришлось выходить из тени:

— Добрый вечер, господа!

Меня тоже сходу узнали.

— Ба, да это никак сам господин Стриженов! Здравствуйте, здравствуйте, Владимир Антонович. Ну что, возьметесь показать класс на новом мобиле?

Отступить и отмазываться было уже невозможно без урона репутации. Но и сходу кинуться в бой я не мог себе позволить.

— Я не против, — объявил я собравшимся. Но я ни разу не садился за руль этого мобилиа, а начинать гонку на незнакомом аппарате, это все равно, что заранее проиграть. Я прошу три круга, чтобы освоиться с управлением и нюансами поведения машины, а потом можно попробовать и погоняться.

— Разумеется, разумеется!

Народ жаждал развлечений и ради этого был готов немного потерпеть.

— Вы понимаете, Федор Иванович, что это подстава? — прошипел я приятелю, усаживаясь за руль.

Ответом была лишь виновато-извиняющаяся гримаска.

Толпа расступилась, освобождая мне проезд. Я отпустил рычаг тормоза, придавил педаль подачи пара и мобиль потихоньку тронулся с места. Я чувствовал себя как на экзамене по вождению, только у меня не было в запасе двух ошибок до безжалостного «не сдал». Экзаменаторы ожидают от меня высшего класса, лихости, супер-мастерства. А я первый раз в жизни еду на паромобиле. Караул!

Первый круг я прокатился потихоньку, осваиваясь с управлением и привыкая к новым ощущениям. Тянул паровик мощно. Я бы даже сказал, избыточно мощно. А вот разгонялся плоховато. Руль тяжёлый, тяжелее даже, чем у советских грузовиков. Правда, колеса теперь стали поменьше, центр тяжести стал ниже, соответственно, сам мобиль поустойчивей.

На втором круге я утопил педаль подачи пара в пол. И, млин, ничего не случилось: мотор не взревел, колеса не кругнулись впроворот, раскидывая по сторонам комья земли. Я уже было разочаровался, но нет: с небольшой задержкой драндулет стал довольно резво набирать скорость. Вот на что способны хорошие подшипники! Но даже со всеми усовершенствованиями предельная скорость вряд ли доходила до пресловутых гоночных пятидесяти миль.

В поворотах мобиль держался вполне неплохо, но в паре мест пришлось притормаживать: слишком крутой вираж. А набиралась скорость слишком медленно. Нет, с такими приколами я ничего не выиграю. Кстати, есть у Игнатьева деньги на ставку?

На третий круг я пошел уже довольно уверенно, на приличной для этого пепелаца скорости под ободряющие крики зрителей. Вот только ИХ мобили всяко мощнее и быстрее, на прямых отрезках они будут выигрывать. А вот повороты — это мое: мобиль короче, радиус поворота меньше, и тормозить не надо. А вот им тормозить как раз придется. А потом — разгоняться с традиционной неторопливостью паровиков. Вот если бы еще те два поворота... Может, рискнуть? Привод задний, для дрифта — самое то.

Я действительно рисковал: тяжелый руль пришлось удерживать в повороте одной рукой, потому что второй нужно было тянуть за рычаг тормоза. Но угол поворота был сравнительно небольшой, и мне хватило сил в руках на пару секунд управляемого заноса. И почти без потери скорости — дальше. Прошел один поворот, другой... получается! И потом уже спокойно к финишу. Притормозил у собравшейся толпы.

— Ну что, господа, вы готовы? Да, я, к сожалению, не брал с собой денег, так что сделать ставку, увы, не смогу.

— Пустяки, Владимир Антонович! — тут же отозвался щегольски одетый толстячок с ухоженной «шкиперской» бородкой. — Я сделаю взнос за вас. Но выигрыш — пополам!

— Договорились.

Я бросил взгляд на Игнатьева. Кажется, он испытал огромное облегчение: все его средства ушли на ремонт и тюнинг мобилы, и сейчас он, как и я, был без гроша.

Тут же нашелся и распорядитель. Он согнал зевак с трассы и, повинувшись его знаку, четыре мобилы вырулили на линию старта. Распорядитель поднял вверх руку с большим клетчатым носовым платком. Я придавил педаль и поджал тормоз, чтобы не рвануть вперед раньше времени. А потом как в матрице: рука с платком пошла вниз, я принялся отпускать тормоз и мобиль, как застоявшаяся лошадка рванул с места, сразу на полкорпуса опередив конкурентов. Здесь что, таких стартов не практикуют?

Три мобилы — дорогих, мощных, блестящих лаком и хромом, с мерным пыхтением разогнались до... до, наверное, все тех же пятидесяти миль. Я на хоть и перелицованном, но все-таки старом драндулете безнадежно отставал — но это лишь до первого поворота. Там, как я и предвидел, слишком длинные для резких маневров мобили принялись тормозить, а я смело влетел в поворот, не снижая и без того невеликой скорости. Только наклонился всем корпусом внутрь виража, чтобы уменьшить крен и, не дай создатель, не опрокинуться. Случись такое — позору не оберешься!

На выходе из поворота я был впереди, но к следующему виражу меня снова принялись обгонять. Так мы и катили до последнего поворота последнего круга: на прямых участках я отставал, в поворотах — выходил вперед. На тренировочном заезде этот поворот был далековато от зрителей, и мои хитрые маневры были не видны, так что сюрприз моим соперникам вышел неслабый. Они начали тормозить перед поворотом и поотстали. Того же ждали от меня: прежде я в этом месте тоже притормаживал, хотя и не так сильно. А тут только земля взметнулась из-под колес, мелкие камушки хлестанули по моим преследователям, заставляя их еще больше потерять скорость. А я, затоптав педаль в пол, уже несся к финишу. Вот уж действительно — на всех парах! Чуть позже не удержался — оглянулся. Соперники мои благополучно миновали поворот и сейчас отчаянно кочегарили свои паровики, но было видно: не успеют. Чуть-чуть, но не успеют.

А на финише царило форменное безумие. Распорядитель с трудом выпихивал с трассы разгоряченных болельщиков, чтобы не угодили под колеса. А те махали руками, кричали, подбадривали. Сейчас не было понятно, кто за кого, но это было и неважно. Главное — я победил. Спустя пару секунд подлетели остальные мобили. Водители повыскакивали из своих экипажей, и кинулись ко мне. Признаться, я поначалу немного испугался. А когда эти восторженные почитатели высокого искусства пилотирования мобилей, невзирая на мои протесты, вытащили меня из-за руля и принялись качать, вот тогда мне стало страшно по-настоящему.

Когда мы возвращались в особняк Игнатьевых, вести мобиль пришлось мне. А журналист всю дорогу рассказывал о том, какой я замечательный гонщик, какой я чудесный механик и как здорово, что счастливый случай свел нас давеча в парке. Федор Иванович радовался обновленному мобилю, своему и моему успеху и признанию маститых мобильных тусовщиков Тамбова. Я тоже радовался. Радовался тому, что переделка мобили оказалась таки удачной, что хотя бы чудом, но победил в этой случайной гонке, что меня не уронили радостные болельщики и, в конце концов, тому, что стал богаче на целые две сотни рублей. Я пытался сотню вручить Игнатьеву: все-таки именно его аппарат участвовал в заездах, но мой приятель, пребывая в состоянии эйфории, наотрез отказался взять свою долю.

Что ж, я настаивать не стал исходя из сугубо рациональных соображений. Бал, на который меня пригласили, все же благотворительный. А, значит, надо хоть копеечку оставить в пользу... ну, тех, ради кого идет сбор средств. Я, если честно, переживал на этот счет. Не хотелось показаться среди сборища богатеев совсем уж нищим, хоть и во взятом напрокат фраке. Ну а теперь я смело могу оставить в фонд помощи неизвестным зверюшкам сотенную ассигнацию, и еще останется на первоначальное обзаведение на новом месте.

Загнав мобиль на законное место, я еще минут пять выслушивал хвалебные оды в свой адрес, поскольку Федор свет Иванович нынче отхватил просто немыслимое прежде количество славы. Ну да, когда я подтвердил, что «новый мобиль» журналиста — на самом деле все тот же старый рыдван, только качественно отремонтированный, настроенный и перелицованный, то в первую минуту изумлению публики не было предела. А во вторую меня попытались качать еще раз, но я благополучно отбил от этой опасной процедуры. И тогда вал народной любви совершенно закономерно обратился на владельца чудо-машины. Думаю, сегодня Игнатьев-младший долго не уснет, заново переживая минуты своего триумфа. А, возможно, и не уснет вовсе.

— Федор Иванович, мне, пожалуй, пора. Вы обещали записку к хозяину магазина. Помните, насчет аренды фрака?

— Ах, да! Простите покорнейше, я совсем забылся. Совсем, представляете?

Счастливый журналист убежал к себе во флигель, а я подошел к теперь уже своему мотоциклу. Двухколесный агрегат так и простоял всю неделю в том же углу, где и был обнаружен. Грустный, позабытый, позаброшенный. Идти пешком к себе домой не хотелось, больно далеко. А оставлять хозяйство на ночь без присмотра тоже было нельзя. Этак завтра приду, а там кроме забора ничего и нет. А что, если...

Мотоцикл был практически новым, если не считать несметного количества осевшей на него пыли. Потом я, конечно, его разберу, вычищу, заново смажу, и буду раскатывать на нем по всяким надобностям. Но сейчас хотелось бы просто уехать домой.

Я стер с руля и сиденья пыль и грязь, долил воды в бачок, накачал почти полностью спустившие шины и с некоторым внутренним трепетом повернул ключ, запускающий нагрет. И — о чудо! — спустя минуту исправно запыхтел парогенератор. Давление быстро поднялось до нужной марки, и я, не снимая мотоцикл с подножки, повернул регулятор пара. Со скрипом, неохотно, но заднее колесо провернулось. Потом еще, еще, потом исчез скрип а я, порадовавшись такой удаче, заглушил паровик и принялся переодеваться в робу. Не хватало еще изгваздать свой единственный приличный костюм.

Когда Игнатъев вернулся с запиской, я уже закрепил тючок с одеждой на багажнике и гордо восседал за рулем своего железного коня. Это, кстати, не штамп и не преувеличение. На раме мотоцикла так и было написано: «Iron horse». И указана фирма-производитель: «Harley-Davidson». И даже узнаваемая эмблема присутствовала. В прошлой жизни я все хотел купить себе хороший круизный байк, но так и не сподобился. А тут он сам в руки пришел. Пусть не круизный, но все-таки «Харлей»!

— Вот, Владимир Антонович, возьмите, — протянул мне приятель сложенный вчетверо листок бумаги. — И спасибо вам большое и за мобилу, и за сегодняшнюю гонку, и за... за вообще все.

Игнатъев оглядел сарай-гараж и, зацепившись взглядом за сундук с инустринментом, аж просиял.

— Владимир Антонович, то, что вы для меня уже сделали, нельзя измерить деньгами. Знаете, вот этот инструмент — он не представляет для меня совершенно никакой ценности. Я не смогу им воспользоваться сам, и он, оставаясь здесь, постепенно заржавеет, порастеряется и пропадет. Возьмите его себе. Просто так, в знак моей дружбы.

Честно говоря, я и сам подумывал о том, как бы тактично и без ущерба для приятеля изъять ящичек в свою пользу. Ну а раз он сам предложил, то грех отказываться. Тем более, что мне-то этот наборчик нужен буквально позарез, ибо чую я, что после сегодняшней гонки да завтрашнего бала на меня нападёт вал заказов на тюнинг.

— Спасибо, Федор Иванович, — искренне произнес я. — И за дружбу, и за инструмент. Ну а вы, если возникнет проблема с мобилем, без стеснения заезжайте ко мне, я всегда вам помогу. Только...

— Что? — обеспокоенно вскинулся Игнатъев.

— Пусть этот ящик полежит здесь до послезавтра. Все равно мне завтра будет не до работы.

— Да пусть лежит сколько угодно, есть-пить не просит.

— Вот и замечательно. А сейчас мне пора. Хочу попасть к себе домой хотя бы не в полной темноте. До свидания, Владимир Антонович.

— До свидания!

Мы пожали друг другу руки, я прибавил пару и покатил осваивать свои владения.

Паровик — штука сама по себе негромкая. А тут еще пневматические шины, условно мягкая грунтовка, фоновые шумы вроде ближних и дальних вечерних кутежей, раздающиеся время от времени пьяные вопли и глухие удары кулаков о морды, перемежающиеся матерной бранью. Солнце давно село, фонарей в слободке отродясь не бывало, и очертания домов и заборов сливались в одно серое марево. Лишь крыши домов выделялись на фоне еще светлого неба.

Подкатив к своим воротам, я с удивлением увидел над забором помимо крыш чью-то голову. Меня что, грабят?

Я тихонько слез с мотоцикла, прислонил железного коня к забору и принялся подкрадываться к татам. Сделать это оказалось несложно, потому что грабители были увлечены процессом настолько, что на все остальное внимания не обращали.

— Ну давай уже, лезь! — злобно шипел один. — Сколько мне еще тебя держать?

— Сейчас, сейчас, бормотал другой, опираясь одной ногой о плечо подельника, а другую безуспешно пытаюсь закинуть на забор.

Вокруг ночных татей сгустилось облако алкогольных паров такой крепости, что иного человека могло бы и с ног свалить.

— Шевелись, телепень! Коли до полуночи не обернемся, Щербатый весь должок припомнит!

Ага, значит, не сами полезли, а были посланы. А ведь до полуночи осталось меньше часу. Выходит, серьезные воры прежде, чем самим на дело идти, этих кадров на разведку заслали. Ну уж нет, это нам ни к чему.

Я, больше не скрываясь, врезал ботинком под колено нижнему. Тот с матюками сложился и через секунду на него рухнул верхний. Кажется, что-то хрустнуло. И вправду, нижний заорал благим матом:

— Чего творишь, Гвоздь?

— Да я ничего, — оправдывался названный Гвоздем. — Я уж почти залез, а ты...

— Слезь с меня, чувырло!

Гвоздь приподнялся на четвереньки и отполз в сторону, мазнув при этом своего подельника грязной опоркой по лицу.

— Издеваешься, гад?

Нижний вскочил и замахнулся было правой рукой, но тут же взвыл от боли и перехватил калечную левую руку правой.

— Да господь с тобой, — открестился Гвоздь, и тут увидел меня.

— Ты кто такой? — с усилием, но все равно невнятно выговорил он и попытался подняться. Для этого ему пришлось сперва подползти к забору.

Второй, заметно покачнувшись, повернулся всем телом в мою сторону.

— Ты это, иди куда шел. Вишь, дело у нас, — не вполне уверенно произнес он.

— А я уже пришел. Это меня вы грабить собирались. — и я сунул руку в карман, нащупывая болтик.

— Не замай! — отшатнулся Гвоздь и, потеряв опору, вновь рухнул на четвереньки.

— Валите, — скомандовал я двоим колдырям, не вынимая руку из кармана. — И Щербатому передайте, чтобы и думать в мою сторону забыл. Ну! Быстро!

Гвоздь вновь поднялся, повернулся и, перебирая руками вдоль забора, поплелся прочь. За ним, баюкая сломанную руку здоровой, пошатываясь и подвывая от боли, отправился и второй. А я отпер калитку в воротах, беззвучно отворившуюся на хорошо смазанных петлях, и закатил мотоцикл во двор. Задвинул за собой железный засов и принялся осматривать свои владения.

Уже совсем стемнело, на небе не было видно ни луны, ни звезд, и темнота стояла — хоть глаз выколи. Сарай от дома я отличил лишь по размеру. Почти наощупь отпер ворота, закатил внутрь своего железного коня и при свете спички попытался осмотреться. Получалось плоховато. Слишком маленьким был огонек, слишком быстро стгорала спичка. А ведь их в коробке не так уж много.

Мне опять повезло: на полке у ворот я углядел небольшой огарок свечи. С ним дело пошло веселей. В том смысле, что я смог обойти сарай по кругу. Единственное, что в нем было, это разбитый мобиль в центре и прислоненный к стене мотоцикл. Пол земляной, твердый. А в сырую погоду, наверное, еще и грязный. Застелить бы его ну хоть доской. А лучше залить бетоном и яму смотровую выкопать. Подъемник-то даже если и можно купить, то мне он сейчас всяко не по карману.

Оставив детальный осмотр сарая до утра, я запер ворота и, прикрывая свечу ладонью от

ветра, пошел посмотреть свое жилище.

Дом был большой, в два этажа, срубленный из солидной толщины бревен. К дому был пристроен немалых размеров крытый двор, в котором нашлись баня, конюшня и сортир. Да и вообще все хозяйство было солидным, основательным, продуманным. Видимо, некогда он принадлежал справным хозяевам. Все в нем было устроено ладно и с умом. Только отопление, видать, делали давно: посреди дома стояла круглая печь-голландка, устроенная так, чтобы обогревать сразу все комнаты. Верхний этаж, видимо, изначально был летним. Ну а теперь, с появлением простых и дешевых обогревателей, можно и наверху организовать тепло в любое время года. В общем, хоромы. Вполне можно было бы жить, вот только загажен дом был сверх всякой меры. И бандиты, видать, пакостили, и полиция постаралась, когда банду арестовывала.

Стекол в окнах не было, и, несмотря на закрытые ставни, по комнатам гуляли сквозняки. Мне как-то сразу расхотелось ночевать в доме. Не сейчас. Сперва надо все отмыть, отчистить, окна заново застеклить, а там уже можно и новоселье справлять. Но, тем не менее, где-то ночевать все равно было нужно. Не в сарай же идти! Хотя почему бы и нет? Мобиль Клейста, конечно, разбит, но сиденья-то в нем не пострадали! Неудобно, да, но не в грязи, и не на голой земле. Завтра у меня бал, а потом наведу порядок, съеду от мадам Грижецкой сюда и начну свою трудовую деятельность.

Сказано — сделано. Я запер дом — скорее для порядку, ведь любой желающий мог залезть в него через разбитое окно второго этажа. Потом сам заперся в сарае, устроился поудобнее на роскошном заднем диване гоночного болида и задремал.

Проснулся я от того, что солнечный луч, проникший через небольшое окошко под крышей, засветил мне прямо в глаз. Я выбрался из мобиля, кряхтя и разминая затекшие мышцы. Все-таки, спать на сиденье не слишком удобно. В кровати делать это куда как лучше. Теперь надо было бы умыться, одеться и начинать готовиться к посещению главного светского мероприятия сезона.

Во дворе нашелся колодец. Классический такой, с воротом. И ведро на веревке нашлось. Правда, деревянное, но и то хлеб. Я добыл воды, напился от души, умылся до пояса, затем обрядился в приличный костюм, прибрав робу в сарай. Ехать на мотоцикле я не рискнул: испорчу одежду, а ее у меня и без того не лишку. Вот заберу гонщицкий инвентарь, тогда и буду гонять: в куртке, шлеме и крагах. И все пацаны города будут мне отчаянно завидовать.

Заперев ворота, я отошел на несколько шагов и принялся прикидывать, как было бы лучше устроить вывеску. И чтобы высоту проезда не слишком ограничивать, и чтобы видно было хорошо, и вообще. Увлечшись этим занятием, я поздновато услышал приближающиеся шаги. Несколько извинял меня тот факт, что шаги были тихими, даже вблизи едва слышными.

— Ждете хозяина? — обратился ко мне подошедший мужчина.

Прежде, чем ответить, я пару секунд разглядывал подошедшего.

Невысокий, на ладонь меня ниже. Клетчатая кепка английского фасона, жесткое худощавое лицо, рыжеватые густые усы, костюм-тройка, в чистых, без перстней, руках легкая с виду тросточка, лаковые штиблеты на резиновом ходу. И с левой стороны сюртук чуть-чуть оттопыривается. Не присмотреться — так и не увидишь. То ли портмоне, то ли... ну, скажем, револьвер. Вот этот возможный револьвер меня и удержал от того, чтобы обозначиться.

— Жду, — подтвердил я. — Но, видимо, не судьба. Ничего, зайду в другой раз.

И зашагал в сторону центра. Туда, где располагался рекомендованный Игнатьевым магазин готового платья.

До места я добирался часа полтора. Да, пешком — это вам не на машине. И не на мотоцикле. Вчера вечером я потратил на дорогу от игнатьевского особняка до своей будущей мастерской от силы минут двадцать. И то потому, что жалел свою коняшку, не выкручивал пар на максимум. Ну да ничего: вот переберу мотоцикл, и тогда уже всласть погоняю. Ну а пока буду бороться с гиподинамией.

На подходе к магазину мне на глаза попала аккуратно припаркованная дамская вуаретка. И вид ее напомнил мне об одной чересчур жадной особе. Так-то я о ней и думать забыл, а тут вот вспомнилась. Подойдя ближе, я разглядел на лакированном борту мобиля следы недавнего ремонта. На том самом месте, что пострадало от грубого вмешательства неизвестного грузовика. Надо же, та самая машинка! А раз она здесь, стало быть, и хозяйка поблизости.

Не задерживаясь, я прошел в магазин, сопровождаемый звоном колокольчика на входной двери. В торговом зале было пусто. То есть, имелись ряды манекенов, облаченных в тот или иной костюм, имелись полки с разложенным на них товаром. А вот продавца видно не было. Что ж, обождем. Я присел на кушетку и принялся коротать время, разглядывая выставленные в качестве образцов дамские туалеты.

Ждать пришлось совсем недолго: не успел я осмотреть и половины нарядов, как в недрах магазина раздался звонкий мелодичный голос под аккомпанемент стаккато легких каблучков. Не желая сталкиваться с владелицей голоса, я вскочил с места и поспешил укрыться среди манекенов.

— Пьер, отошли это платье ко мне домой. Адрес ты знаешь, — произнесла девушка.

— Будет исполнено, сударыня, — отвечал ей Пьер, а, вернее всего, Петр. Меня ведь тоже ни за что, ни про что обозвали Вольдемаром.

— Вот тебе за аренду платья.

До меня донеслось шуршание купюр.

— А это тебе лично. И не забудь: если появится полковник, назовешь ему полную стоимость туалета.

— Конечно, сударыня.

— Платье тебе завтра занесет моя служанка.

— Как скажете, сударыня.

Каблучки протопали на выход, звякнул колокольчик, хлопнула входная дверь, и я решил выйти из своего укрытия. Петр-Пьер поднял голову от расходной книги, в которую вписывал факт сдачи дамского платья в аренду госпоже Неклюдовой за двадцать рублей на один день.

— Доброе утро!

— Доброе утро, господин Стриженов.

— Вы меня знаете? — я даже не попытался скрыть удивления.

— Конечно, — невозмутимо ответил приказчик. — В Тамбове вас знают все, кто читает «Ведомости». Чем могу служить?

— Ваш магазин посоветовал мне господин Игнатьев. Мне нужен хороший фрак напрокат на сегодняшний вечер.

— Никаких проблем. Имеется как раз ваш размер. Даже не потребуется подгонять. Пройдите, пожалуйста, в примерочную, я сейчас его принесу.

Через полчаса я покидал магазин, став беднее на двадцать рублей. Мальчишка-разносчик убежал доставить фрак в пансион мадам Грижецкой. Я направился туда же. Мне предстояло две трудные вещи: подготовка к визиту и объяснение с бедной одинокой женщиной.

К моему удивлению, объяснение с мадам Грижецкой прошло легко и спокойно. Да, ощущалась некая досада со стороны почтенной вдовы, но не более того. Она заявила, что прекрасно все понимает и ни на что не претендует; на том и разошлись. Я с облегчением выдохнул и занялся подготовкой к балу. Фрак и сорочку по указанию хозяйки забрала горничная Глафира, чтобы вычистить и отутюжить. Мало ли, что он только из магазина. Дело серьезное, непременно надо и проверить, и поправить, и пылинки удалить. Так что мне ничего не оставалось делать, как собрать белье и отправиться в баню.

Предшественник мой, при всей разрухе в его голове, по отношению к личным своим вещам был аккуратистом. Весь его невеликий гардероб был аккуратно разложен и развешен в платяном шкафу. Даже для белья была выделена отдельная полка. Туда-то я и полез в поисках пары поновей и поприличней, и принялся вынимать по очереди, с краю. Отложил в сторону одну — чересчур застиранная. Отложил другую — штопанная. Третья и вовсе оказалась донельзя ветхой, годной разве что на обтир. Да что ж это такое! Хотя нет, вон тот комплект, что лежит у самой задней стенки, выглядит практически новым.

Полка с бельем была расположена весьма неудобно: чтобы добраться до вещей, сложенных в глубине, недостаточно было просто нагнуться и протянуть руку. Пришлось встать рядом со шкафом на колени. Вот я и встал. Засунул руку в недра шифоньера и ухватил намеченную цель. Ого-го, а бельишко-то непростое!

Я осторожно вытащил добычу на свет, развернул рубаху, и моему взору явилась небольшая изящная шкатулка. Деревянная, лакированная, с резной крышкой. Белье, баня и бал — все мгновенно ушло на второй план. Со шкатулкой в руках я вернулся на диван. Откинул запор, открыл крышку и... пожал плечами. Не впечатлили меня фамильные драгоценности. Две пары запонок, одни — золотые с мелкими изумрудами, выложенными в виде буквы «Т», другие — массивные, черного серебра. Золотой довольно увесистый перстень, опять же с буквой «Т», только вырезанной на крупном изумруде и залитой золотом. И пара изумительно красивых серег. Для разнообразия, камни в серьгах были темно-красными. Гранат? Рубин? Не знаю, не слишком-то я разбираюсь в этом. Но вот понять, что передо мной на бархатной подушечке лежит шедевр ювелирного искусства, вполне смог.

Серьги, скорее всего, фамильные и некогда принадлежали покойной матушке. Удивительно только, что они не ушли в качестве подарка одной ушедшей девице. Впрочем, возможно, что те золотые капельки с сапфирами, что я видел на госпоже Неклюдовой, тоже были вынуты из этой шкатулки, а эти были сочтены неподходящими. То ли по цвету камня, то ли по еще какой причине. Наверное, Володя Стриженов и не подозревал, что этой милой барышне сгодились бы любые серьги, ведь они очень легко превращаются в деньги. А, может, он просто не хотел лишаться последней вещи, напоминавшей ему о матери? Вот и я продавать их не стану. Пусть себе лежат до поры. Глядишь, решусь однажды обзавестись семьей, тогда и передам их будущей мещанке Стриженовой в качестве свадебного подарка.

Запонки — вещь однозначно мужская. Да и перстень тоже. Но буква «Т»... А ведь что-то такое на глаза попадалось! Я оставил шкатулку на журнальном столике и отпер секретер. Вынул папку с бумагами, пролистал, нашел нужную. Вот! В свидетельстве о смерти значилось: «мещанка Стриженова Елизавета Васильевна, в девичестве Травина». Это,

получается, привет даже не от матушки, а от ее семейства! Ну и ладно. Тридцать лет лежали, и дальше полежат. Разве что серебряные запонки возьму, они к моему наряду вполне подойдут.

Я закрыл шкапулку, убрал ее в секретер и запер замок. Очень уж ненадежное укрытие для ценных предметов выбрал мой не слишком предусмотрительный двойник. Отложил себе пару белья, убрал остальное на место. На всякий случай обшарил остальные полки — ничего. Ну да и ладно, мне и этого довольно.

— Владимир Антонович! — постучалась в дверь Глафира. — Баня готова!

Чистый душой и телом, облаченный в белоснежную сорочку, фракную пару и до зеркального блеска надраенные штиблеты, с повязанным хитрым узлом черным галстуком-бабочкой, со вдетыми в манжеты запонками, я стоял у входа в пансион, ожидая извозчика. Чувствовал я себя до крайности непривычно. Накрахмаленный до хруста ворот сорочки давил шею, фрак заставлял держаться неестественно прямо, штиблеты сверкали так, что глазам было больно. Вокруг меня столпились все постояльцы пансиона во главе с самой мадам Грижецкой. Прислуга тоже присутствовала, но в некотором отдалении. Наверное, все эти люди хотели таким образом хоть в малой степени, хоть через мое посредство прикоснуться к недостижимому, к небожителям, к высшему кругу общества.

Внезапно мадам Грижецкая всплеснула руками:

— Владимир Антонович, а перчатки у вас имеются?

— Перчатки? — недоуменно переспросил я. — Какие перчатки?

— Как, разве вы не знаете? — удивилась одна из дам. — На балу кавалеры непременно должны быть в белых перчатках. Если военные — замша, если гражданские — лайка. Появиться на балу с голыми руками — моветон! В прежние времена могли без перчаток и вовсе на бал не допустить. Сейчас, конечно, не так строго, но все равно с вами ни одна дама танцевать не станет.

— И что же мне делать? — растерялся я. — Все лавки закрыты. Может, все-таки попытаться пойти так?

— Ни в коем случае! — возопила дама. — Вы обязаны произвести впечатление!

Какое впечатление и на кого я должен производить, дама не уточняла. В этот момент подкатил экипаж. Извозчик, бородатый мужик с хитрой физиономией прожженного плута, спустился с козел, подошел, чинно поклонился.

— Кто из вас господин Стриженов? Пожалте в коляску.

— Одну минуту! — воскликнула мадам Грижецкая.

Ледоколом раздвинув толпу провожающих, она скрылась в доме и вскоре вернулась.

— Вот, возьмите, Владимир Антонович. — она протянула мне белые лайковые перчатки. — Думаю, вам они придутся по руке. Это моего покойного Семена Евграфовича.

При упоминании мужа вдова традиционно перекрестилась и с трагизмом в голосе добавила:

— Он так и не успел их надеть.

Я принял дар, поблагодарил хозяйку пансиона и всех его обитателей и поднялся в экипаж. Кучер поддернул вожжи, и сытая гнедая лошадка бодро поцокала по мостовой.

Бал должен был состояться в загородном особняке баронессы. От города — сущие пустяки, миль десять. На нормальной машине, даже по здешней убитой ухабистой дороге,

пять минут езды. Ну хорошо, пятнадцать. А лошадка трюхала почти что час. И быстрее не пустить — я понимаю, не вынесет животное десять миль бежать галопом, да еще при этом тащить коляску с двумя седоками. Так что пришлось скучать, глядеть на однообразный пейзаж и вспоминать наставления, которыми засыпали меня соседи по пансиону.

В целом, советы эти можно было свести к одному: что бы ни случилось, улыбаемся и машем. И танцуем. Отказаться в танце без серьезных на то оснований, вроде отсутствия перчаток — это оскорбление. Если кавалерам приспичит выяснить отношения — пусть идут в сад. Что еще? Ах, да: главный на балу — распорядитель. Оказывается, есть такая специальная должность — распорядитель бала. И слушаться его полагается беспрекословно, невзирая на чин и титул.

Вообще представление о дворянских балах у меня было весьма смутное и лубочное, составленное из кусочков просмотренных фильмов и прочитанной в школе книжки про войну и мир. Если свести вместе все, извлеченное из этих источников, бал — это место, где молодежь танцует с целью развлечься, а родители неженатых мужчин и незамужних девушек еще и присматривают себе супружескую половину. Дамы в возрасте ведут нескончаемые беседы, перебивая косточки всем, кто попадет в их поле зрения, а солидные господа толкуют за политику и решают судьбы государства.

В итоге я сделал вывод, что бал для меня станет лишь зряшной потерей времени, но включать заднюю было поздно. К тому же фильмы фильмами, рассказы рассказами, а увидеть все это действие своими глазами и сделать собственные выводы тоже будет полезно. Где же еще можно будет посмотреть на светских львов и львиц в их естественной среде обитания!

Я рассчитал время правильно, подъехал вовремя, но примерно за милю до имения баронессы уперся в самую настоящую пробку. Экипажи наподобие моего, роскошные с виду кареты, дорогие, сверкающие лаком и хромом мобили — все стояли в одной очереди, которая неспешно продвигалась вперед. Что интересно, никто не пытался обогнать колонну приглашенных по встрече и встать впереди. Сперва я удивлялся, потом сообразил: на балы простых людей, вроде меня, зовут редко. И кто знает, кого ты нынче подрезал. Окажется в том экипаже какая-нибудь графиня, а то и княгиня, и окончится бальная карьера дорожного хама.

Особняк баронессы был намного больше игнатьевского. Лично я назвал бы его дворцом. Экипажи и мобили один за другим подкатывали к парадному крыльцу, из них выходили разряженные дамы и блестящие кавалеры и шли развлекаться. Машины же и кареты отъезжали куда-то в сторону, освобождая место следующим.

Подошла и моя очередь. С водителем кобылы сряжались на доставку в оба конца, так что он отправился дожидаться меня и трепаться с коллегами. А я лихо взбежал по ступеням парадного крыльца и, подобно прочим гостям, протянул конверт с приглашением специально поставленному лакею. Тот, убедившись, что я не самозванец, изогнулся в поклоне и отворил передо мной тяжелую дверь. В холле другой лакей принял у меня шляпу, трость и покрытый дорожной пылью плащ, третий проводил к двери в бальную залу. Распорядитель спросил мое имя, сверился со списком, отворил передо мной дверь и громогласно объявил: Владимир Антонович Стриженов!

Я шагнул вперед и на секунду замер: мне показалось, что на меня смотрят буквально все, собравшиеся в зале. Не сказать, чтобы я оробел, но у меня возникло чувство своей

неуместности. Пришлось собирать в кулак... то, что обычно собирают в кулак мужчины: к примеру, волю. И, изобразив на лице улыбку, прошествовать далее.

Бальная зала представляла собой большое круглое помещение. Потолок поддерживали античной архитектуры колонны, с купола в центре зала свисала огромная люстра со множеством хрустальных подвесок. Она вместе с десятками других светильников меньшего размера ярко освещали центральную часть залы. За колоннами были, можно сказать, места для отдыха. Именно там сейчас находилось большинство гостей. Они двигались, раскланивались друг с другом, переходили с места на место, заводили беседы, и голоса всех сливались в единый гул, в котором отчасти терялась даже музыка.

Рядом со входом был установлен стол, за которым мило улыбались две симпатичные дамы. Благотворительная лотерея. Я подошел, обменял билет казначейский на билет лотерейный и двинулся дальше.

Фильмы не вращались: бал блистал, сиял и ослеплял. Сияла центральная люстра, сияли жемчуга и бриллианты на дамах, блистали ордена на мундирах и фраках, матовой белизной отсвечивали обнаженные руки женщин, а у многих — и обширное декольте.

Широкая лестница — на ней вполне могли разойтись две дамы в кринолинах — вела на верхний ярус залы. Там тоже хватало народа. Гости собирались небольшими группами, оживленно беседовали. Меня узнавали и, по-видимому, обсуждали, но заговаривать со мной не спешили. Вспомнилось читанное где-то в прошлой жизни, что нового человека обязательно кто-то должен представить в обществе. А я из всей этой публики знаю только Игнатьева. Нет, чтобы договориться с ним заранее! Ну а вообще, если подумать, отрекомендовать меня должен тот, кто пригласил: так, мол, и так, вот господин Стриженов, прошу любить и жаловать. Но делать этого никто не спешил.

Верхний ярус — это не кольцевая галерея вокруг танцплощадки. Это еще один немалых размеров зал, только уже прямоугольный. В одном крыле стояли фуршетные столы, в другом — тоже столы, но ломберные. Есть я не хотел, играть — тем более, так что облокотился о перила, ограждающие ярус, и принялся смотреть вниз, разглядывая прибывавших гостей. Входили мужчины, кто во фраке, кто в парадном мундире. Входили дамы, но исключительно в сопровождении кавалеров. Порой гости приезжали целыми семьями: муж, жена и несколько детей, как правило, девушек на выданье и молодых людей подходящего для женитьбы возраста.

Вот мелькнуло знакомое лицо: Федор Иванович Игнатьев собственной персоной. Нынче он без своего фотоаппарата, зато с отцом. Игнатьев-младший оказался весьма похож на Игнатьева-старшего, только еще не огрузнел и не приобрел солидности и основательности, свойственной купцам. Если задержится в репортажах, может, и сохранит нынешнюю свою стройную фигуру. Я дернулся было подойти к нему, но он тут же затерялся в толпе. Ничего, вечер длинный, еще успею поздороваться.

Еще одна знакомая, госпожа Неклюдова. Рядом с ней военный в парадном мундире: белые лосины, черные сапоги, лазоревый китель с золотыми эполетами, пышные черные подкрученные вверх усы... красавец-мужчина, нечего сказать. Настоящий полковник, герой! А такая вот мадамочка крутит им как хочет и без зазрения совести тянет с него деньги.

А вот этот поутру приходил ко мне в мастерскую. Тогда я не стал с ним разговаривать, подозревая в нем убийцу. Но, наверное, ошибся, на такой бал убийц звать не станут. А что если никто не знает о странном хобби рыжеусого? Вот взять, к примеру, Клейста. С виду — обычный человек, а меня пытался задавить.

Поток людей на входе становился все меньше. Наконец, видимо, пришло время. Распорядитель вышел в центр танцевального зала и объявил:

— Бал начинается! Вальс!

Оркестр принялся играть что-то из Штрауса, гости потянулись вниз, я двинулся следом. Одна за другой пары выходили в круг и принимались вальсировать. Кавалеры улыбались дамам, дамы улыбались в ответ, и на минуту у меня возникло ощущение, что все те люди, что танцуют сейчас, безмерно счастливы и своими партнерами, и самим танцем.

В какой-то момент энергетика танца и музыки увлекла меня настолько, что мне и самому захотелось присоединиться к парам, самозабвенно кружащимся по паркету. А почему бы и нет? Я обернулся к наблюдающим за танцорами девушкам и принялся высматривать подходящую партнершу. И очень быстро понял, что я нежелателен ни как партнер в танцах, ни даже как рядом стоящая фигура. Одна отвернулась, другая отошла в сторону, третья изобразила веером какую-то фигуру. Наверяд ли этот жест обозначал неземную радость, скорее наоборот.

Что ж, не больно-то и хотелось. Хотя нет, что я себе-то врать пытаюсь? Как раз-таки хотелось. Глядя на танцоров, мне захотелось ощутить праздник, погрузиться в него с головой. А сейчас в душе были обида и разочарование.

Пока я рефлексировал, закончился вальс и была объявлена мазурка. Ее танцевать я не умел и вернулся наверх. Оставив молодежь развлекаться, здесь прохаживались солидные серьезные господа. Собравшись группками, они обсуждали что-то им известное. Кто-то переходил от группы к группе. Я тоже принялся гулять по залу, прислушиваться к беседам, но все разговоры крутились вокруг светской жизни или политики. Ни о том, ни о другом я не знал ровным счетом ничего.

Через недолгое время обида моя прошла. В самом деле, что взять со светских куриц? А вот раздражение таким подчеркнутым игнорированием начало превращаться в злость, и это было плохо. Разозлившись, я могу наворотить таких дел, что потом будет как минимум стыдно. Это из опыта, бывали случаи. Нет-нет, надо успокоиться.

Я взял с фуршетного стола бокал вина, вышел на балкон и постарался отключиться от раздражителей, погрузившись в созерцание пейзажа. Вид передо мной открывался весьма живописный: ближние луга, дальние леса, вечернее небо... красота! Хотя с гораздо большим удовольствием я бы сейчас занялся приборкой в своем доме. Выгреб бы весь мусор, отчистил стены, выдраил полы...

— Скучаете, господин Стриженов?

Раздавшийся за спиной мелодичный женский голос вырвал меня из грез. Я обернулся. Передо мной стояла невысокая, изумительно красивая женщина. На вид ей было лет двадцать пять. Если и больше, то ненамного. Давеча я любовался Неклюдовой, но по сравнению с этой дамой начинающая хищница была записной кикиморой.

— Ничуть, — ответил я. — Мечтаю.

— И о чем же?

— Конечно же о счастье.

— О каком же? Надеюсь, не о всеобщем, о котором талдычат социалисты?

— Нет. Исключительно о своем.

— И каким вы представляете себе свое счастье? Из чего оно должно состоять?

— О-о, вы хотите узнать рецепт счастья? Ничего не выйдет. Счастье у каждого свое. Более того, люди никак не могут договориться даже о том, что такое счастье. У каждого на

этот счет имеется собственное мнение и оно, конечно же, единственно правильное.

— И каково ваше единственно правильное мнение?

Женщина очевидно развлекалась. Ее забавлял наш разговор, и откровенничать мне не хотелось. Поэтому, быстренько перебрав несколько типовых вариантов, ответил фразой из старого фильма:

— Счастье — это когда тебя понимают.

Моя собеседница вдруг посерьезнела.

— Пожалуй, в чем-то вы правы. Даже...

Она оборвала фразу и быстро сменила тему:

— Я видела, вы скучали. Вы даже не стали танцевать, хотя молодые люди приезжают на балы именно ради этого. Вам действительно не интересен бал?

Было интересно поболтать с красивой женщиной о возвышенном и отвлеченном. Но что она сейчас от меня хочет? Я попытался отшутиться:

— Скорее, это я не интересен балу.

Дама наморщила лоб и склонила голову к точеному плечу.

— Думаю, вам стоит пояснить свое заявление.

Да, шутка не прокатила. Жаль: изливать душу я не собирался, а жаловаться на тяжелую жизнь и вовсе не в моих правилах. Кроме того, этому моменту я начал догадываться, с кем разговариваю, ну а высказывать свои претензии хозяйке бала идея изначально плохая. Французы утверждают, что если женщина не права, нужно перед ней извиниться. Значит, сделаем по-французски.

— Прошу прощения. Видимо, я пошутил не слишком удачно.

Дама нахмурилась и даже топнула ножкой:

— Ну нет, раз уж вы начали, так извольте продолжить.

Но тут и меня, что называется, заело:

— Я понимаю, что дамские капризы — это святое. Но подумайте хорошенько: готовы ли вы услышать мои мысли по этому поводу здесь и сейчас?

Баронесса открыла рот, но сказать ничего не успела, потому что в этот самый момент откуда ни возьмись подлетел какой-то франт. Породистый брюнет, в проборе, усах и аккуратной бородке. Одет с иголочки, ростом выше меня, да и в плечах пошире. Он сходу небрежным жестом приобнял хозяйку вечера, от чего она еле заметно поморщилась, подхватил ее руку, чмокнул в запястье, воскликнул:

— Сашенька, ты сегодня само очарованье!

И тут же сделал вид, будто только что заметил меня.

— А это что за плебей? Он посмел тебя разгневать? Да я его сейчас...

— Остановись, Петр! — почти что приказала дама. — Этот человек является моим гостем. И оскорбляя его, ты оскорбляешь и меня.

— Как скажешь, дорогая, — мягко произнес брюнет и бросил на меня уничтожающий взгляд.

Судя по тому, что я видел, баронесса с брюнетом явно в контрах. И его демонстрация прав на нее ей очень не по душе. Не знаю, какие планы изначально были у хозяйки относительно меня, но сейчас она, похоже, будет все делать нарочно, чтобы позлить франта и продемонстрировать свою независимость. Понять бы еще, как это в итоге отразится на мне. Брюнет наверняка из какого-нибудь знатного рода. Если приревнует всерьез, добра не жди.

А баронесса тем временем шагнула вперед, подхватила меня под локоть, который я сообразил изящно согнуть кренделем и своим нежным голоском произнесла:

— Идемте, господин Стриженов.

После этого демарша всеобщее внимание обратилось на нас: меня и баронессу. Дама шла, высоко подняв голову, улыбаясь всем окружающим. Я постарался соответствовать: еще сильнее выпрямил спину, расправил плечи и задрал подбородок. Так мы прошествовали вниз, к танцующим. Словно по мановению руки, музыка стихла, пары расступились, и мы вышли центр зала.

— Дамы и господа, — произнесла баронесса. — Хочу представить вашему вниманию своего сегодняшнего гостя Владимира Антоновича Стриженова. Прошу любить и жаловать! Думаю, большинство из вас уже знакомы с ним заочно, посредством наших городских «Ведомостей». Ну а теперь у вас есть прекрасная возможность познакомиться с ним вживую. Ну а теперь...

Она взмахнула рукой, делая знак музыкантам.

— Вальс!

И негромко, так, чтобы слышал я один:

— Господин Стриженов, вы ведь пригласите даму на танец?

Такое со мной случилось впервые. Может, виной тому прекрасная музыка, может — совершенная в своей красоте улыбка баронессы, может — отголоски чрезмерно романтической и увлекающейся натуры прежнего Володи Стриженова, но я полностью растворился в танце. Остановилось время, исчезли бальная зала и наполняющие ее люди. Остались только я, женщина в моих руках и заполнившая все вокруг мелодия венского вальса. Мы кружились и кружились, и каждое движение выходило у меня так же легко и естественно, как дыхание. Каждый шаг, каждый поворот были единственно правильными. Я это знал, я это чувствовал и вел свою партнершу известным лишь мне путем, а она, полностью доверившись и подчинившись моей воле, следовала за мной, чутко откликаясь на малейшее мое движение. Музыка плыла, кружилась, качалась, словно морская волна, и мы кружились и качались вместе с ней, уносясь в танце куда-то далеко за пределы миров и времен.

Я не сразу осознал, что оркестр замолк. А потом, очнувшись от грезы, был буквально оглушен аплодисментами. Отступив к поддерживающим галерею колоннам, и освободив для нас с баронессой центральную часть зала, гости бала превратились из участников действия в зрителей, и сейчас всю хлопали в ладоши, выражая нам свое восхищение.

Я, церемонно вышагивая, вел свою даму к лестнице, а рукоплещущая толпа расступалась перед нами и вновь смыкалась за нашими спинами. Баронесса была бесподобна: щеки ее покрылись живым румянцем, глаза возбужденно блестели, а полуобнаженная грудь весьма соблазнительно вздымалась и опускалась в такт дыханию.

— Bravo! Bravo! — слышалось со всех сторон.

Я был несколько смущен, хоть и старался удержать лицо, зато партнерша моя гордо шествовала, положив свою руку поверх моей и — я это чувствовал — буквально упивалась восторгами и всеобщим вниманием. Наконец, распорядитель спохватился, объявил очередную польку, и бал продолжился своим чередом.

— Вы напрасно скромничаете, господин Стриженов, — произнесла баронесса, когда мы поднялись наверх. — Вы прекрасно танцуете. Наш с вами танец — это было нечто необыкновенное, безумие на грани экстаза.

— Это лишь потому, что мне досталась гениальная партнерша, — вернул я комплимент и получил взамен довольную улыбку.

— Думаю, сейчас, после нашего нечаянного представления, многие дамы хотели бы танцевать с вами, — заметила Сердобина.

Я в ответ сокрушенно вздохнул:

— Увы, это невозможно.

— Отчего же?

— Мне стыдно признаться, но я умею танцевать только вальс и танго. Следующий вальс будет лишь при закрытии бала, а танго... думаю, этот танец чересчур интимен для нынешнего вечера.

Баронесса неожиданно заинтересовалась:

— Вы танцуете танго? Признаться, не ожидала. Это ведь новинка, его даже в столицах мало кто знает. Мне хотелось бы составить вам пару на этот танец. Вы, конечно, правы: здесь неподходящее для этого место. Но...

Она на секунду задумалась.

— Недели через две в моем городском доме состоится небольшой танцевальный вечер. Там будет лишь узкий круг моих близких друзей и, конечно, не будет таких строгих ограничений. Вы придете?

— Буду рад, баронесса.

— Вам занесут приглашение на неделю. И прошу вас, называйте меня по имени: Александра.

— Благодарю за оказанную честь, мадам, — поклонился я.

Сердобина развернулась и направилась в другой конец зала. А я, наконец, обернулся в ту сторону, откуда вот уже целую минуту сверлило меня ощущение чужого враждебного взгляда. Кто бы сомневался: это был тот самый брюнет, что сегодня фамильярничал с баронессой. Он глядел на меня с такой злобой и ненавистью, что, казалось, готов был убить на месте. Я подмигнул в ответ и отправился перекусить и выпить бокал вина.

Официальное представление произошло — и все резко переменилось. Я сразу же перестал быть чужим в дворянской среде, и это несмотря на то, что формально к ней не принадлежал. И хотя девиц на выданье строго контролировали мамыши, нашлось достаточное количество дам, которые могли себе позволить легкий флирт с широко известным в узких кругах гонщиком. Они окружили меня плотным кольцом и, расстреливая взглядами из-за полураскрытых вееров, принялись с жаром расспрашивать:

— Господин Стриженов, а ехать на скорости пятьдесят миль в час — это очень страшно? — притворно ужасалась пышнотелая красотка с жемчужным кулоном, устроившемся в ложбинке меж полных грудей. Ах, когда мой водитель разгоняется даже до тридцати, у меня прямо мурашки бегут по спине!

— Уверяю вас, мадам: если мобиль исправен, в этом нет ничего страшного. Как только у меня появится свой мобиль, я с удовольствием вам это продемонстрирую.

— А правда, что господин Маннер хотел вас убить? — широко раскрывала глаза чересчур худая на мой вкус дама в плиссированном платье нежно-голубого цвета. Декольте у неё почти отсутствовало за ненадобностью, зато глубокий вырез на спине открывал шикарный вид на костлявые лопатки.

— Чистая правда. Но, к счастью, задуманное у него не вышло. Он, знаете ли, плоховато держится на ногах.

Дамы мило похихикали, оценив шутку, и атаковали меня с новой силой.

— Скажите, правда ли, что для управления мобилем необходима большая физическая сила? — интересовалась хрупкая с виду блондинка.

— Вовсе нет. На скорости в пределах тридцати миль с мобилем вполне управится любая женщина.

— А вы можете научить меня?

— Разумеется! Для уроков нужны только мобиль, ровная площадка достаточного размера и немного свободного времени.

— Господин Стриженов, как вы думаете, женщины могут участвовать в гонках мобилей?

Этот вопрос задала интересная дама с приятным лицом, весьма неплохой фигурой и суровым взглядом закоренелой феминистки.

— А почему бы и нет! Как я уже говорил, управление мобилем не требует особых сил.

Нужны лишь хладнокровие, верный глаз и точный расчет. И некоторый отход от общепринятых норм морали.

— Что вы имеете в виду?! — завозмущались со всех сторон.

— Ничего особенного, дамы. Вам всего лишь придется надеть штаны и куртку. Согласитесь, управлять гоночным мобилем в развевающемся по ветру платье будет довольно затруднительно. К тому же представьте, как будет выглядеть традиционный женский наряд в сочетании со шлемом и гогглами.

Возмущение тут же сменилось смешками.

— Господин Стриженов, вы совсем не танцуете, — попеняла мне симпатичная фигуристая шатенка вполне в моем вкусе.

— Я бы и рад, — попытался я отмазаться, — но вот незадача: изо всех танцев я научился лишь вальсу. А он, как вы знаете уже был.

— Это непростительное упущение с вашей стороны, Владимир Антонович, — укорила меня собеседница. — Многие дамы желали бы составить вам пару в танце, а вы их так разочаровали. Впрочем, бал будет завершен еще одним вальсом.

— В таком случае, я готов составить вам пару на последний танец. Позвольте вашу бальную книжечку.

Я вписывал свое имя в изящный карнэ шатенки и слушал возмущенные возгласы:

— Это несправедливо! — в пространство.

— Какое нахальство! — в адрес удачливой барышни.

— Вы невозможны, господин Стриженов! — а это уже упрек мне.

Возмущавшиеся дамы бросали гневные взгляды главным образом на их более удачливую конкурентку. Та, победно глянув на соперниц, поспешила удалиться. Мне же пришлось выкручиваться из щекотливой ситуации.

— Милые дамы! Думаю, меня несколько извиняет тот факт, что у меня почти не было времени на подготовку. Но обещаю: я непременно возьму несколько уроков и на следующий бал явлюсь во всеоружии.

— Что ж, мы вас, пожалуй, извиним, — высказала всеобщее мнение девушка средних лет в розовом. — Но при условии, что вы сдержите свое обещание. Имейте в виду: вы нам должны!

— Даже не представляю, как я смогу расплатиться, — с извиняющейся улыбкой развел я руками.

Разговор принимал опасное направление. Неизвестно, чем бы кончилась словесная пикировка, но тут ко мне пришла подмога: Игнатьев-младший. Умело прикрывшись завесой извинений и комплиментов, он вытащил меня из кольца опасных хищниц и увлек в сторону.

— Уфф! Спасибо вам, Федор Игнатьевич. Еще немного, и меня бы растерзали. Буквально разорвали бы на сотню маленьких медвежат.

— В чем же вы провинились? — поинтересовался приятель.

— О-о, это ужасное преступление: я не умею танцевать.

— Действительно, это трудно извинить, — засмеялся Игнатьев. — Особенно после того представления, что вы учинили совместно с баронессой. И как же вы собираетесь откупаться?

— Я пообещал к следующему балу выучить польку и мазурку. Надеюсь, это их несколько примирит с суровой действительностью, и они согласятся подождать своей очереди.

— Главное не заставляйте их ждать слишком долго. Вы даже представить себе не можете, на что способна разгневанная женщина.

— Надеюсь, мне не придется познать это на своем опыте.

Так, под легкую беседу, мы пересекли зал и приблизились к ломберным столам. И тут меня взяли в оборот уже мужчины. В этом круге вопросы были иные, но так или иначе они вращались вокруг гонок. К моему удивлению, моя неофициальная победа на ипподроме оказалась известна практически всем, хотя в «Ведомостях» о ней не было ни строчки.

— Владимир Антонович, в какую сумму обошлось обновление мобиля господина Игнатьева? — спрашивал степенный черноволосый бородач.

— Об этом лучше спросить у самого господина Игнатьева. Но имейте в виду, что это лишь стоимость запасных частей. К этому надо будет добавить оплату моей работы, а она напрямую зависит от сложности ремонта. Кроме того, в каждом конкретном случае перечень подлежащих замене деталей очевидно будет различным.

Господин Стриженов, вы планируете в дальнейшем участие в гонках? — интересовался высокий худой старик со старомодным моноклем в глазу.

— Разумеется. Но сперва я должен обзавестись подходящим мобилем.

— Скажите, вы рассматриваете вхождение в состав какой-нибудь команды? — явно прицениваясь, осведомлялся деловой господин с тонкими черными усиками на бледном холемом лице.

— Нет, не рассматриваю, поскольку подобных предложений мне не поступало.

— Скажите, а как вы смогли на устаревшем мобиле победить три современных «Левассера»? — азартно выпрашивал молодой человек, явный поклонник гонок. — Ведь они намного быстрее аппарата господина Игнатьева, пусть даже и обновленного.

— А вот это уже из области моих профессиональных секретов. И, сами понимаете, делиться ими означает снизить свои шансы на победу в следующей гонке.

Вопросы сыпались со всех сторон, словно я попал сразу на три пресс-конференции одновременно. Наконец, я взмолился:

— Довольно, господа, довольно. Дайте дух перевести. Еще немного, и я совершенно лишусь голоса.

После этого меня пусть и неохотно, но отпустили.

Вечер шел своим чередом. Гости танцевали, сплетничали, вели беседы о политике, обменивались новостями, играли в карты, флиртовали, пили вино — в общем, каждый нашел себе занятие по душе. Меня по-прежнему засыпали вопросами, но уже не так густо, и я свободно путешествовал по залу, выбирая себе ту компанию, которая будет мне интересна.

Мало-помалу, бал приближался к своему завершению. За мной был обещанный танец, и я спустился вниз, готовясь исполнить своё обязательство. Я шел к ожидавшей меня даме, ловя краем глаза заинтересованные взгляды из-за вееров, слыша вслед шепотки, то завистливые, то восхищенные. Распорядитель объявил вальс, оркестр грянул Брамса, мы вышли с дамой в круг, дождались такта и — раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три...

То ли Штраус талантливей Брамса, то ли Александра Сердобина действует на меня совершенно гипнотически, в отличие от нынешней партнерши, то ли существует еще какая-то неведомая мне причина, но на этот раз чуда не произошло. Я старательно выделял полагающиеся па, моя партнерша тоже была на высоте, и мы были не хуже других — но и не лучше. Зато я получил возможность поболтать с дамой.

— О несравненная, вы непременно должны открыть мне одну тайну, — наклонившись, шепнул я в маленькое розовое ушко.

— Какую же? — старательно округлила глаза несравненная.

— Тайну вашего имени, конечно. Баронесса представила меня вам, равно как и всем здесь присутствующим. Но вас мне никто представить не удосужился. Возможно, вы на минуту отойдете от строгих правил приличия и сделаете это сами?

— Ох, господин Стриженов! — кокетливо улыбнулась дама. — Для вас я сделаю это с удовольствием. Итак, я счастлива представить вам Анастасию Томилину, вдову воронежского помещика Томила Леонтия Валерьевича.

И она чуть откинулась, опираясь спиной о мою руку. Голова ее, как полагалось нынешними правилами вальса, была повернута несколько в сторону от меня и немного запрокинута назад. С лица вдовой помещицы не сходила счастливая улыбка, в первую очередь предназначенная, по моему мнению, всем тем, кто сейчас хотел бы оказаться на ее месте.

— У вас чудесное имя, госпожа Томилина. И оно подходит вам как нельзя кстати. Должен заметить, у вас изумительной красоты профиль лица.

— Только профиль? — чуть прищурилась вдова Томилины.

— Не сомневаюсь, что вы совершенны во всем, но именно свой профиль вы мне демонстрируете последние несколько тактов!

За таким разговором весь тур вальса пролетел во мгновение ока. И едва я успел вернуть госпожу Томилину на место, в зале появилась баронесса и объявила:

— Господа! Бал подходит к концу, и наступило время розыгрыша нашей лотереи!

На паркете снова появились столы, за столами появились давешние барышни, которые принялись крутить барабан с номерками и объявлять выигрыши. По большей части, счастливицам выпадали цветы. Дамы тут же прикрепляли выигрыш к платью или прическе, а кавалеры дарили цветы своим дамам, и те прикрепляли подарок к платью или прическе. Было разыграно несколько кружевных платков. Их дамы не цепляли к платью, а быстренько прятали в ридикюли.

Наконец, дело дошло до главного приза — великолепного веера с пластинами из резной кости.

— Выиграл билет номер тринадцать! — провозгласила барышня за столом.

В ответ — тишина.

— Билет номер тринадцать! — повторила она. — Дамы, господа, у кого билет с номером тринадцать?

И тут я спохватился, что свой билет, едва получив, положил в карман и с тех пор даже не взглянул на него. Я вынул билет: тринадцатый. Ну за что мне все это!

Пряча смятение за улыбкой, я подошел к столу, предъявил барышне свой билет и получил взамен веер. Почему-то она протянула мне его пластинами вперед и при этом вся покраснела от смущения. Видимо, этот жест означал что-то личное и, возможно, даже интимное. Надо будет проконсультироваться у хорошей специалистки насчет всех этих нюансов.

С веером в руках я обернулся к гостям и был безжалостно расстрелян дамскими взглядами. Кажется, даже разговоры стихли. Ну, по крайней мере, женские. Интрига достигла апогея: свободный от амурных привязанностей мужчина, гость самой баронессы и главное блюдо сегодняшнего вечера Владимир Стриженов сейчас выкажет свое

предпочтение. Кто же станет той счастливицей? Кто сумел за один вечер разжечь огонь страсти в сердце отважного гонщика? «Гонишь ты, Владимир Антонович», — хмыкнул я про себя. А пауза тем временем неприлично затягивалась.

Все дамы без исключения смотрели на меня. А особенно напряженно трое из них: вдовья помещица Анастасия Томилина, красавица баронесса Александра Сердобина и отставленная за корыстный интерес мещанка госпожа Неклюдова. Я медленно обвел глазами зал, и те дамы, на которых падал мой взгляд, начинали вдруг обмахиваться веерами, прикладывая к щекам платки. А госпожа Неклюдова даже совершенно неаристократически закусила губу, напрочь забыв о своем полковнике и вызвав этим его заметное неодобрение. А я просто тянул время, лихорадочно соображая, как же мне выйти из этой ситуации.

Веер наверняка предоставила для лотереи баронесса. Вернуть его ей обратно, наверное, будет неправильно. Но после сегодняшних разговоров, после такого потрясающего танца и приглашения на камерный вечер, она наверняка ждет, что будет отмечена. Настенька Томилина, очаровательная вдовушка, явно имеет виды на продолжение вечера. И тоже ждет от меня соответствующего знака. Видимо, чего-то ждет и стервочка Неклюдова. Вон, как стиснула ридикюль, аж костяшки пальцев побелели. И все они будут страшно обижены, если я предпочту одну другой. Даже Неклюдова, хотя ей-то в любом случае рассчитывать не на что. Нет, мы пойдем другим путем.

Я сделал шаг вперед в сторону центра зала. Мне повезло — все три претендентки стояли в другой стороне и этот шаг не приблизил меня к ним. Я кожей чувствовал повисшее в зале напряжение. Дамы в той стороне зала, куда я направлялся, начали быстро переглядываться меж собой, пытаюсь угадать, на кого же из них пал мой выбор. В ту же сторону устремились ревнивые взгляды и остальных дам. А я дошел до середины и остановился.

По залу пронеслась волна женских вздохов. Кто-то вздыхал от разочарования, кто-то от облегчения, кто-то просто от избытка чувств. А я чуть откашлялся и произнес короткую речь, приготовленную вот только что, буквально по дороге.

— Милые дамы! Вы все до единой прекрасны. Каждая по-своему, но именно каждая, без изъятия. Все вы сейчас с замиранием сердца ждете моего выбора. и я вас, безусловно понимаю. Но вспомните, от чего началась Троянская война, что в итоге привело к гибели великого города и множеству смертей. Нет, я не хочу Тамбову такой судьбы. Поэтому пусть он вечно стоит и процветает, а эту милую вещицу, — я поднял над головой раскрытый веер, — я унесу сегодня с собой в память об этом прекрасном вечере. Благодарю за внимание.

Под гром оваций я поклонился на четыре стороны и отправился к выходу. Мне аплодировали все дамы без исключения. И я думаю, что их восторги были продиктованы в большинстве своем простым злорадством: мол, пусть не досталось мне, зато не досталось и другой. А я — именно тот, кто отказал всем прочим в первенстве, и, несомненно, заслуживаю аплодисментов. Цинично? Да. Но как показывает жизнь, в девяносто девяти процентах случаев подобное объяснение будет и самым верным. Пожалуй, исключение могут составить лишь молоденькие романтические барышни. Да и то лишь до поры.

Я принял у лакея шляпу, трость и плащ и вышел на улицу. Давно уже стемнело. Небо было чистое, и все, от края до края густо усыпано звездами. Я засмотрелся, и не сразу обратил внимание на подошедшего ко мне молодого человека.

— Господин Стриженов, — немного стесняясь, обратился он ко мне. — Вас хочет видеть одна дама. Позвольте, я вас провожу.

Я позволил. Мы отошли немного в сторону от крыльца. Навстречу выдвинулся темный силуэт.

— Анастасия Михайловна, вот господин Стриженов, — вполголоса объявил мой провожатый и отступил в темноту.

— Владимир Антонович, — игривым голосом произнесла помещица Томилина. — Не хотите ли сопроводить меня в город?

— С удовольствием, мадам. Но не повредит ли мое общество вашей репутации?

— Нисколько, — отмахнулась Томилина. — Я сегодня приехала в сопровождении троюродного племянника моей давней подруги. Вы сей же час садитесь в свой экипаж, выезжайте и подождите меня на дороге, чуть поодаль, в полуверсте отсюда. Там вы с этим юношей поменяетесь местами и уверяю вас, никто ничего не заметит.

— В таком случае я готов составить вам компанию.

— С нетерпением буду ожидать этого момента! — воскликнула дама и убежала.

А я вернулся на крыльцо, где уже ожидала меня коляска.

Ждать пришлось недолго, не более десяти минут. Рядом с моей коляской остановился, можно сказать, лимузин: водитель сидел впереди на открытом сиденье, словно кучер на козлах, а пассажиры — позади него в будке, построенной по типу кареты. Из будки вышел давешний молодой человек, мы с ним коротко кивнули друг другу, он занял место в коляске, а я — в паровой карете. Помещица Томилина дернула шнурок, какой обычно приделывали к колокольчикам для вызова слуг, и мобиль, качнувшись, тронулся.

Мы с Томилиной сидели на мягких удобных сиденьях друг напротив друга. Салон был освещен, и мне хорошо было видны все эмоции молодой вдовушки. Надо сказать, она и не пыталась их скрывать. Азарт, предвкушение, страсть — все было написано на ее хорошеньком личике. Это было понятно еще на балу и, думается, не только мне. Но там ей приходилось держать лицо и соблюдать приличия. Сейчас же нужды притворяться не стало.

Поначалу мы делали вид, что не собираемся делать ничего предосудительного и старательно вели легкую беседу. Очень легкую, наилегчайшую. Но постепенно шутки становились все более двусмысленными, пикантными и, в конце концов, вполне светская пикировка превратилась в жесткий флирт на грани приличий, этакую словесная битву, игру слов, по негласным правилам которой требовалось высказаться как можно откровеннее, не говоря ни о чем впрямую.

Довольно скоро эта игра принесла свои плоды: Томилина раскраснелась, дыхание ее стало неровным и сбивчивым. Этак еще пару минут, и она перейдет к активным действиям прямо здесь, в мобиле. Ну нет, надо немножко охладить пыл вдовушки.

— Жаль, сейчас нет вина... — мечтательно вздохнул я.

— Как это нет? — возмутилась моя визави.

Мне тут же был продемонстрирован бар, встроенный в салон мобиля. Из него появились бутылка и штопор, и я занялся сугубо мужским занятием. Я действовал не спеша, то и дело поглядывая на возбужденную даму. Она постепенно успокаивалась, дышать стала ровнее, да и румянец на щеках умерил яркость. Тут и я чпокнул пробкой и направил темно-багровую струю в подставленные бокалы. Салон наполнился тонким ароматом.

— Анастасия Михайловна, я предлагаю выпить за вашу красоту.

Мои слова были, казалось, восприняты как должное, но довольная улыбка, на миг мелькнувшая на лице помещицы, выдала ее с головой.

Я пригубил вино. Действительно, хорошее. На всяческих приемах мне доводилось пробовать и лучшее, но вполне, вполне достойно. Я не преминул высказать это вслух.

— А вы знаете, Владимир Антонович, — ответствовала вдовушка, — эту, как вы изволили выразиться, амброзию делают в моем поместье.

И она лукаво, с прищуром глянула на меня сквозь бокал.

Намек был понятен, но я предпочел его не услышать. Лишь рассыпался в комплиментах к мастерам-виноделам и прекрасной хозяйке.

Налил по новой. И тут Анастасия свет Михайловна сказала, задумчиво глядя на свой бокал:

— Владимир Антонович, не перейти ли нам на «ты»?

Я был не против. Да и желание дамы было вполне очевидным. Но мне, как галантному кавалеру предлагалось проявить инициативу.

— Вышьем на брудершафт?

Чтобы оказаться достаточно близко, мне пришлось пересесть к даме. Мы молча скрестили руки и до дна выпили каждый из своего бокала. А потом помещица Томилина впиалась мне в губы долгим страстным поцелуем. Оторвалась, продышалась и, глядя на меня соловыми не то от вина, не то от страсти глазами, прошептала-простонала:

— Влади-ими-ир...

И вновь бросилась целоваться.

Четверть часа спустя, когда мобиль остановился у богатого даже с виду дома, Анастасия сидела у меня на коленях. Губы ее опухли от поцелуев, а платье было совершенно измято. Сообразив, что мы на месте, она молниеносно соскочила с колен и попыталась привести себя в порядок, насколько это еще было возможно. Слуга открыл дверцу мобиля, я вышел и помог спуститься на землю госпоже Томилиной. Она раздала несколько указаний и пригласила меня следовать за горничной.

Служанка привела меня в роскошно обставленную комнату, главной достопримечательностью которой была стоявшая посередине огромная кровать. Я скинул фрак, расстегнул ворот сорочки и, действуя методом научного тыка, за одной из дверей обнаружил туалетную комнату. Это было весьма кстати.

Когда я вернулся в свои апартаменты, свет в них оказался погашен. Удивляться этому не приходилось, как не приходилось и гадать, что же меня ожидает сегодняшней ночью. Едва я успел избавиться от большей части деталей своего туалета, как одна из дверей моей комнаты беззвучно отворилась, и вошла Томилина в длинной, до пят, полупрозрачной ночной сорочке. Медленно она подошла к кровати и требовательно взглянула на меня: мол, ты мужчина, так давай, действуй. Я не стал длить ожидание. Сгрэб женщину в охапку, и мы вместе рухнули на шелковые простыни.

Ночь прошла бурно. Истосковавшаяся по мужскому вниманию, вдова оказалась весьма жадной до любовных утех, но при этом на удивление неискушенной в тонкостях постельных игр. Своей ненасытностью она буквально выпила из меня все силы без остатка, каждый раз, едва переведя дух, произносила самое ужасное женское заклинание: «еще!» Я же, используя все известные мне ухищрения, сумел не ударить лицом в грязь, и могу с гордостью заявить, что уснул на целую минуту позже неё. И спал я крепким сном праведника, без малейших сновидений.

Когда я проснулся, в комнате было уже светло. Накануне не было нужды в разглядывании интерьеров. Слишком уж мы были возбуждены, слишком рвались в любовную битву. Зато сейчас я смог в полной мере оценить искусство, с которым был создан интерьер комнаты.

Пока я оглядывался, отворилась одна из дверей и в спальне появилась Анастасия Томилина собственной персоной. Она была уже полностью одета. Нынче на ней вместо кружев и шелка было простое домашнее светло-бежевое платье, перехваченное под грудью широкой лентой. Волосы вместо роскошной сложной прически были убраны в тяжелый узел на затылке. В ушах и на шее не было тяжелых серег с крупными камнями и роскошных ожерелий. Но при этом она выглядела свежо и очаровательно, а полные розовые губы то и дело трогала счастливая и чуть смущенная улыбка.

— Володенька!

Она кинулась ко мне, присела на край кровати и шепнула на ухо:

— О-о, ты был великолепен!

Я потянулся было к ней, но она тут же вскочила на ноги и уже более официально произнесла:

— Владимир Антонович, через четверть часа в гостиную будет подан завтрак. Советую поторопиться, иначе выпечка успеет остыть.

И, загадочно улыбнувшись, выскользнула из комнаты.

Вся моя одежда, накануне беспорядочно разбросанная по спальне, была тщательно выстирана, вычищена, отутюжена и аккуратно сложена на банкетке напротив кровати. Я оделся, привел себя в порядок и принялся искать гостиную. Сделать это оказалось очень просто: достаточно было идти на запах.

Было не очень комфортно завтракать во фраке, но другого костюма у меня, к сожалению, не было. Впрочем, радушную хозяйку это обстоятельство ничуть не смущало. Она потчевала меня свежайшими булочками (специально испекла кухарка), на которые собственноручно намазывала превосходное сливочное масло (из ее поместья), которое тут же таяло на горячем хлебе. Поверх масла я укладывал тонкие ломтики вкуснейшего сыра (тоже ее производства) и запивал эти божественные бутерброды замечательно сваренным кофе с толикой корицы.

Было очевидным, что все эти богатства вкупе с Анастасией Томилиной только и ждут крепкой мужской руки, которая, безусловно, окажет архиположительное влияние на все стороны жизни поместья в целом и его хозяйки в частности.

Между делом меня посветили в некоторые городские сплетни, посетовали на низкие цены на зерно, рассказали, что давняя подруга, живущая в глухом поместье Воронежской губернии, заставила себя уважить и вывести в свет ее троюродного племянника, который, паршивец, до сих пор не вернулся с бала и даже не дал о себе знать. Не иначе, как в бордель поехал, распутник.

Когда я наелся настолько, что более при всем желании не смог бы съесть ни кусочка, помещица Томилина проводила меня до прихожей.

— Прощайте, господин Стриженов, — сказала она громко, видимо, для слуг. И тут же шепнула:

— Володя, мы еще увидимся?

— Вне всякого сомнения, — ответил я. — Твой адрес мне известен. Как только у меня освободится ночь или, хотя бы, вечер, я тут же пришлю записку.

— Ах, хорошо бы это случилось поскорее, — мечтательно закатила глаза Томилина.

И тут же строго потребовала:

— Обещайте держать наши отношения в тайне. Свет не одобряет подобных вещей.

— Разумеется, Настенька, — ответил я, поцеловал даме руку и вышел.

Ни к чему смущать хорошенькую барышню суровой жизненной реальностью. Пусть думает, что прислуга ночью ничего не видела, не слышала и не догадалась, чем занималась хозяйка в спальне с мужчиной, которого привезла к себе с бала. И прислуга эта, надо полагать, никогда не будет сплетничать со своими знакомыми кумушками о том, сколько экстазов пережила хозяйка за ночь. А эти кумушки, горничные каких-нибудь заклятых подруги госпожи Томилиной, ни за что не расскажут своим хозяйкам обо всем этом. И, конечно, не станут прибавлять ничего от себя.

В общем, по моим прогнозам, через три дня, самое позднее — через неделю, каждая благородная дама Тамбова будет осведомлена о моей невероятной мужской силе. А их мужья примутся усиленно стеречь своих супругов и, может, в качестве предупредительных

мер, доставят своим женам несколько сладостных минут сверх плана. Какой кошмар!

Учитывая, что мы с Настенькой Томилиной уснули под утро, к пансиону я добрался незадолго до обеда. Меня ждали, можно сказать, с нетерпением. Двери мне открыла служанка, и я постарался тихонько прощмыгнуть к себе в комнату. На минуту мне даже показалось, что фокус удался. Но когда я через четверть часа, переодетый и выбритый, спустился с уложенным в пакет фраком, в гостиной собрались все квартиранты мадам Грижецкой во главе с самой домовладелицей.

Отнести пакет в лавку была послана горничная Глафира. Перечить хозяйке она не посмела и ушла, постаравшись выказать свое недовольство хотя бы внешним видом: еще бы, все самые интересные и свежие сплетни сейчас пройдут мимо нее. Ну да ничего, будет стимул скорее обернуться. А меня со всем возможным почтением препроводили в гостиную на мое законное место. Кухарка Авдотья внесла супницу с одуряюще пахнущей ухой из белорыбицы, а я вздохнул: сейчас поем, и начнется еще одна пресс-конференция.

Добрых два часа я почти непрерывно говорил, время от времени смачивая горло глотком воды. Наконец, любопытство постояльцев было по большей части удовлетворено. Меня выпустили из гостиной и я отправился к себе наверх собрать вещи.

Но едва я раскрыл саквояж и уложил на дно первую пару белья, как скрипнула дверь комнаты, пропуская величественную мадам Грижецкую.

— Владимир Антонович, — проговорила она. — Я вижу, вы собрались съезжать. Не вам, наверное, будет затруднительно забрать сразу все свои вещи. Да и новый ваш дом, насколько мне известно, еще предстоит привести в порядок. Вы не спешите, возьмите необходимое. А прочее пускай пока что здесь остается. Как обживетесь, так и заберете остальное.

Вдова помолчала и, чуточку стесняясь и по своей привычке оглаживая платье спереди, добавила:

— А, может, и ночевать будете, покамест мало-мальским хозяйством не обзаведетесь. Коли появится кто, вещишки ваши аккуратно сложим, приберем и по первому вашему слову отдадим. А что ценного если имеется, так давайте, я у себя спрячу.

Я долго думать не стал. Вынул из секретера папку с документами и шкатулку с матушкиным наследством и передал Грижецкой. Потом покидал в саквояж две пары белья, гоночную аммуницию и отправился, наконец, обживаться на новом месте.

Вечер был чудо, как хорош. Повинуясь сиюминутной прихоти, я не стал брать извозчика, и решил прогуляться. Недалеко от пансиона, у входа в парк, я купил свежий номер «Ведомостей», сунул его в карман сюртука и неспешным шагом отправился к себе домой. В саквояже помимо моей одежды лежали две парафиновые свечи, презентованные внезапно подобрешей ко мне мадам Грижецкой, и большой кусок мясного пирога, купленный Глафирой в ближайшем трактире. Конечно, если бы я обратился к почтенной вдове, она не отказала бы собрать мне ужин с собой, но одалживаться, пусть и в мелочах, совершенно не хотелось. А то в один прекрасный день возьмет мадам и предъявит счета к оплате. И никуда не деться, придется возмещать.

Вот так я и шел, помахивая саквояжем, улыбаясь красному закатному небу, немногим встречным прохожим, воспоминаниям о любвеобильной Анастасие Томилиной и всему миру. А еще я строил планы на ближайшее время. Сегодня я собирался еще раз переночевать

на заднем диване разбитого мобиля, а с утра заняться делом. Прокатиться на мотоцикле по лавкам и мастерским, закупить массу необходимых вещей, а потом чистить и мыть, снова чистить и снова мыть. И выносить из избы кучи мусора. А потом...

Потом идиллия моя была напрочь разрушена звуками, донесшимися из ближайшего переулка. И звуки эти были таковы, что пройти мимо я не мог никаким образом. Тут, совсем рядом, плакал ребенок. Негромко, тоскливо, безнадежно. Я знал, что это может быть уловкой для подманивания глупых и честных горожан под ножи гопников, поэтому, сворачивая в темный переулок, как следует огляделся и нашарил в кармане пару болтиков.

Стараясь ступать неслышно, я прошел в ту сторону, откуда доносился плач и оказался в таких трущобах, что и не описать. На подгнившей скамейке у полуразвалившегося дома сидела девочка лет десяти. Хотя она могла быть и старше: хронически голодающие дети не вырастают большими. Девочка гладила по голове мальчишку, видимо, брата. Он лежал на этой же скамейке головой на коленях сестры и, видимо, был в беспамятстве. Рядом на корточках сидела еще одна девочка, помладше. Она-то и плакала.

Картина эта в момент разнесла все мое благодушное состояние. Я присмотрелся еще и узнал мальчишку: тот самый газетчик, что запомнился мне в самый первый день. Оставить это я решительно не мог, но и что делать тоже не слишком представлял. Ну да и ладно: ввяжемся в драку, а там — по обстоятельствам.

Я сделал шаг вперед и кашлянул, обозначая свое присутствие. Старшая девочка подняла голову, младшая тут же замолкла и мгновенно метнулась за спину старшей.

— Кто ты? — нервно спросила старшая, что-то нащупывая в кармане ветхого платья. Нож? Вполне возможно.

Просчитать ситуацию было несложно. Дети, скорее всего, сироты. Пацан пытался работать, чтобы хоть как-то прокормить себя и сестер. До какого-то момента у него выходило, а сейчас... Да тоже гадать особо не нужно. Напали, избили, деньги отобрали. Что будет дальше? Разве что в приют идти, а то подберут добрые дяди, да пристроят к делу — деньги им на выпивку зарабатывать. Как-то случайно попал на передачу про Хитровку. Интересно было, но ужасов наслушался выше крыши. Здесь не Москва, конечно, но корыстных и безжалостных людей хватает.

— Меня зовут Владимир Антонович. Что с парнем? Живой?

— В беспомоществе, голову ему проббили. Эвон сколь кровищи натекло, — буркнула старшая.

На мой взгляд, «кровищи» было не так уж и много, но спорить было не к месту.

— В больницу его надо, к доктору, — осторожно заметил я. — А то еще помрет. И как вы потом без брата жить будете?

Мелочь, проникшись перспективой, снова принялась всхлипывать. А старшая, и без меня уже прикинувшая расклады, глянула на меня хмуро:

— А платить дохтуру кто будет? Ты, что ль?

— А хоть бы и я.

— А не врешь?

Вопрос был задан нарочито грубо, но я видел: в глазах девочки помимо угрюмого недоверия появились робкие лучики надежды. Теперь надо было ответить так, чтобы она уверилась. Только вот сработают ли здесь клятвы, ходившие среди шпаны в мое время? Не попробуешь — не узнаешь, рискну:

— Да чтоб я сдох! Хочешь, на зуб дерну?

Девчонка искоса посмотрела на меня и мотнула головой.

— Не надо. Верю.

— Тогда ждите здесь, сейчас схожу за извозчиком.

Обернулся я быстро. Правда, водитель кобылы напрочь отказался заруливать в переулки. Ну и ладно: донести пацана мне по силам. Судя по виду, весу в нем не слишком много. Вот только еще один вопрос остался и требует он безотлагательного решения.

— Что, девки, дальше делать будете? Как я понимаю, есть вам нечего, и денег у вас тоже нет.

Старшая голову опустила. Нет у нее ответа на мой вопрос. А куда им сейчас? Побираться? На паперти профессиональные нищие все места оккупировали, не пустят. Хорошо еще, если просто побьют и прогонят, а могут и чего похуже сотворить. На панель малы еще, да и путь этот короткий, несчастливый и в один конец. В приют, разве что. Правда, туда они давно могли пойти, но предпочли выживать самостоятельно. Лично мне причина вполне ясна: в приютах всякое бывает, порассказывали мне знакомцы. И это там, на

сто лет позже, в относительно сытое время. А здесь и сейчас? Кормят впроголодь, работать заставляют от зари до зари, а девчонок, что посимпатичней, служители могут и напрокат сдавать любителям малолеток. Только и выгоды получается, что с голоду помереть не дадут.

Младшая же сестренка, напротив, голову подняла. Малая, а сообразила, что не просто так я спрашиваю. И ждет теперь, что я им предложу.

— Ко мне жить пойдете? С меня — кормежка от пуза, с вас — работа по дому: прибрать, постирать, приготовить. Как брательник ваш оклемается, и ему дело найду.

Мелкая — по глазам видно — уже готова бежать, но молчит. Старшая решить должна, как она скажет, так и будет. А та колеблется, боится довериться по сути незнакомому дядьке. Пару минут она молчала, дергалась. Наконец, отважилась:

— А платить будешь? Хоть по пятаку в день?

— А как работать станешь. Я ж вас не просто так зову. Я вам жилье даю, кормить-одевать буду, документы справлю, потом, глядишь, в школу отдам, учиться.

— А какая тебе в том выгода? — продолжала допытываться девчонка.

— А такая. Мне работать придется с утра до ночи. Не то, чтобы дом в порядке держать, я и поесть-то не всегда успею. Вот и нужен мне кто-то, кто все это на себя возьмет.

— А чего бабу какую не наймешь? Она и приберет, и сготовит, а за лишний гривеник и юбку задерет без вопросов.

— То-то и оно, что платить ей надо. А вы дешевле обойдетесь. Дом у меня большой, места вам хватит. Кроме того, наймешь какую, так она примется тащить все подряд. А с вами проще. Вы ж не станете у самих себя, из собственного дома красть.

Видимо, я был недостаточно убедителен. Старшая никак не могла решиться. А мне позарез нужно было, чтобы она именно что сама согласилась. Потому что силой их мне не забрать, а оставлять здесь никак нельзя. Пусть пацан и малолетком был, а все ж таки мужик, и по понятиям шпаны сестры его при нем и за ним считались. А нет его — и они вроде как ничьи. Любой может забрать и заставить делать все, что ему захочется. Пришлось пойти на хитрость:

— Да что с тобой говорить? Ты, поди, и похлебку-то сварить не сможешь.

Девчонка даже обиделась.

— Да я щи могу, и кашу сварить, и хлеб испеку, коли печь имеется.

— Печь имеется. А даже если и нет, или не годна — сложу. Так что, испечешь?

— Испеку.

— Ну а коли так, то поехали. Вон, солнце уже скоро зайдет, а вам еще хозяйство смотреть.

Извозчик, увидев своих седоков, едва не сбежал, но польстился на двойную оплату. Довез всю нашу компанию до городской больницы и честно дождался, пока я нашел дежурного фельдшера и определил мальчишку на лечение. Но после, услышав, куда предстоит ехать, наотрез отказался. Насилу уговорил его довезти хоть до условной границы слободки. Это насколько же дурная слава у этого места, что извозчики аж трясутся при одном его упоминании? Ничего не скажешь, подкузьмил мне господин полицейский инспектор. Ну да ничего, пробьемся.

Добрались до дома уже в сумерках. Судя по всему, чужие в мое отсутствие не лазали, замки остались нетронутыми, добро — в целостности и сохранности. Зашли в дом. Девчонки в момент проскакали по всем комнатам, возмущаясь «сплошной грязюкой», а я, наконец,

сообразил: если у меня уже в животе бурчит, то они, поди, с утра ничего не ели. А, может, и с прошлого дня. Порылся на полках, нашел пару надколотых глиняных кружек. Сбежал до колодца, набрал воды, сполоснул посуду. Сгрэб с ближайшего подоконника на пол весь мусор, добыл из саквояжа рубаху, которую определил на ветошь, постелил вместо скатерти. Потом позвал хозяек.

— Ну что, годится жильё?

— Годится, — кивнула старшая. — Только в этой печи хлеб не выйдет. Голландка — она только на обогрев.

— Сказал же — новую сложу. Только давайте сперва вот что: мое имя вы знаете. А как вас звать-величать?

— Я — Машка, — смутилась старшая. — А она — грязный палец ткнул в сторону мелкой — Дашка. А брательник — тот, что в больнице — Мишка.

— Понятно. Значит, Мария и Дарья. Вы есть будете?

Мог и не спрашивать, и без того понятно было. А когда я развернул мясной пирог, девчонки разве что чудом слюной не захлебнулись. Они, поди, за последний год мяса и в глаза не видали.

Я порезал пирог на три части. Меньшую, примерно четверть, себе, а остальное им двоим пополам. И пока я примерялся, как ловчее откусить, голодные дети смолотили свои порции без остатка. А Дашка после еще и крошки в ладонь смела и в рот ссыпала.

Тем временем, за окном совсем стемнело.

— Ну ладно, худо-бедно повечеряли, пора и спать ложиться, — объявил я. — Тут одна кровать более-менее целая осталась. Вы на ней уместитесь? Вот и ладно. А я в сарай пойду. Спокойной ночи.

Разбудил меня, как и в прошлый раз, солнечный луч. Я разлепил глаза, с кряхтением вылез из мобиля, распрямился, размялся и вышел во двор. Потянулся, зевнул, да так и застыл с открытым ртом. Уж не знаю, когда поднялись девчонки, но работа у них уже вовсю кипела. Все ставни были отворены, все окна — нараспашку. У крыльца лежала куча всяческого хлама, а в доме задорно перекрикивались девчачьи голоса. Из окошка второго этажа на секунду высунулась Машка, выплеснула на землю из какого-то корытца грязную воду и вновь скрылась внутри. Из открытой настежь двери выскочила босая Дашка, выволокла грязную рогожу с наваленным на ней мусором, покидала все это в общую кучу и ускакала обратно.

Вот это да! Думаю, я вчера заключил хорошую сделку. Но работников полагается кормить, а у меня в доме ни крошки. Непорядок! Надо исправляться.

На то, чтобы найти в слободке лавку, закупить продуктов, немного посуды и вернуться, ушло с полчаса. Но к этому времени на крыльце уже лежал найденный где-то в закромах вязанный коврик, а за ним блестел чисто вымытый пол.

Ходить в грязных штиблетах по чистому — это было свыше моих сил. Я разулся, вошел и ахнул. Да, еще не все было отчищено и отмыто, но то, что было вечером и то, что я видел сейчас — это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Наверху девчонки шумно возились, бормотали вполголоса что-то явно непристойное — честно выполняли свою половину договора. Пора было и мне выполнить свою.

— Девки! — громко позвал я. — Айдайте, поснедаем.

Бормотание стихло в один момент. А в следующий момент по деревянным ступеням

лестницы барабанной дробью простучали босые пятки, предо мной явились две чумазные мордашки и тут же потянулись к разложенной на чисто выскобленном столе снеди.

— Э-э, нет, так не пойдет, — остановил их я. — Грязными за стол не пущу. Марш умываться! Вода на крыльце. Не бойтесь, вашу долю не съем.

Машка и Дашка умчались наводить чистоту, а я поставил на новенькую пьезотермическую плитку новенький медный чайник, нарезал ломтями каравай еще теплого хлеба и принялся намазывать краюхи маслом.

Когда хозяйки вернулись, по кружкам уже был разлит свежесваренный чай, а на столе кроме блюда с хлебом стояла плошка с мелко наколотым сахаром.

— Ну вот, совсем другое дело, — оценил я их старания. — Теперь и откусать можно. Пока стоя, позже лавки сколочу. А как разбогатею, так и венских стульев накуплю. Чего смотрите? Ешьте, покуда не остыло.

Две девчонки смолотили еду в один присест. И куда только в них влезает! Поели, чуточку продышались, и Машка тут же подхватила посуду мыть. Да и сестрицу себе на подмогу утащила. А я пошел в сарай, переоделся в гоночное и выкатил своего железного коня.

Девчонки, как увидели меня во всей красе, кажется, дара речи лишились. Стояли, рты раззявив, и только глазами лупали. Наконец, отмерли. И снова рты раскрыли — на этот раз, чтобы засыпать меня миллионом вопросов. Но я был хитрее и быстрее.

— Мария, вот, держи рубль.

Я высыпал девочке в горсть несколько монет.

— Дойди до лавки, купи продуктов на пару дней: крупы, муки — ну, сама, поди, знаешь. Если кастрюля какая понадобится или сковорода — тоже покупай. Вечером доложишься. Я поехал по делам, буду на закате. Приготовьте что-нибудь пожевать. Хлеб, что остался, можете доесть.

Выдав эту инструкцию, я выехал за ворота, дождался, пока в калитке не лязгнул засов, и покатил по улице, вызывая живейший интерес у всех обитателей слободки.

Дел у меня действительно было по горло. Надо было заскочить к плотникам, договориться насчет устройства верстака в сарае-мастерской, да оценить стоимость настилки пола. Надо было заказать оконное стекло. Надо было забежать в больницу, проведать пацана, да переговорить со знакомым врачом, с тем самым Марком Соломоновичем. Надо было уведомить фискальное ведомство об открытии новой мастерской. Надо было забежать в полицию, узнать насчет оформления опеки над тремя сиротами. А главное — отловить Федора Игнатьева у него дома и забрать, наконец, сундук с инструментом. Чую я, не сегодня-завтра он понадобится, и в дальнейшем будет нужен постоянно.

Вот и пришлось мотаться по городу из конца в конец. Не будь у меня такого полезного мотоцикла, все перечисленное потребовало бы неделю времени и пару червонцев на извозчика. Но я уложился в один день. Самыми короткими были визиты к плотникам и стекольщикам. Чуть больше времени ушло на забег по лавкам: постели, посуда, одежда и обувь детям, пусть пока и подержанная. Игнатьева я, вопреки ожиданиям, дома не застал, и передал ему записку через слугу. А вот в больнице пришлось задержаться подольше.

Я с шиком подкатил к парадному входу. Оставив своего железного коня у крыльца больницы, изловил первого попавшегося служителя, и он провел меня на второй этаж в кабинет господина Кацнельсона.

— О! Сам господин Стриженов! — поднялся мне навстречу доктор. — Ну здравствуйте, здравствуйте. Дайте, я пожму руку человеку с самыми чистыми костями в нашем городе.

— Ну да, наши кумушки еще и не то могут, — поддержал я шутку, пожимая протянутую мне руку.

— Еще бы. Вы видели вчерашний номер «Ведомостей»?

— Видеть-то видел, и даже в руках держал, но даже просто раскрыть газету времени не хватило, не говоря уж о том, чтобы ее прочесть. У меня, знаете, были вчера вечером приключения.

— Как же, мне с самого утра доложили, что вы приезжали, мальчишку с черепно-мозговой травмой привезли.

— И как он?

— Для его ранения, неплохо. Да мы можем просто сходить и посмотреть. Вот прямо сейчас.

— Конечно, идемте.

В палате, куда положили парнишку, кроме него находилось еще, по меньшей мере, человек десять. Воздух был спертый, тяжелый, отравленный запахами карболки и человеческих выделений. Кто-то спал, кто-то просто лежал в койке. Кто-то ходил по палате, а иные и курили прямо здесь же. От всех этих миазмов дышать было настолько тяжело, что я в первую минуту закашлялся.

— Да, батенька, — усмехнулся Кацнельсон, глядя на меня, — это вам не на мобилиях гонять. Тут особая привычка нужна.

Спорить с этим утверждением было трудно.

К моменту нашего появления мальчишка как раз пришел в себя. Некоторое время он недоуменно оглядывался по сторонам, потом, видимо, что-то сообразив, дернулся было вскочить, и тут же повалился обратно.

— Спокойно, спокойно, голубчик, — уверенным врачебным тоном заговорил доктор. — Вставать тебе, пока что, нельзя. Уж больно крепко тебя по голове приложили. Тошнит? Голову кружит? Ну вот, типичное сотрясение. Отлежаться тебе надобно. Сколько? Неделю, не меньше.

— А как же... — снова дернулся маленький газетчик.

Тут уже пришла моя очередь его успокаивать.

— За сестер не беспокойся. С ними все хорошо. Пока ты лечишься, они у меня поживут. Как будет возможность, привезу повидаться. Давай, поправляйся. Слышишь?

Пацан слабо кивнул и, видимо, это движение окончательно лишило его сил. Он закрыл глаза и обмяк на подушке. Уснул.

— И каков прогноз? — спросил я Кацнельсона, когда мы вернулись в его кабинет.

— Вполне положительный. Череп не поврежден, пострадал только скальп, да и то несильно. Ему сейчас главное — покой. Ну и хорошее питание, конечно. Откровенно говоря, его истощенное состояние для него намного опаснее сотрясения.

— Понятно, — кивнул я. — А скажите, Марк Соломонович, как скоро его можно будет домой перевезти? Думаю, ему там будет лучше. Его сестры уход обеспечат не хуже, чем ваши санитары — не в укор будь сказано. И питанием я озабочусь.

Доктор странновато взглянул на меня, помедлил чуток и ответил:

— Если не будет ухудшения, то через два дня, считая с завтрашнего. И простите покорнейше, Владимир Антонович: дела-с. А насчет ремонта фургонов подойдите к

Филимонову Льву Викторовичу, он полностью в курсе.

Я вышел из кабинета, пожал плечами и принялся было спускаться по лестнице, но тут у меня за спиной раздался грубый окрик:

— Стриженов! Стой!

Я обернулся. На верхней площадке лестницы стоял Николай Генрихович Клейст собственной персоной. Если не принимать в расчет ситуацию, выглядел он довольно комично. Лицо его, буквально кричащее о стойком нордическом характере, было в паре мест заклеено пластырем крест-накрест. Так, как обычно рисуют в мультиках и на карикатурах. Часть головы была обрита, и на этих местах красовались свежие швы. Наверное, если бы его обрили полностью, вышло бы попримечательней. А сейчас он скорее походил на безумного ученого, жертву собственного неудачного эксперимента.

Я невольно улыбнулся, но Клейст не был намерен шутить. И лицо его, волею врачей ставшее из героического карикатурным, было искажено злобной гримасой.

— Мерзавец! Подлец! Как ты посмел! — закричал он и занес руку для удара.

Мне было как-то не по душе обижать больного человека, но когда меня пытаются побить, мне не нравится гораздо больше. Легко уклонившись от неумелого удара, я вполсилы ткнул Клейста в солнечное сплетение. Тот несколько раз хватанул ртом воздух и с моей помощью присел отдохнуть на верхней ступеньке.

— Николай Генрихович, вы меня слышите? А понимаете?

Клейст, еще не вполне пришедший в себя, смог кивнуть на оба вопроса.

— Вам не удастся меня избить, я дерусь лучше вас. Вы это понимаете?

Еще один кивок.

— Тогда вот что: очевидно, что противоречия между нами достигли критического уровня. Вам не кажется, что настала пора объясниться? Вам известно место, где мы могли бы побеседовать без лишних ушей? Ибо некоторые факты я предпочел бы оставить между нами.

Гонщик, несколько поникший от осознания неспособности уничтожить меня немедленно, поднялся и, злобно зыркнув, отправился куда-то в дальний конец коридора. Я последовал за ним.

Мы разместились на небольшом балкончике, выходящем в больничный двор и прикрыли за собой дверь. Встали на расстоянии друг от друга, но так, чтобы можно было говорить, не повышая голоса.

— Николай Генрихович, — начал я, — До определенного момента мне была понятна ваша неприязнь ко мне. Но теперь, когда я больше не работаю на Маннера и вы стали ведущим гонщиком его команды, повод ненавидеть меня должен исчезнуть. Я прав? Или существует что-то еще, о чем я даже не догадываюсь?

— Не паясничай, Стриженов, ты все прекрасно знаешь.

— Представьте на минуту, что я обо всем забыл. И объясните, в чем причина вашей чрезмерной, на мой взгляд, антипатии ко мне. И постарайтесь держать себя в руках, брудершафт мы с вами не пили.

Мой недруг, скрипнув зубами, несколько секунд собирался с мыслями — видимо, облакал ругательства в более-менее цензурную форму, и начал свою обличительную речь.

— Я не верю вам, господин Стриженов, — презрительно выплюнул он, — ни единому слову не верю. Но раз вам так хочется это услышать, то извольте.

Клейст вскинул голову, и я с трудом удержался от улыбки. Уж больно комично выглядела эта пафосная поза в сочетании с пластырем и клочковатой шевелюрой.

— Мне абсолютно безразличны ваши успехи в гонках. Но то, как вы поступили с дамой, вызывает у меня бурное негодование и крайне негативные эмоции в ваш адрес.

Признаться, на какое-то время я просто потерял дар речи. Изумленно таращился на Клейста и хлопал глазами.

— Николай Генрихович, вы серьезно? Вы все это устроили из-за женщины? Я могу понять... Нет, не могу. Скажите сперва, о какой женщине идет речь, ибо я нахожусь в полнейшем недоумении.

— Не притворяйтесь, Стриженов. Я говорю о нашей общей знакомой, Наталье Андреевне Неклюдовой. Вы прекрасно знаете, что я был к ней весьма неравнодушен. К несчастью, она выбрала вас.

Тут во взгляде моего визави отобразилась неслабая душевная боль. Я даже на секунду пожалел его. А он, тем временем, продолжал:

— О да, вы превосходно сыграли свою роль. Вашей игре поверили буквально все, и я в том числе. А у несчастной романтической девушки просто не было шансов. Вы ее обольстили, бесчестно использовали и бросили!

К концу фразы Клейст все-таки повысил голос, что привлекло внимание нескольких человек во дворе.

— Спокойней, Николай Генрихович, спокойней. А откуда вы узнали обо всем этом? Ну, о том, что я ее...

— Она, — ледяной взгляд поборника чести прекрасных дам пронзил меня до самых печенок, — обо всем рассказала мне сама. Бедняжка рыдала у меня на руках! А вы...

— А что я?

— А вы растоптали ее честь, прилюдно унизили и прогнали.

— Скажите, господин Клейст, — осторожно произнес я, — вы не пытались как-то проверить слова упомянутой барышни?

— К чему вы ведете, Стриженов?

— К тому, что глупо быть настолько доверчивым, хотя ваша влюбленность во многом вас извиняет. Сейчас я не стану ничего говорить в свою защиту, поскольку вы мне все равно не поверите. Но вы можете спросить у других. Нашу последнюю беседу с госпожой Неклюдовой, когда я, по вашему мнению, топтал и унижал, слышал весь пансион, начиная от самой мадам Грижецкой и до последней служанки. Вы могли бы заглянуть туда и поспрашивать о том, что было сказано между нами.

— Я непременно это сделаю, — ядовито заверил Клейст.

— А еще загляните в магазин готового платья купца Мирошникова. Там служит приказчиком некий Петр. Вы поглядите записи в учетной книге в день бала. А потом расспросите этого приказчика о том, какие договоренности были у него с госпожой Неклюдовой.

Гонщик нахмурился, мои слова лишили его былой уверенности в собственной правоте. На этом можно было бы остановиться, но я решил сделать контрольный выстрел:

— Между прочим, на балу у баронессы Сердобиной госпожа Неклюдова была с неким полковником. Как мне сказали, из улан. Она не показалась мне расстроенной или, скажем, униженной. Напротив, была вполне счастлива и веселилась изо всех сил.

После этой моей фразы Клейста впору было пожалеть. Глаза его, еще недавно метавшие в мой адрес молнии, погасли. Он выглядел натурально убитым.

— Это... правда? — произнес он, с трудом ворочая языком.

— Совершенная правда. Можете спросить у любого из тех, кто присутствовал на балу. К примеру, у господина Игнатьева. Ну, или у самой Натальи Андреевны, если она, конечно, соизволит ответить на сей щекотливый вопрос.

— О боже!

Клейст закрыл лицо руками и пошатнулся. Мне даже пришлось придержать его, чтобы он ненароком не выпал с балкона.

— Николай Генрихович, с вами все в порядке? Пообещайте, что не будете делать опрометчивых поступков.

— Да-да, я...

Он отмахнулся, не глядя на меня, и скрылся где-то в недрах больницы.

Да уж, не ожидал я от этого внешне бесстрастного человека такого драматизма. А какова история! Вполне достойна быть расписаной в романах для томных барышень. Вот же г... госпожа Неклюдова! Двоим мужикам мозги пудрила, а на бал отправилась с третьим. Кстати говоря, не факт, что в поклонниках числилось только два осла.

Клейсту, пожалуй, можно посочувствовать. Ему было плохо. Образно говоря, у него в один момент рухнула вся жизнь. Он разом лишился дамы сердца, мобиля, романтических иллюзий и, кажется, изрядной доли самоуважения. Надеюсь, в этот раз он все же проверит мои слова прежде, чем действовать. А мне, напротив, было хорошо, поскольку разрешился один из вопросов: благородный джентльмен пошел на убийство в состоянии аффекта, по личной инициативе из любви к женщине. Но кто же тогда стрелял в меня на гонке?

После разговора с Клейстом я быстренько нашел начальника хозяйственной службы, пухлого коротышку Льва Викторовича Филимонова. Он был искренне рад меня видеть. Тот факт, что вверенное имущество не приносит пользы, а, напротив, медленно гниет в углу больничного двора, его несказанно угнетал. Поэтому он лично сопровождал меня к казначею, мы составили и подписали договор, и буквально наутро ко мне должны были притащить первого «пациента».

В общем, дела, хоть и с непредвиденными задержками, продвигались вперед. Оставалось только одно, самое, на мой взгляд, пустяковое: проконсультироваться в полиции насчет опеки над сиротами. Но, совершенно неожиданно, меня постигла полнейшая неудача. Несмотря на конец рабочего дня, полицейские чины бегали по коридорам управления как наскипидаренные. А полицейский инспектор Боголюбов, на помощь которого я очень рассчитывал, поглядел на меня красными, что у того кролика, глазами и отмахнулся как от назойливой мухи:

— Некогда, дорогой Владимир Антонович, некогда. Загляните через недельку.

И снова углубился в бумаги.

На выходе я, блеснув мелкой серебряной монеткой, изловил за рукав кого-то из младших чинов.

— Скажи-ка, любезнейший, что у вас такое случилось? Отчего все как с ума посходили?

— Дык это, благородного убили. Аккурат позатой ночью с ливольверту застрелили.

Полицейский принял монетку, высвободил рукав и унесся по своим делам. А я, не солоно хлебавши, отправился в обратный путь. Что-то поцарапалось в памяти в связи с этим убийством, но так и не проявилось.

Неудача в полиции меня не то, чтобы расстроила, но некоторую досаду вызвало: не

люблю менять планы. Правда, стоит признать, что тут налицо был форс-мажор, непреодолимая стихийная сила. Против такой переть — все равно, что против ветра плевать, так что я сел в седло и покатыл домой.

Не успел я повесить шлем и кожанку на гвоздь в сарае, как один за другим повалил народ: плотники, стекольщики, посыльные из лавок. Я только успевал распоряжаться, да следить, чтобы кто-нибудь особо шустрый ничего себе в карман не прибрал. Кабы не сестрички, ни за что бы не справился. Пока меня не было, они успели поставить на уши весь дом, перетрясти все кладовки, сунуть нос в каждую щель и до блеска выдраить каждый закоулочек. И теперь ловко определяли по местам новое имущество: крупы — в чулан, белье — в комод, посуду — в буфет и на полки.

Когда солнце пошло клониться к закату, у меня в сарае-мастерской стоял новенький верстак из толстых березовых плах, окошки дома сверкали новенькими стеклами, а на плите стоял горшок горячей каши с салом. Подбежала Дарья:

— Владимир Антонович, баня готова. Белье ваше уж там, на лавке приготовлено.

— Сейчас, иду.

Я потянулся, обзревая свое хозяйство. Красота! Может, принять невысказанное предложение Настеньки Томилиной, да заделаться помещиком? Хотя, нет, будут и другие возможности. Вон, сама баронесса тоже вдовая. А наследства за ней всяко побольше. А то, может, и графиня какая найдется, али княгиня? Да что это я? Надо брать выше: принцесса! И буду я весь такой принц. В шелках стану ходить, с золота есть... Глупость придумалась, конечно. Хотя, почему бы и не помечтать о принцессах? А потом ухватить в руки синицу и жениться на Томилиной. И сыт буду, и обласкан, и в общество вхож.

У ворот закричал клаксон мобиля, развеивая мои грезы, и я пошел открывать.

Приехал Игнатьев. Для разнообразия, на заднем сиденье его мобиля вместо треноги фотоаппарата лежал сундук с инструментами. Как уж он умудрился его туда затащить — непонятно. Потому, что вытаскивали мы его с таким трудом, что ни в сказке сказать, ни вслух произнести. Но вытащили, уволокли в сарай и поставили рядом с верстаком.

— Ух ты! — загорелись глаза у журналиста, когда он увидел разбитый мобиль. — Замечательный экземпляр. Кажется, подобный был у Клейста. Где вы его раздобыли?

— Трофей, — пожал я плечами. — Был рядом в момент аварии, и договорился с полицией, чтобы обломки отдали мне.

— Будете восстанавливать?

— Попытаюсь.

— Будет интересно взглянуть, что же у вас получится. Если уж вы мой драндулет превратили в конфетку, то боюсь даже себе представить, что выйдет из этого мобиля. Это ведь гоночная модель, если я не ошибаюсь?

— Думаю, да. Когда разберу, будет понятнее. Как вы знаете, еще недели не прошло, как я заполучил эти хоромы. И вот лишь сегодня смог хотя бы немного навести здесь порядок. По крайней мере, у меня здесь появилось нормальное спальное место. Теперь можно и мобилями заняться. Недели через две, как разбогатею, смогу вас и в дом провести, и угостить.

Тут опять подбежала Дашка.

— Владимир Антонович, баня-то простынет!

Я поморщился — про себя, конечно: не хотел давать свету новую сплетню, пока опеку не оформлю.

— Видишь — гость у меня, не до бани мне. Идите сами, а я потом. Иди, иди.

Мы дождались, пока девчонка скроется в доме.

— Ну, Владимир Антонович, вы опять всех поражаете. Не успели еще в городе обсудить ваш фурор на балу, как вы подкидываете нашим сплетницам новые темы.

— Это, — я кивнул в сторону дома, — пока еще никому не известно. И я бы не хотел, чтобы...

— Могила! — с готовностью откликнулся Игнатъев.

— Я на это надеюсь. Хотя бы на пару-тройку недель, покуда я не оформлю документы на опеку. А лучше, чтобы эта тема и вовсе не всплыла в обществе.

— В газете я об этом не напишу и трепаться не стану. Но сами, наверное, знаете: слухи — дело такое, быстрое.

— Увы, знаю, — сокрушенно покивал я головой. — А что ж такого страшного обо мне говорят?

— Проще сказать, что не говорят. К примеру, ходит слух, что вы колдун, что околдовали баронессу и помещицу Томилину. И это еще самая мягкая версия. Да и ваша встреча с Томилиной не оставила равнодушным ровным счетом никого. Уж простите, что я залезаю в вашу личную жизнь, но она еще со вчерашнего вечера стала достоянием общества. Да вы прочтите свежий номер «Ведомостей» — сами все узнаете. Вот, держите, — протянул мне Игнатъев свернутую газету.

— Вы сочинили очередной опус?

— Что вы, не дорос я еще до светской хроники. Мой удел — мелкие городские происшествия и гонки. Кстати, через две недели состоятся очередные соревнования. Вы примете в них участие?

— Наверяд ли, — покачал я головой. — Я теперь не принадлежу никакой команде, а выступать самостоятельно мне не на чем. Вы ведь сами видели руины мобиля. Для его восстановления нужны время и деньги.

— Кстати, о деньгах. Вы знаете, мне поступило несколько весьма выгодных предложений о продаже моего старого мобиля. Причем, покупателям не столько нравятся его ходовые качества, сколько привлекает форма обновленного кузова. Предлагают такую сумму, что мне хватит приобрести совершенно новый аппарат фирмы Даймлера. Как вы считаете, это хорошая сделка?

— Думаю, да. Покупайте этого «даймлера» и приезжайте ко мне. Поглядим, что может сделать из немецкого мобиля простой русский механик.

Как хорошо после бани, наполнив желудок вкуснейшей пшенной кашей с салом, чаевничать. Кружка доверху полна крепким ароматным чаем, на блюде грудой лежат свежие баранки. Горят обе имеющиеся свечи, прилепленные к какой-то деревяшке вместо подсвечника, чтобы парафин не тек на стол. И в их колеблющемся свете я сижу и листаю газеты, вчерашнюю и сегодняшнюю.

Ничего особенного в них нет. Помимо фельетонов, объявлений и государственной информации, поделенное на две части довольно бездарное по стилю и слогу описание бала баронессы Сердобиной. Обо мне два абзаца в одном номере и два в другом. И все так, словно бы между прочим. А остальное — об угощении, о наряде баронессы, о куче всяческих малозначительных на мой взгляд подробностей. Хотя, с другой стороны, персон, на которые автор потратил целых четыре абзаца было немного, по пальцам рук пересчитать можно.

Наверное, это успех. А что же про Томилину?

Я внимательно пересмотрел обе газеты еще раз и на четвертой странице вчерашнего номера в разделе «происшествия» нашел небольшую заметку:

«На протяжении всей ночи из дома помещицы Томилиной доносились громкие сладострастные крики, нарушавшие покой соседей. О том была составлена жалоба в полицию».

Надо же! Откуда там вся ночь? Мы вернулись-то не раньше двух часов пополуночи! Вот же... завистники. Или завистницы.

За окном стемнело, пора было ложиться спать. Нынче мне предстояло ночевать в человеческих условиях. Пусть и на тюфяке, брошенном на пол, но зато на чистых простынях. Я улегся, с удовольствием вытянулся под легким шерстяным одеялком и тихонько выдохнул:

— Хорошо!

Потянулся было задуть свечу, но тут по полу прошлепали босые ноги, и рядом с моей постелью нарисовалась Машка. Не говоря ни слова, она в одно движение скинула с себя платье и, оставшись, голышом, замерла этаким оловянным солдатиком. Только руки подергивались, словно порываясь прикрыть безволосый еще лобок и то место, где через несколько лет образуется грудь.

— Ты чего? — оторопело спросил я, рывком садясь на постели.

— Расплатиться хочу, — нервным и каким-то механическим голосом проговорила она.

— И чем же? — задал я идиотский вопрос.

— Вот этим.

Машка ткнула себя пальцем меж ног и снова замерла по стойке смирно.

Я растерялся. Думаю, на моем месте любой бы растерялся. Нормальному человеку это ведь даже представить невозможно, что придет соплячка, которая еще первую кровь не уронила, и будет предлагать себя за койку и кусок хлеба.

Я сидел и тупо хлопал глазами, а девочка все стояла передо мной и ждала. И тут я, наконец, понял, ощутил: да она же на нервах вся! Она считает своим долгом отдать мне ту единственную ценность, что у нее еще осталась и при этом отчаянно боится, что я соглашусь. Ну нет! Я, конечно, не ангел, но и не сволочь.

Я сдернул с себя одеяло, замотал в нее девочку, притянул к себе и почувствовал, как дрожит ее худенькое тельце. А что дальше? Вот никогда не имел дела с детьми. Своих не было, а возиться с чужими было как-то неловко. Понятно лишь одно: надо успокоить ребенка, и лишь потом пытаться рассказывать о своих высоких нравственных принципах. Вот только как?

Я усадил безропотно подчинившуюся мне девочку к себе на колени и принялся гладить по голове, приговаривая вполголоса:

— Ты чего это удумала, глупенькая? Мы же вчера обо всем договорились. Или нет? Ты с сестренкой нынче вон сколь работы переделала. Тут, в этом доме, дюжина мужиков не один год пакостила, а вы за день все это убрали. Разве ж это не плата? Я сегодня брата вашего видел. Он в себя пришел, про вас спрашивал. Я ему все рассказал, успокоил, обещал вас обеих беречь, покуда он не поправится. Как же я ему в глаза-то погляжу, если такое с тобой сотворю? Ты не бойся, я вас и сам не трону, и от прочих защищу.

Машка шмыгнула носом раз, другой, потом всхлипнула и, в конце концов, разрыдалась, уткнувшись мне в грудь и обхватив, насколько смогла, руками. Ревела она в голос,

прижимаясь ко мне всем телом, и мне ничего не оставалось делать, как только крепко обнять ее и укачивать на коленях, словно малое дитя.

Сверху осторожно спустилась Дарья. Глянула на нас из-за угла, да так и застыла, не зная, как на все это реагировать. Я показал ей глазами на лежащее на полу платье. Та понятливо кивнула, прокралась на цыпочках, подхватила одежку и так же тихонько вернулась наверх.

Маша же, в конце концов, выплакалась, успокоилась, да так и уснула у меня на коленях. Пришлось осторожно, чтобы не разбудить девочку, подниматься на ноги и нести ее наверх. Дашка не спала, ждала сестренку. Едва увидав нас, быстренько соскочила с кровати и помогла уложить сестренку. Та, лишившись тепла, завозилась, забормотала что-то невнятное. Но Дарья и тут не сплеховала: юркнула в постель, обняла сестру, прижалась к ней, и та успокоилась. Вытянулась под одеялом и засопела тихонечко, чему-то улыбаясь во сне.

Я вернулся к себе, заново улегся, задул свечу, но сон все никак не шел. Я ворочался с боку на бок, размеренно дышал, считал баранов, скачущих через забор, но заснуть смог лишь тогда, когда небо за окном начало светлеть.

Вроде бы, только закрыл глаза, а уже меня кто-то трясет. И писклявый, будто бы детский, голосок над ухом:

— Вставайте, Владимир Антонович! Барин! Да проснись же!

Я с трудом приоткрыл один глаз: надо мною стояла Дашка и пыталась изо всех своих невеликих сил меня добудиться. Сколько я поспал после вчерашнего Машкиного представления? Час? Два? Голова была тяжелой, едва открытые глаза норовили закрыться обратно.

— Вставайте, а то нам сейчас все ворота вынесут!

И действительно, от ворот доносились тяжелые удары. Уже не кулаком, а ногой. Матерь Божья, это, наверное, мне работа прикатила! А я тут валяюсь. Пришлось напрячь волю и для начала хотя бы повернуться на бок.

— Дарья, беги, скажи — мол, через минуту буду. А то и вправду ворота вынесут. Вода в доме есть — хотя бы умыться?

— Так в сенях целое ведро стоит!

— Хорошо, беги. А после чай ставьте, позавтракать надо.

Кряхтя, я поднялся на ноги, почти наощупь добрался до сеней, плеснул в лицо пригоршню холодной воды, тут же напился из горсти. В полностью рабочее состояние не пришел, но глаза открылись, и мозги мал-мала заработали. Натянул приготовленную с вечера одежду. Простую, не господскую: все-таки работать собрался, не баклуши бить. Сунул ноги в шитые из войлока чуни, выбрался во двор и, отчаянно зевая, побрел к воротам. Отодвинул засов, открыл калитку. Передо мной стояло двое... не крестьян, не господ, не купцов и не работяг.

Я не смог сходу определить статус и род занятий этих людей. Картуз — принадлежность низшего сословия, но его и купцы часто носят. Неплохой английский костюм — вроде как показатель достатка. Управляющий, мелкий буржуа? Но брюки заправлены в начищенные до блеска яловые сапоги. Под пиджаком красная шелковая рубаша, в левом ухе золотое кольцо. Цыган? Но черты лица вполне себе русские, волосы светлые, прямые, глаза серые. Ладно, по ходу дела определим. Сделал шаг назад, впуская гостей во двор.

— Доброго здоровьичка, Владимир Антонович, — произнес старший из них, приподнимая картуз и широко улыбаясь полным набором золотых зубов. — Что не открываешь? Или гостям не рад?

И мне сразу все стало понятно.

— И тебе не хворать, — ответил я. — Назовись, коли с миром пришел.

— С миром, с миром. В слободке меня Золотым кличут, ну и ты так же называй. А этс — Золотой мотнул головой в сторону мужичка, стоящего рядом с ним, — помощник мой. Шнур его погоняло.

Шнур, хоть и был одет почти так же, как и Золотой, казался невзрачным и уступал своему предводителю во всем: и в росте, и в ширине плеч, и в харизме.

— Ну что ж, слушаю тебя, уважаемый Золотой.

— Надо же, в кои-то веки меня уважаемым назвали, — ухмыльнулся гость. — По-хорошему бы сперва за стол сесть, выпить-закусить, а там и о делах перетолковать.

— Так знаешь, поди, что в доме ни стола, ни табурета целого не осталось. Все в распыл пошло. И хотел бы, да некуда вести, не на что сажать, нечем потчевать.

— А что, не хочешь? — прищурился Золотой, и его блеклые серые глаза глянули на меня холодно и остро.

— Не хочу. Не люблю я людей вашей профессии. Ссориться не намерен, но и дружить не стану. Ты меня не трогай, я тебя не трону.

— Ну да, ну да, — покивал вор. — Вон, Бугай попытался тронуть, так до сих пор мается. А если мне от тебя что будет нужно? Или, скажем тебе от меня?

— И чего же мне от тебя может понадобится?

— Да мало ли что. Жизнь, она штука извилистая. Никогда не скажешь, что завтра будет. Не угадаешь, кто тебе в морду плюнет, а кто руку подаст.

Я вспомнил обстоятельства своего появления здесь и спорить не стал.

— Всяко может быть, но и причин для дружбы я не вижу. Между нами возможны, разве что, деловые отношения.

— Ну что ж, мне этого достаточно. А раз так, давай о делах. Ты ведь знаешь, Владимир Антонович, кому принадлежал этот домик прежде?

— В курсе.

— Так вот: Волки нычку оставили изрядную. Им она теперь без надобности, а нам очень даже пригодится.

Золотой замолчал, явно ожидая моих вопросов, не дождался и продолжил:

— Забрать я хочу эту захоронку. Тебе она никак не принадлежит.

— Тебе тоже, — заметил я.

— А вот тут ты ошибаешься. Наша она, ворами добыта, к ворам и уйти должна. Но за сохранение тайны я тебе уступлю, скажем, три процента найденного.

— Прежде, чем торговаться, давай условие одно оговорим. Шарить по дому и перекапывать участок я тебе не позволю. Вот если знаешь, где кубышка запрятана, тогда пушу, но при мне.

— Что, боишься, что обдурю? — засмеялся Золотой неприятным смехом. — Правильно боишься. Не будешь дураком, так и не надурит никто. А ты, хоть и фраер, а с пониманием.

— Ты зубы не заговаривай, а по делу говори.

— Да не переживай, — отмахнулся вор. — Знаю я Волкову потаенку. Тихо придем, тихо возьмем, рассчитаемся и уйдем. Ну что, по рукам?

— Не торопись, уважаемый Золотой. Три процента — это курам на смех.

Вообще говоря, мне любая копейка будет кстати. Но не поторговаться — за лоха держать будут. Даже если ничего в свою пользу отыграть не сумею, без торга соглашаться — не поймут. В этой среде за копейку могут удавить, не то, что за лишний процент от клада.

— И сколько ж ты хочешь? — нахмурился вор.

— Двадцать пять, как официальный владелец территории, на которой будут найдены ценности.

— Не борзей, фраер! — в голосе Золотого появились угрожающие нотки, — За такой процент мне проще прийти ночью и взять все. И с тобой не делиться.

— Было бы это проще, ты бы давно уже так и сделал. Да и вообще: стояла хата пустая, заходи, бери что хочешь. Чего ж не взял? А как я тут появился, так ты ко мне договариваться пришел. Давай нормальный процент.

— Не твое это дело, но так и быть, скажу. Знал бы где лежит — давно бы уж забрал.

Волки выкрутиться надеялись, для себя нычку берегли. Только перед самой веревкой шепнули правильному человечку. Пока малява до меня дошла, здесь уже ты обосновался. А я грех на душу брать не хочу, решил по-хорошему договориться. Так и быть, пять процентов дам.

— Нехорошо врать, Золотой. Грехов на тебе и без того как блох на собаке. Просто случись что, полиция всю слободку перетряхнет, они и без того на ушах стоят из-за недавнего убийства. А деньги тебе срочно нужны. Двадцать процентов.

Торговались мы упорно и сошлись, в конце концов, на десяти процентах. Золотой, хоть и ругался, и грозился, остался доволен — уступил меньше, чем собирался. Я тоже был доволен: на ровном месте деньги привалили. И, надо думать, неплохие. Вечером, потемну, Золотой со Шнуром должны были прийти ко мне вдвоем. Я их встречу, они достанут тайник, отсчитают мне долю — я заранее согласен на ассигнации, и уйдут. Вся операция должна занять не больше часа.

— Бывай, Владимир Антонович, — сказал напоследок Золотой. — Жди к вечеру.

Местные воры ушли. Но едва я закрыл за ними калитку и сделал пару шагов в сторону дома, как с улицы донеслось фырчание паровика и кряканье клаксона. На этот раз точно: работа приехала. Завтрак? Потом. Ближе к обеду.

Я разбирал медицинский фургон, добираясь до двигателя, а из головы не шел утренний визит. Не то, чтобы я сильно испугался, но людей этих следовало опасаться. Вечером снова придется столкнуться с ними лицом к лицу. Случись что, рукопашную не отбиться. А интересно: откуда у Шнура такое прозвище? Золотой — понятно. Бугай — тоже. А вот Шнур... Если моя догадка верна, имеет смысл подстраховаться.

Неисправность у паровика была пустяковая: прокладка вышла из строя. Деталь копейная, но вот чтобы ее заменить, нужно полмобиля разобрать. Вот и повод скататься в город появился: купить запчасти. Заодно и еще одно дельце провернуть. Я переоделся в гоночное, оседлал железного коня и отправился за покупками.

После вчерашнего забега по лавкам денег у меня оставалось десять рублей с мелочью, кошачьи слезы. Мелочь как раз и ушла на новую прокладку. А еще через четверть часа я остановил мотоцикл у оружейной лавки.

В витринах и на стенах были разложены и развешаны ружья, винтовки, карабины, пистолеты и револьверы. Пока хозяин лавки разбирался с ранее пришедшим клиентом, я решил поглядеть товар. Ассортимент был такой, что у меня глаза разбежались. В музеях, пожалуй, и то меньше подобных стрелялок. Цены на оружие тоже были немаленькие. Револьвер Нагана, с которым побеждала преступность советская милиция, стоил аж двадцать пять рублей. А широко известный своим названием пистолет «Парабеллум» и вовсе сорок три целковых. Патроны к ним тоже стоили немало. Были и модельки попроще, но доверия не внушали. Да и цены на них начинались от двенадцати рублей.

Я уже было впал в отчаянье, но тут мне на глаза попал небольшой короткоствольный револьвер, не особо красивый с виду. На табличке под ним значилось: «Револьвер «Бульдог» бельгийского производства центрального боя». Стоила такая машинка тридцать восьмого калибра — того самого, которым пользуются все американские полицейские — всего пять с половиной рублей. Еще в два рубля обходилась коробка патронов к нему, полсотни штук. Ко всему этому мне в виде бонуса достался флакон ружейного масла и книжечка по уходу за оружием. Вот оно, то самое, что мне нужно! Оружие и компактное, и убойное, и недорогое.

И, что немаловажно, простое в использовании. Думаю, с помощью инструкции разберусь.

До вечера я успел собрать фургон. Попутно подтянул то, что разболталось, смазал то, что требовало смазки, зачистил заржавленное — в общем, слегка привел мобиль в порядок. И, вдобавок ко всему прочему, отрегулировал циркуляцию воды в моторе. После сборки котел исправно выдавал пар, в цилиндрах плавно ходили поршни, а сам мобиль послушно сделал пару кругов вокруг сарая. Можно было отгонять его в больницу и ждать следующего. До визита Золотого оставался примерно час, и я даже успевал поужинать.

Скамья скрипнула, принимая мой вес. Неудивительно: колотил наспех, из того, что нашлось под рукой, зато теперь можно есть сидя. Тут же Дашка поставила передо мною миску каши с маслом и положила рядом ложку. На отдельное блюдо легли ломти мягкого, ноздреватого хлеба. И каша, и хлеб пахли так аппетитно, что рот мгновенно наполнился слюной.

— Не бережете вы себя, барин, — выдала девчонка, усаживаясь на лавку напротив. — Целый день, почитай, крошки хлеба не съели.

— Работа у меня такая, — ответил я, прожевавшись. — Я ведь сразу об этом говорил.

И вновь принялся за кашу. А Дашка сидела, подперев щеку кулачком и смотрела, как я ем. Откуда она это взяла? Ведь совсем малявка. Помнится, мать тоже, бывало, вот так же сидела и смотрела на нас с отцом.

Я поспешил прогнать грустные воспоминания.

— А где Мария? — спросил я малолетнюю кухарку. — Не заболела ли?

— Не, все с ней в порядке. Но вам боится на глаза показаться. Стыдно ей за вчерашнее. И переживает: вдруг вы ругаться приметесь?

Тем временем, я доел кашу, вычистил хлебом миску, а Дашка притащила чайник, заварку и плошку с сахаром.

— Скажи сестренке, что впустую боится, ругать не буду. А что стыдно — так мне вчера тоже неловко было. Но теперь-то переживать поздно, что сделано — то сделано. Я на нее не сержусь, пусть спускается. Не просидит же она до старости наверху.

Наевшись и напившись, я отсел к окну, зажег оставшийся от вчерашних бдений огарок свечи, раскрыл коробку с револьвером и развернул промасленную бумагу, в которую он был завернут. В неровном свете свечи вороненный металл оружия загадочно поблескивал. Как было написано в инструкции, я тщательно очистил револьвер от смазки, откинул справа щечку и, проворачивая рукой барабан, один за другим вставил в гнезда шесть тупоносых патронов в желтых латунных гильзах. Вернул щечку на место и примерился. Рукоять была маловата, но достаточно удобна. Ну вот и хорошо. Коробку — в печь, патроны — в чулан подальше, а револьвер — в карман. Тут как раз и Золотой со Шнуром подвалили. Я успел только наказать Дашке:

— Сидите у себя тихо, как мыши. И пока гости не уберутся, чтобы носа оттуда не высывали! Все понятно?

И, не дожидаясь ответа, побежал к воротам, придерживая потяжелевший карман.

Несмотря на мои опасения, все прошло быстро и чисто. Правда, я очень старался ни к кому — ни к Золотому, ни к Шнуру спиной не поворачиваться. В сенях отодвинули лавку, подняли доску пола, и вынули завернутый в мешковину пакет. В комнате развернули, да

прямо на стол содержимое пакета высыпали.

Денег было... много. Часть в ассигнациях, часть в золотых монетах. Но больше всего было золотых украшений, с камнями и без. Быстро пересчитали деньги, скопом прикинули на вес цапки — вышло примерно двести тыщ. Безумные деньги! А даже если и больше — неважно. Мне процента и с этой суммы вполне хватит. Золотой поморщился, но без слов отсчитал мне мою долю — двадцать тысяч, солидная стопка ассигнаций. Остальное стрёб со стола в саквояж и вместе со Шнуром двинул на выход. Я пошел следом, чувствуя, как помалу отпускает напряжение. Еще немного понервничал, открывая калитку. Хочешь-не хочешь, а пришлось-таки спиной к вора встать. Но обошлось.

— Бывай, — кивнул мне Золотой на прощание. — Понадоблюсь — спросишь меня в местном кабаке. Назовешься Гонщиком.

Я кивнул в ответ, и две фигуры в темной одежде зашагали вниз по улице. Мне не хотелось возвращаться в дом, да еще и нервная дрожь поколачивала. Умом я понимал, что раз уж воры решили договориться, то вряд ли в последний момент передумают. Но все равно до последней секунды ждал подвоха. Курил бы — сейчас непременно затянулся бы папироской. А лучше — намахнуть беленькой стаканчик-другой, только вот нет дома ничего крепче чаю. Поэтому я просто стоял у калитки и смотрел вслед удаляющимся людям. Только вдруг что-то пошло не так. Из переулка выскочили еще две тени и кинулись навстречу Золотому. А Шнур, шедший по обыкновению чуть позади своего патрона, что-то выхватил из кармана и накиннул на шею начальнику.

Почему я это сделал — не знаю. Скорее всего, меня не устроило то, что сейчас трое будут убивать одного. Ну и еще то, что Золотой, несмотря на свою профессию, в чем-то был мне симпатичен. В общем, забыв про распахнутую настежь калитку, я кинулся к месту схватки, на ходу вытаскивая из кармана револьвер. Какой из меня стрелок — еще неизвестно, никогда в жизни не стрелял. Даже в школе. В армии служил в стройбате, и автомат в руки брал только на присяге. А теперь, видно, придется.

На бегу я оценил диспозицию. Картина была — краше некуда. Шнур, захлестнув шею босса шнурком — наверняка, шелковым — пыхтел, стараясь завершить свое черное дело. Золотой одной рукой пытался разорвать перехвативший его горло шнурок, а другой удерживал саквояж, который рвал у него из руки один из гопников. Еще один с ножом в руке дергался, пытаясь подступиться к вору, но саквояжник ему мешал.

Не надеясь на свою меткость, я подбежал метров на пять, и только потом пальнул. «Бульдог» коротко пролаял раз, другой, и Шнур принялся оседать на землю. Золотой был сейчас явно не в состоянии драться, а я раз уж начал дело, был обязан довести его до конца, такое уж у меня правило.

Бах! — и один гопник, уже замахнувшийся ножом, падает на землю.

Бах! — и тот, что вырывал саквояж, с воплями кидается наутек, держась за простреленную руку.

Бах! — и уже никто никуда не бежит.

— Хр-р! — хрипит рядом Золотой, растирая горло. — Суки!

Поворачивается к телу Шнура и с неожиданной злостью пинает его.

— С-сука! Кинуть хотел! Пригрел я змеюку на груди.

Потом замечает рядом меня вместе с «бульдогом».

— А-а, Гонщик? Выручил, должен буду.

И внезапно наклоняется к саквояжу, раскрывает его и достает, не глядя, пачку

ассигнаций.

— Держи, от души даю. Кабы не ты со своей пукалкой, меня бы тут и зажмурили. Ты сейчас у себя схоронись и ничего не бойся, легавые к тебе не придут. А об этих найдется, кому позаботиться.

И он еще разок пнул Шнура.

Дома у стола с моей долей я обнаружил обеих девчонок. Они стояли и таращились на невиданную кучу денег. По их понятиям — великое богатство. Завидев меня, обе пискнули и попытались сбежать.

— Стоять! — рявкнул я.

Девки замерли, испуганно глядя на меня.

— Вы понимаете, что увидели то, что видеть вам не полагается? — грозно спросил я.

Обе часто закивали, глядя на меня испуганными глазенками. Старшая побелела как простыня, у мелкой слезы на пол закапали. А я себя тут же отругал: у этих детей ведь понятие одно: увидел лишнее — прощайся с жизнью. Придется выкручиваться.

— На первый раз прощаю. Но коли услышу, что где сболтнули по глупости — сами знаете, что будет. Марш наверх!

Детей как ветром сдуло: только подолаы взметнулись, да пятки по лестнице простучали — и нет никого. Я вздохнул. По большому счету, сам виноват, надо было сразу все убирать. Впредь буду аккуратней.

Я убрал деньги в карман, достал книжечку и набор для чистки и принялся осваивать сборку и разборку револьвера «Бульдог» бельгийского производства центрального боя.

Блажен, кто выспался с утра. Это я сам сочинил про себя и свое нынешнее утро. Никакая сволочь не побеспокоила, даже петухи орали вполголоса. Вчерашние приключения казались дурным сном. И тот факт, что я вчера собственной рукой прикончил троих, меня совершенно не волновал. Совесть моя была абсолютно спокойна. Правда, наверняка можно сказать только об одном, остальные, вроде, шевелились и звуки издавали. Но Золотой наверняка добил подранков, не по воровским понятиям спускать такое.

Девчонки мои расстарались: пока я умывался да одевался, уж и чай был заварен, и булки свежие с рынка притащены, и масло на деревянной дощечке приготовлено. Я за стол уселся, гляжу — пигалицы выстроились поодаль.

— Вы чего встали, завтракать-то не будете?

— Мы после, Владимир Антонович.

— Что значит, после? Подходите, садитесь, чай себе наливайте, булки берите. Меня не бойтесь, я не кусаюсь.

Девчонки робко подошли, но за стол не сели. Стояли, мялись, разглядывая доски пола под ногами. Я не стал ждать, пока они дозреют.

— В чем дело? Говорите прямо.

Машка, явно сделав над собой немалое усилие, подняла голову.

— Владимир Антонович, простите меня. Я... я думала, что вы как все, а вы не такой, вы хороший. Она всхлипнула было, но справилась с собой. Спасибо вам за все. И за брата, и за то, что с улицы нас забрали, и за то, что портить меня не стали, и за то, что давеча пирогом поделились.

Девочка низко, в пол, поклонилась. И Дашка, глянув на сестру, сделала то же самое.

— А пирог-то здесь причем? — удивился я.

— Ну как же, там сразу видно было: кусок одному на раз поесть, а вы нам большую половину отдали, значит, сами голодными остались.

— Ну, вы-то всяко голоднее меня были, так что все по-честному выходит. Но это дело прошлое, пирог тот давно уже съеден, значит, и говорить больше не о чем. А за все остальное — пожалуйста. Да и вы, гляжу, договор наш честно выполняете: без дела не сидите, по дому стараетесь. А потому нынче поедем обновы вам покупать, да брата вашего из больницы забирать.

— Это зачем?

— Что зачем?

— Обновы. У нас и без того есть в чем ходить.

— Вижу я, в чем вы ходите. Дыра на дыре, заплатка на заплате. А вот представь: дам я тебе синенькую[1], да пошлю в лавку пряников купить. И что тебе приказчик скажет?

У Машки на лице отобразилось понимание:

— Скажет, что украла, деньги отымет, да городского покличет.

— Вот именно. А если придет к нему барышня прилично одетая, подаст червонец да спросит пирожных с марципанами?

Тут уже обе заулыбались:

— Обслужит со всем вежеством, да попросит еще заходить.

— Вот именно. Так что не спорьте. Наливайте чай, берите булки, пока совсем не

остыли, ешьте, да собирайтесь — прокачу вас на мобиле.

До больницы мы долетели с ветерком. Девчонки, до сих пор мобили выдавшие только издали, уцепились в подлокотники заднего дивана и глазели в окна на проносящиеся мимо дома. А я наслаждался вождением. После смазки и наладки управление у фургона стало довольно легким, мощность мотора была избыточной, ход — относительно плавным, так что я позволил себе слегка полихачить. Машка с Дашкой дружно взвизгивали, когда мобиль накренился на поворотах и ахали, когда подскакивал на ямке. В общем, все получали неслабое удовольствие.

В больнице я оставил сестер в мобиле и пошел искать завхоза Филимонова. Предъявил ему работу, забрал вместо отремонтированного другой фургон, из тех, что были еще на ходу. Кацнельсона на месте не оказалось, но нужные люди были в курсе, и мальчишку отпустили без разговоров. Он был очевидно слаб, до мобилея его пришлось почти что тащить на себе, но тошноты не было, и голова уже не кружилась. Я посадил его назад, к сестрам — они его поддержат, если нужно будет, да и поболтают — пусть расскажут друг другу все новости, не придется вводить пацана в курс дела.

Одеть детей вышло легко и относительно недорого. Новое я брать не стал, поскольку дети обычно растут — по себе знаю, помню, как мать ворчала, что мне весь гардероб дважды в год менять приходится. Но вещи добротные, целые, почти не ношенные. Было к тому и еще одно соображение: боялся, что мои подопечные заупрямятся. А так — вроде, прокатило. Сумму я им благоразумно говорить не стал, расплачивался с приказчиком лично и тишком. В итоге вместо трех малолетних голодранцев у меня в мобиле оказалось трое вполне приличных детей, по виду ближе к купеческому сословию. И уж никак нельзя было распознать в них недавних нищих оборвышей. Девчонки от души радовались обновкам, а вот пацан, хоть и не стал отказываться, смотрел настороженно.

По дороге заехали еще в несколько лавок: в дом нужны мебель, нормальное освещение, приличная посуда, запас продуктов, и всякой прочей утвари по мелочи. Хорошо еще, что едем на фургоне, и места для покупок вполне хватает. А еще хорошо, когда есть деньги, и можно себе позволить их тратить! Я улучил момент и пересчитал ту пачку, что сунул мне Золотой за свое спасение: двенадцать тысяч! Пару сотен сейчас размотал на хозяйство, но даже с этими расходами у меня в руках оказалась сумма, еще недавно казавшаяся совершенно космической. На ремонт мобилея точно хватит. Интересно, во что обойдется полноценная мастерская?

У ворот дома меня ожидал сюрприз: мужчина в ливрее. Точно такую же одежду я видел на слугах баронессы Сердобиной у нее на балу.

— Господин Стриженов? — осведомился он, брезгливо глядя на мой полурабочий наряд и на три детские мордашки, высовывающиеся с заднего сиденья.

— Он самый.

— Возьмите, это вам.

Лакей протянул мне уже знакомый узкий конверт с гербом Сердобиных, поклонился (думаю, он сделал это автоматически), сел в стоявшую рядом вуаретку и укатил. Наверное, развозить остальные приглашения.

Я вскрыл конверт. В письме было, как и ожидалось, приглашение на танцевальный вечер. Быть полагалось в смокинге, но это меня не встревожило: я вполне мог позволить

себе пополнение гардероба. Я убрал было письмо в конверт, но тут взгляд упал на дату: вечеринка назначалась на ближайшую субботу. Вот же с... Сердобина! Не стала двух недель ждать. Видать, сладострастные крики помещицы Томилиной слышали не только окрестные обыватели. А у меня-то были планы как раз в эту субботу навестить пресловутую помещицу.

От сочинения подходящих Сердобиной эпитетов меня отвлек Мишка.

— Скажите, вы действительно Стриженов?

— Ну да, — недоуменно ответил я.

— Тот самый? Гонщик?

— Тот или не тот — не знаю, но точно гонщик.

— А у вас гоночный мобиль есть?

— Нет, мобила нет.

Пацан сник.

— Но я его обязательно построю.

Оставив девчонок разбирать покупки, я переоделся в рабочее и принялся за фургон. Вскоре ко мне на солнышко выбрался и Мишка. Выглядел он намного лучше, чем тогда, на скамейке у полуразвалившейся избы, но до полного выздоровления ему было еще далеко. Девчонки за несколько последних дней мало-мальски отъелись, Машка даже начала местами округляться. Пацан же эти дни провел на скудной больничной диете, а он и прежде жил впроголодь. Ветром его не шатало, но и только: худой был до невозможности, как раз про таких говорят, что брюхо к хребту прилипло. Но с виду жилистый, иначе на городском дне и сам бы не выжил и сестренка бы не сберег.

Я, орудуя гаечными ключами, исподволь рассматривал паренька. Сколько ему лет — сказать было трудно. На вид — около двенадцати, но учитывая полуголодное существование, могло быть и четырнадцать, и пятнадцать. Глаза впалые и пока еще мутноватые, щеки ввалились, но скулы твердые, подбородок волевой, да и взгляд, несмотря на общее неважное состояние, упрямый.

Какое-то время он с явным интересом наблюдал за мной, потом спросил:

— Владимир Антонович, а почему вы мобили ремонтируете?

— Хм... вот ты почему пошел газеты продавать?

— Как почему? Чтобы деньги заработать, себя да сестер прокормить.

— Вот и я по той же причине.

— Но ведь вы ведь гонщик? — не унимался мальчишка.

— Гонщик, — невозмутимо ответил я, не прекращая откручивать очередную гайку.

— Но ведь гонщики — они в гонках выступают, а мобили механики чинят!

Пожалуй, что там, в своем мире и в своем времени я бы с Михой согласился. Автомобильную электронику и сложные моторы с турбинами и хитрыми впрысками так и не одолел. Здесь же не было ни того, ни другого, только железо. И пар.

— Эх, парень, плох тот гонщик, который не сможет своими руками отремонтировать свой мобиль. Если понимаешь, как устроен механизм, значит, сможешь заставить его работать на пределе возможностей, и еще немного за этими пределами.

— А вы понимаете?

Я взял другой ключ и принялся снимать с фургона очередную деталь.

— Понимаю. Тут ведь в чем дело? Все мобили схожи между собой. Конструкции, конечно, отличаются, у каждого есть свои нюансы, но если ты изучил один, то будешь иметь

представление обо всех остальных.

— Здорово! — восхитился пацан. А научиться этому можно?

— Почему нет? Усилия приложить, так всему можно научиться.

— А вы можете научить?

— Могу и научить.

Пацан на секунду загорелся совершенно детским восторгом, но тут же словно оборвал себя, угас; какое-то время смотрел за моей работой, потом поднялся и ушел в дом. А я вздохнул, пожал плечами и вернулся к своему занятию: работа сама себя не делает.

Наш разговор продолжился вечером. После разборки мобилы и составления списка подлежащих замене деталей обнаружилось, что ехать за покупками уже поздно, а ужинать и ложиться спать еще рано. Я принял решение посвятить внезапно освободившееся время гигиене. Не желая дергать девчонок, я сам наносил воды, сам затопил баню и, в ожидании, когда она будет готова, присел на скамейку около дома. Вскоре рядом уселся и Мишка.

— В баню решил сходить? — спросил его я.

— Девки выгнали, велели идти мыться. Мол, неча постель грязнить.

— Тут я с ними соглашусь. Чистота — она, брат, залог здоровья.

Свое мнение парень озвучивать не стал, промолчал. Ну и я промолчал за компанию. Вот так посидели молча, потом я сходил подбросил дров в печку, проверил воду и вернулся обратно на лавку. Тут-то меня и настиг коварный вопрос:

— Владимир Антонович, а зачем вы нас к себе забрали? Сестренки мелкие, они поверили, что все это в обмен настряпню да уборку. Но я-то понимаю, что это не так, я ведь знаю, что сколько стоит. Вы вот сегодня в лавке сколь денег на нас потратили! А могли бы кликнуть любую бабу в слободке, платили бы червонец в месяц, так она бы вам все то же самое делала: и готовила, и убирала, и стирала. А за два червонца еще бы и ублажала поженски хоть каждый день.

Жаль, не удалась задумка. А я-то надеялся, что сестры своему братику мозги вправят и подобных разговоров больше не будет. Придется еще раз объясняться.

— Понимаешь? Это хорошо. А скажи мне, эта баба из слободки, она руки хоть раз в день моет? А насекомые у нее есть? А срамные болезни? А воровать она не будет? Нет? Ты сам-то в это веришь? Вот и выходит, что нанимать придется кухарку из города, а она сюда, в слободку, ходить откажется. Либо цену заломит такую, что мне проще будет самому кашеварить.

— Ну, с девками ладно, пусть их. А я? Я-то вам зачем?

— Так помощник мне нужен. Хотя бы для начала ключи подавать, придержать где, помыть, почистить, подкрасить. А потом и что посерьезнее делать, какой-нибудь простой ремонт. И, чтобы ты не сомневался, скажу сразу: готового мастера взять — это дорого. Да и нет их таких, готовых. Все по мастерским работают, и хозяин за каждого держится, просто так не отпустит.

— Но ведь учение тоже денег стоит?

— Стоит. Вот ты эти деньги и отработаешь. Если хочешь, конечно. Неволить тебя я не буду. Можешь снова идти газеты разносить, там тебя еще разок отоварят. Ну что, будешь учиться?

Мишка изо всех сил постарался соорудить серьезную физиономию, чтобы разъезжающаяся от уха до уха улыбка была не так заметна и твердо ответил:

— Буду.

— По рукам?

Я подставил ладонь. Сверху шлепнула мальчишеская пятерня.

— По рукам!

— Ну а теперь, когда мы обо всем договорились, пошли в баню. Грязи и всяких насекомых я в своем доме не потерплю.

Вечером, уже улёгшись в постель, я подумал: если бы я рассказал Мишке все, как есть? Что я, сытый, успешный и благодушный просто не мог пройти мимо детей, которые отчаянно бьются за выживание и битву эту очевидно проигрывают. Что мне кусок в рот не лез, когда я видел голодные глаза девочек. Вот если бы я рассказал ему все это, он бы мне поверил?

Через день я поехал отдавать очередной отремонтированный фургон в больницу. Как водится, по дороге заехал в лавки, купил всяких домашних мелочей, да девчонкам по костяному гребню, пусть красоту себе наводят. Купил себе и костюм со смокингом. Забирать пока не стал: его должны были чуть подогнуть по моей фигуре. Завтра заберу, заодно навещу пансион. Может, мадам Грижецкая по старой памяти еще разок подскажет мне что-нибудь из области этикета. Вроде тех же перчаток, например.

По пути заехал к помещице Томилиной. Самой Настасьи Михайловны дома не было, прислуга ходила мрачная, смотрела на меня хмуро, но записку для хозяйки оставить позволила. Я накидал карандашом несколько строк: мол, надеюсь на скорую обоюдно приятную встречу, собираюсь как следует потревожить покой обывателей и вдогонку еще с дюжину комплиментов хозяйке. Свернул листок, передал горничной и, исполненный надежд на приятное времяпрепровождение, отправился дальше.

В больнице моему приезду были рады. Шофер, что сел за руль отремонтированного мною фургона, напел дифирамбов. С его слов, после ремонта мобиль стал ездить чуть ли не лучше, чем новый. Господин Филимонов сиял, как новенький рубль, доктор Кацнельсон тоже был вполне доволен. Я поболтал с ним несколько минут о разных пустяках, и отправился в обратный путь.

Я подошел к очередному назначенному на ремонт фургону и уже собрался садиться за руль, но тут за спиной раздался знакомый уже голос:

— Стриженов!

Дежавю?

[1] Синенькая — пятирублевая ассигнация.

— Стриженов! Владимир Антонович!

Я обернулся. По улице в сторону больницы спешно шагал, стараясь не перейти на бег, Николай Генрихович Клейст собственной персоной. Учитывая наш последний разговор, не самая приятная встреча. Но уехать сейчас — все равно, что сбежать, проявить трусость, а бояться мне нечего.

Мой бывший конкурент дошел-добежал до меня и остановился, отдуваясь и прижимая руку к правому боку. Странно, я думал, что у него физические кондиции получше.

— Владимир... уфф... Антонович...

— Успокойтесь, Николай Генрихович, отдышитесь. Я не собираюсь от вас убежать.

— Спасибо... уфф...

С минуту Клейст приходил в себя, а я, тем временем, его разглядывал. Удивительно: несмотря на то, что он шел пешком, одет был в полную экипировку гонщика: куртка, галифе, сапоги, шлем. Краги и гогглы, наверное, были в объемистом, но полупустом саквояже. Наконец, лицо его приняло более-менее нормальный цвет.

— Здравствуйте, Владимир Антонович. Хорошо, что я смог вас отыскать.

— Вообще-то я не прячусь. Ну да ладно: у вас ко мне дело?

— Наверное, все же, да, — неуверенно выговорил Клейст

— Тогда, может, зайдём в ближайшее кафе? Вести разговоры стоя мне как-то не хочется.

В небольшом кафе услужливый официант быстро подал меню. Я спросил кофе и пару круассанов. А что? Я теперь человек пусть не слишком богатый, но и не бедный, могу себе позволить. Клейст же медлил, листая нетолстую книжицу. Тем временем официант принес мой заказ и воздух наполнился бесподобным ароматом свежесваренного кофе. Мой визави судорожно сглотнул и вновь уставился в меню. «Да он голодный!» — осенило меня. — «Только признаваться в этом не хочет, чтобы не потерять лицо». Что ж, раз сам его поставил в неловкое положение, сам и должен исправлять ситуацию.

— Николай Генрихович, поскольку я вас сюда пригласил, позвольте вас угостить.

И, не дожидаясь согласия, сделал еще один заказ.

— Так о чем вы хотели поговорить? — спросил я, когда официант убрал со стола пустые тарелки и принес десерт.

На лице у Клейста отобразился сильнейший конфуз.

— Прежде всего, уважаемый Владимир Антонович, я хочу перед вами извиниться. Вы были правы, а я, соответственно, кругом ошибался. Меня ослепила страсть, и недостойная женщина, ставшая её причиной, воспользовалась мной в своих низких целях.

— Как я понимаю, вы проверили те сведения, что я вам дал.

— Да, проверил, и полностью убедился в их достоверности. И поэтому еще раз прошу простить меня. Я был не прав. И тем сильнее ужасает меня мысль, что мой поступок, совершенный под влиянием оговорившей вас особы, мог привести к последствиям, фатальным для нас обоих.

За этим отпрыском обрусевших немцев, насколько я знал, не было замечено склонности к лицедейству. Я был уверен — здесь и сейчас он говорит искренне. Так же искренне, как

обвинял меня несколько дней назад на балконе второго этажа больницы. К тому же, сейчас была отличная возможность заполучить в друзья не самого последнего человека из товарищества «Успех».

— Я не держу на вас зла, Николай Генрихович. В свое время мне тоже было трудно распознать истинную сущность этой женщины. Рад, что и вам это удалось. А поскольку отныне между нами нет причин для взаимной неприязни, предлагаю вам свою дружбу.

Я протянул Клейсту руку и получил в ответ искреннее и крепкое пожатие.

— Ну а теперь давайте о главном.

Лицо Клейста, только что выражавшее искреннюю радость и огромное облегчение тут же продемонстрировало стеснительность, достойную подростка, застигнутого матушкой за самоудовлетворением.

— Видите ли, Владимир Антонович, так вышло, что я в один день остался без места, без жилья, без имущества и без копейки денег.

— Печально. Я понимаю, кому вы отдали деньги. Но что произошло со всем остальным? Вы же числились у Маннера едва ли не в любимчиках.

— Увы. После вашего скандального увольнения и, особенно, после статьи в «Ведомостях», да с такой фотографией, дела у господина Маннера круто пошли вниз. Думаю, он уже многократно пожалел о своем поступке — я имею в виду то, что он не дал вам при увольнении ни копейки. В результате он потерял в десятки раз больше. И даже если бы он решил сейчас публично с вами замирился, выплатить все положенное и прибавить изрядную сумму сверх того, его репутацию это не спасет. Но беда в том, что по свойству своего характера Маннер никогда никому не признается в совершенных ошибках.

— Понятно. У конторы не стало денег, она начала сокращать персонал, а оставшимся урезать зарплату.

— Именно. Меня отставили наряду с двумя десятками других бедолаг. И, по несчастливому стечению обстоятельств, мне именно в этот день было необходимо внести плату за съем жилья. Прознав о моем увольнении, домовладелец наотрез отказался даже слышать об отсрочке.

— И с этим все ясно. Но что с вашим имуществом?

— Вы ведь знаете — беда не приходит одна. Едва я покинул квартиру, как меня обокрали. Тюкнули сзади чем-то по голове. А когда я очнулся, то обнаружил себя в одном белье, а рядом валялся мой саквояж и несколько вещей. Скорее всего, грабителей кто-то спугнул и они не успели забрать все.

— Скорее всего, грабители взяли все, что хотели. И оставили вам то, что им было не нужно. К примеру, рваные носки, несколько пар наиболее изношенного белья и те вещи, по которым их можно легко найти — например, ваша амуниция. Гогглы ведь они тоже не взяли?

— Нет, не взяли.

— Вот видите? Это вещи личные, наверняка делаются мастером индивидуально. И если полиция найдёт их, к примеру, у скупщика, то легко выйдет и на грабителей.

— Да-а... — только и смог выдавить ошарашенный Клейст, впервые столкнувшийся с этой стороной общественной жизни.

— Я вам больше скажу: наводку грабителям почти наверняка дал ваш бывший квартирный хозяин. Но доказать это невозможно, он ото всего отопрется.

— Да, мне так и сказали в полиции.

Гонщик в отставке совсем было приуныл, но внезапно встрепенулся. Глянул на меня просительно и стеснительно, и сразу стало понятно, что будет дальше.

— Владимир Антонович, я слышал, мне говорили, что вы открыли свою мастерскую. Может, у вас найдется для меня место? Хотя за самую минимальную плату — чтобы хватало хотя бы на жилье и пропитание.

— Я бы с радостью, но мне не нужен гонщик. У меня уже есть один.

— Но вы, наверное, не знаете — я еще и неплохой механик! Я в свое время окончил три курса из четырех московского высшего технического училища.

— А что же помешало вам стать инженером?

— Ошибки молодости, — вздохнул Клейст. — Прибился к социалистам, дирекцией училища был сочтен неблагонадежным и отчислен без права на восстановление. Но полученные знания, особенно в части конструкции паровых машин, позволили мне устроиться механиком на фабрику, производящую мобили.

— Как же вы стали гонщиком, Николай Генрихович?

Собеседник еще раз вздохнул.

— Тому виной гордыня и тщеславие. Меня всегда привлекали гонки. Я неплохо вожу мобиль, и мне казалось, что стоит только сесть на гоночный аппарат и выехать на трек, как слава чемпиона будет у меня в кармане. К сожалению, мои мечты вдребезги разбились о суровую реальность. Поначалу я много участвовал в гонках, но ни разу не добрался до призового места. А с момента вашего появления у Маннера я стал вечным запасным. Злился, конечно, пытался протестовать, но безуспешно. От скуки принимал участие в регулировке конденсаторов. Там, знаете ли, есть масса тонкостей...

Я заинтересованно кивнул, побуждая Клейста к продолжению рассказа.

— Впрочем, наверное, это вам не интересно, да и не относится к теме нашего разговора. В общем, сравнение с вами, Владимир Антонович, было явно не в мою пользу. Поначалу это вызывало у меня сильнейший внутренний протест, я всеми доступными мне средствами пытался одержать над вами верх. Но когда вы на допотопном аппарате победили в гонке четыре новейших мобилей, превосходящих ваш по всем параметрам, я нашел в себе мужество признать очевидное: в этом деле вы просто намного талантливей меня. Отныне я отказываюсь от карьеры гонщика и буду заниматься теми вещами, которые умею делать действительно хорошо.

— Регулировать конденсаторы?

— В том числе.

Решение насчет Клейста я уже принял, но зацепился за оброненную им фразу:

— Николай Генрихович, вы сказали, что Маннер уволил часть специалистов. А кого именно?

— В основном, клерков и учеников. И еще дворника. Помните Никанорыча?

— Как не помнить? Конечно, помню. А вы не можете сказать, из тех уволенных учеников есть кто толковый? Такой, чтобы ему сходу можно было доверить простые работы и не бояться, что напортачит?

— Парочка есть, — подумав, ответил Клейст.

— Тогда едем.

— Куда?

— Домой, конечно. У меня есть свободная комната. Если вас устроит довольно шумное соседство, удобства во дворе, много работы и простонародная еда, я вам ее сдам за сущие

гроши. Денег положу для начала, скажем, рублей восемьдесят. Ну а дальше поглядим, что будет получаться. Это вам... — я вынул из внутреннего кармана сюртука портмоне и извлек из него пару червонцев — аванс на первоначальное обзаведение. Ну что, вы готовы?

Клейст оказался настоящим сокровищем. Он досконально знал устройство и конструкцию мобилей, и его советы несказанно облегчали и ускоряли работу. Мы вдвоем за остаток дня разобрали фургон и при этом не особо умотались. А вечером, после бани, черпая пшеничную кашу с салом из глиняной миски деревянной ложкой, он сказал:

— Владимир Антонович, вы даже представить не можете, насколько я вам благодарен. Вы ведь в буквальном смысле спасли меня. Спасли от смерти или, возможно, от куда более худшей участи. Вы вернули мне веру в себя и, что гораздо важнее, веру в человеческое благородство. Да, вы воистину благородный человек, и мне очень стыдно сейчас, что прежде я думал о вас плохо. Спасибо вам, и да хранит вас Господь.

И он, как давеча мадам Грижецкая, перекрестился.

Сидевшие с нами за столом дети, слушая эту проникновенную речь, только глазами хлопали. Да и я несколько оторопел: не думал я, что этот человек способен на подобные пафосные высказывания. Мне захотелось чем-то ему ответить, но подходящие слова как-то не находились. И тут меня словно подбросило:

— Идемте, Николай Генрихович. Идемте, я хочу вам кое-что показать. Не бойтесь, это недолго, каша остыть не успеет.

Клейст, недоумевая, поднялся из-за стола и последовал за мной.

Я отпер ворота сарая и зажег на стенах электрические светильники.

— Смотрите.

Бывший гонщик замер.

— Это же... откуда он у вас?

— Полиция после вашей аварии решила отправить его в утиль. А я упросил старшего инспектора Охотина отдать его мне.

— В таком случае зачем вы мне его показываете?

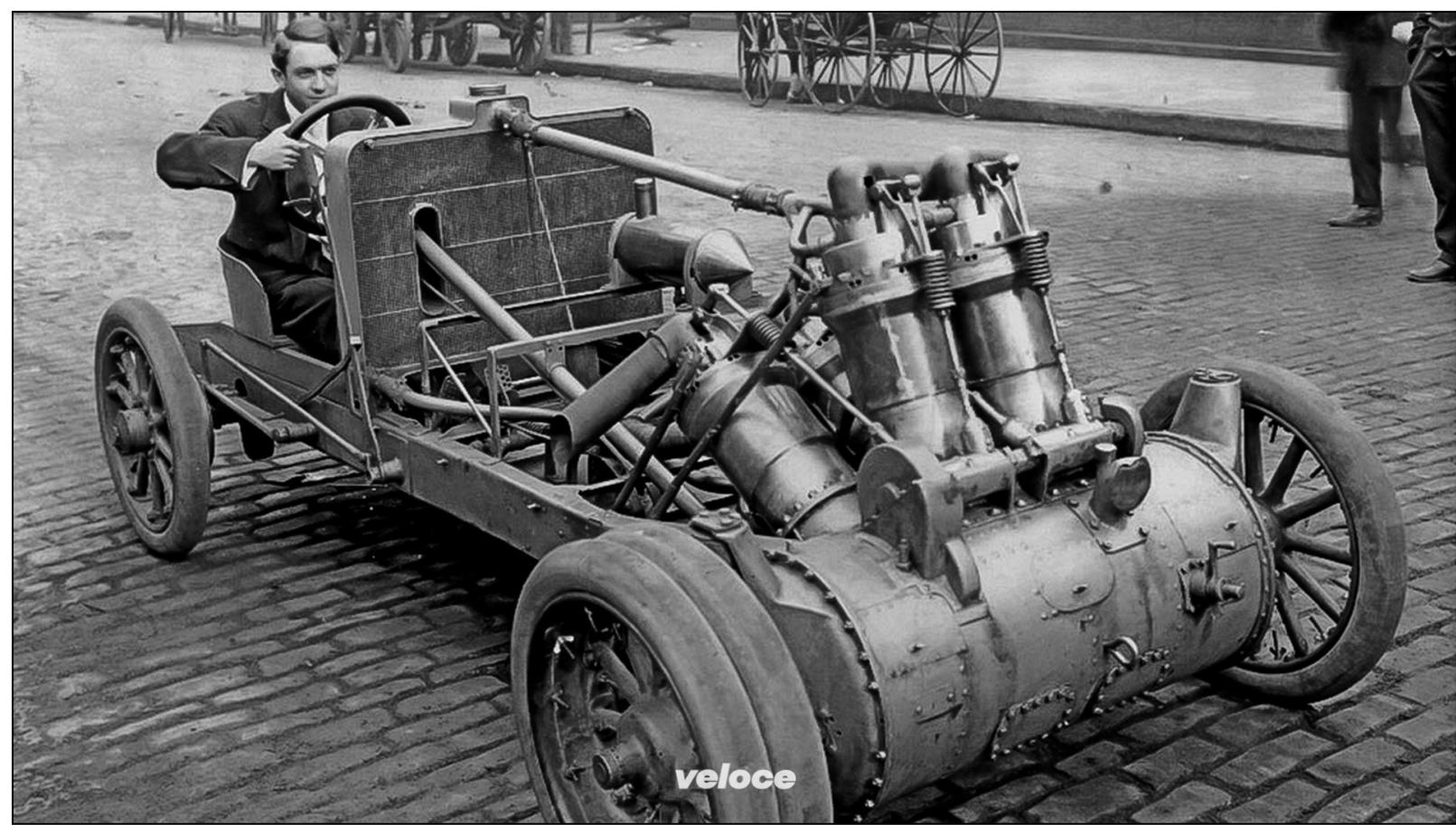
— Затем, что у меня к вам есть предложение, которое вас наверняка заинтересует.

— Я весь внимание.

— Скажите, дорогой мой Николай Генрихович, какие гонки в нашей империи самые крупные и престижные?

— Вы и сами это знаете! Большие императорские гонки. Приз в них сумасшедший — миллион рублей за первое место. Там соревнуются крупнейшие и известнейшие фирмы, даже войти в двадчатку лучших — уже большое достижение. Каждый гонщик стремится если не победить, то хотя бы раз в жизни принять в них участие.

— Так вот, я предлагаю вам совместно сделать из вашего бывшего мобиля такого монстра, который на больших императорских гонках в клочья порвет всех конкурентов и не оставит им даже шанса на победу. Ну что? Вы согласны?



«Большие императорские гонки», — размышлял я, пока влекомая гнедой лошадкой коляска неторопливо катила меня к городскому особняку баронессы Сердобинной. Заманчивая перспектива. И тебе приз, и тебе пиар. А ведь если бы не Клейст, я бы о них и не узнал. Вернее, узнал бы, но намного позже, когда закончил бы с организацией мастерской, наладил дело, обеспечил стабильный доход, а в итоге не успел бы подготовиться. Конечно, через год или два я бы рискнул. Но кто знает, какими путями и темпами пойдет прогресс в конструкции мобилей. Может, к тому времени мои «тайные знания будущего» уже станут обыденной повседневностью. Нет, надо поспешить. Пусть на коленке, полукустарно, но сделать из рядового, в общем, мобиля нечто, действительно опережающее местный уровень развития наземной техники.

— Приехали, барин, — прервал мои размышления голос извозчика. Целковый с вас.

Наглость водителя кобылы подействовала на меня так же, как на быка революционные шаровары.

— С каких щей? На полтинник сговаривались.

— Так это, барин, овес нынче дорог, прибавить бы надо.

— На овес гривенника за глаза хватит, а на пропой тебе и полушки не дам. А лучше всего покупай мобиль, и сшибать копейки на овес не придется.

Не обращая внимания на недовольную рожу мужика, высыпал ему в горсть несколько монеток и вошел в предупредительно открытую лакеем дверь. Отдал прислуге плащ и цилиндр, предъявил мажордому приглашение и, следуя его указаниям, поднялся на второй этаж в малую гостиную.

Комната не поражала таким великолепием, как бальная зала в загородном особняке, но при этом была хорошо отделана и со вкусом обставлена. Стол с бутылками и закусками стоял у дальней стены, и всё немаленькое пространство было освобождено для танцев. В одном из углов расположился струнный квартет, а на установленных вдоль стен диванах разместились гости, трое мужчин и три женщины. Большинство из них я видел на балу, но непосредственно ни с кем не общался.

Баронесса встретила меня у двери. Наряд ее меня поразил: я привык, что дамы надевают довольно скромные туалеты, оставляя открытыми лишь кисти рук и шею. Исключение — балы, где допускается оголить плечи и, частично, грудь. Кажется, в начале века дамское платье должно было стать короче, но на улицах Тамбова я не видел подтверждения этому. Тем сильнее оказался мой шок при виде хозяйки вечера.

Она была одета в длинное платье с глубоким вырезом, свободно ниспадающее с плеч и струящееся почти до самого пола. Лишь на талии оно было перехвачено тонким пояском, подчеркивающим стройность и изящество фигуры. Черный шелк резко контрастировал с мраморной белизны кожей женщины, придавая ей сходство с античной скульптурой. Завершал наряд гарнитур из серебра с черными бриллиантами. В ярком электрическом свете камни блестели так, что я на секунду прикрыл глаза.

— Что с вами, Владимир Антонович, — обеспокоенно произнесла баронесса.

Я поклонился.

— Ничего страшного, Александра. Просто меня ослепило сияние ваших глаз.

Женщина улыбнулась, показывая, что мой комплимент был принят вполне

благосклонно.

— Добрый вечер. Рада, видеть вас в своем доме, — сказала она своим нежным мелодичным голосом, протягивая руку для поцелуя. — Идемте, я познакомлю вас с гостями.

Я почтительно приложился губами к затянутому в черную шелковую перчатку изящному запястью и отправился следом. И тут меня ждало новое испытание: едва баронесса сделала шаг, как в открывшемся разрезе, идущем от середины бедра, показалась идеальной формы нога в черной сеточке чулка. Надеюсь, мне удалось скрыть свое изумление. С другой стороны, для танго и нужно нечто подобное: воплощенная в танце страсть не терпит ограничений.

Баронесса вывела меня на середину комнаты.

— Дамы и господа! Представляю вашему вниманию моего сегодняшнего гостя Владимира Антоновича Стриженова. Кто-то из вас уже знает его, а для прочих — это замечательный гонщик, великолепный танцор и весьма галантный кавалер. А это, — обращаясь ко мне добавила она, поведя рукой в сторону любителей танго, — мои друзья.

Мы сделали два шага к ближайшему дивану.

— Барон Николай фон дер Остен-Сакен с супругой Анастасией.

Брюнет с тонкими усиками на породистом холемом лице чуть склонил голову, обозначая поклон. Миловидная молодая женщина хрупкого сложения в темно-зеленом, в цвет глаз, платье слегка улыбнулась.

— Господин Евгений Туровский.

Молодой щеголь, кивнув, привстал и тут же плюхнулся обратно.

— Госпожа Екатерина Нечаева.

Весомых достоинств дама в небесно-голубом платье с открытыми плечами и внушительным декольте, умело прячущая свой возраст, протянула мне руку, затянутую в длинную, до локтя, перчатку.

— Господин Александр Викарт.

Молодой человек с седыми прядями в смоляных волосах упруго поднялся с дивана. Пожатие его было твердым, уверенным, а открытое лицо вызывало симпатию. Впрочем, я не стал делать выводы. Вот, к примеру, барышня Неклюдова выглядит чистым ангелом, а на самом деле — та еще хищница.

— Госпожа Ольга Дорохина.

Алое платье, от середины бедра превращающееся в кисею. Карминово-красные губы. Крупные рубины в массивном золотом ожерелье. Красные ногти с белым кончиком. Одним словом, воплощенная страсть. Дама немного наклонила голову и тут же, секунду спустя, взмахнула ресницами, устремляя на меня пронзительный взгляд широко открытых черных глаз. Без сомнения, эта женщина знает толк в наслаждениях, как в чувственных, так и в плотских, и пришла сюда именно за этим.

— Ну а теперь, — взмахнула рукой баронесса, — танцы!

Оркестр начал играть, и комнату заполнили тягучие звуки мелодии, рожденной под жарким солнцем Аргентины.

— Александра, вы позволите пригласить вас? — протянул я руку баронессе.

Та вложила свою ладонь в мою и шагнула навстречу, пересекая незримую границу, начиная с которой, по понятиям общественной морали, заканчивались приличия и начинался интим. Моя рука легла женщине на талию, ее — мне на плечо. Я выждал несколько тактов, ощущая нетерпение своей партнерши и, едва оркестр доиграл вступление,

сделал шаг.

Сердобина танцевала прекрасно, увлеченно, явно получая немалое удовольствие от самого процесса, от движения, от музыки. Но той вспышки, того слияния в танце, что случилось с нами на балу, так и не произошло. Чего-то не хватило, какой-то искры, малости, чтобы случилось волшебство. И когда отзвучали последние аккорды, в глазах баронессы промелькнула тень разочарования.

Хоть вечеринка и была камерной, закрытой, даме танцевать дважды с одним кавалером считалось недопустимым. Если, конечно, это не ее муж или, хотя бы, жених.

— Друзья! — провозгласила баронесса. — Наверняка вам будет скучно весь вечер танцевать с одним партнером. Я предлагаю бросить жребий. Каждая дама будет тянуть бумажку с именем того мужчины, с которым она еще не танцевала.

Джентльмены в ответ на это предложение дружно промолчали, а дамы, напротив, столь же дружно пришли в восторг. Немедленно был вызван слуга с письменными принадлежностями, приготовлены бумажки с именами, лоты брошены в пожертвованную хозяйкой модную дамскую шляпку и веселье продолжилось с новой силой.

Было это случайностью или нет, не знаю. Я вполне допускаю, что баронесса каким-то образом жульничала, но факт состоял в том, что партнерши мне доставались в том самом порядке, в каком были представлены.

Анастасия фон дер Остен-Сакен танцевала безукоризненно — в смысле техники. Но при этом оказалась настолько холодна и бесчувственна, что впору было предположить, что я танцую с роботом или, как здесь было принято называть подобные механизмы, автоматом. Удовольствия — ноль. У меня осталось разве что некоторое чисто эстетическое удовлетворение сродни тому, что бывает от качественно проделанной работы.

Нечаева танцевала не слишком умело, пытаясь компенсировать недостаток мастерства чрезмерной энергичностью движений и нарочитой эмоциональностью. Но этого было недостаточно для возникновения гармонии танца. О взаимопонимании между партнерами речи и вовсе не шло. Зато вот госпожа Дорохина возместила недостатки двух предыдущих партнерш с лихвой.

Оленька — так она просила себя называть — танцевала самозабвенно, страстно, забыв о малейшей стыдливости. Кисея, изображавшая подол ее платья, то и дело взлетала вверх, открывая взору всех желающих крепкие стройные бедра. Глаза ее были полузакрыты, на губах блуждала отсутствующая улыбка. Она словно бы находилась в некоем трансе, но при этом мгновенно откликалась на малейшие мои движения. Так ощущают друг друга пары, танцующие вместе не один год. Уверившись в надежности партнерши, я стал понемногу импровизировать, все больше и больше отходя от канона, и Оленька послушно следовала за мной. Расстояние между нами, и без того не слишком большое, опасно уменьшилось. И кто знает, чем бы закончился наш танец, если бы прежде не закончилась музыка.

Едва мы остановились, как глаза Оленьки мгновенно распахнулись, а меж полуоткрытых губ на мгновение мелькнул розовый острый язычок. Можно было не сомневаться: будь сейчас такая возможность, она отдалась бы мне в постели с не меньшим пылом, нежели секунду назад отдавалась танцу.

Разумеется, это было немедленно замечено хозяйкой.

— Ах, я несколько утомилась, — заявила она, небрежно обмахиваясь ладошкой. — И, кажется, не на шутку проголодалась. Друзья, не желаете ли перекусить?

Друзья не стали отказывать баронессе в столь невинном желании, и вся компания дружно направилась к столу.

Компания расселась парами, и я оказался рядом с баронессой. Напротив меня уселась Оленька Дорохова вместе со своим спутником. Наверняка Александра была не слишком рада такому соседству, но выражать свои действительные эмоции — фи! Уверен, она будет мило улыбаться даже обуреваемая желанием перегрызть сопернице горло. А что Дорохова была записана в соперницы — это даже мне было ясно. Сердобина — собственница, Дорохова — коллекционерка. И если придется выбирать из них двоих, я предпочту помещицу Томилину. И в тот момент, когда заклятые подруги примутся выяснять, кому принадлежит трофей в виде моей тушки, мне хотелось бы оказаться как можно дальше от этого ристалища.

Откуда ни возьмись, появились слуги, на столе возникли блюда с яствами, в бокалы полилось вино. Дамы возжелали шампанского, я же выбрал сухое красное. Наполнив тарелку закусками, я включился в общую беседу. Разговор шел ни о чем: шутили, каламбурили, обсуждали незнакомых мне людей, незнакомые мне места. Я же слушал, старательно делая заинтересованный вид.

Через некоторое время разговор ожидаемо перешел на гонки. Тут уже отсидеться, прихлебывая время от времени из бокала, не получилось.

— Владимир Антонович, как вы думаете, кто победит на ближайших гонках? — спросил щеголь Туровский.

— Если бы я участвовал, то и победителем стал бы именно я. А так — неважно.

Ну да, пришлось наглыми заявлениями маскировать свою полную неосведомленность об иерархии среди гонщиков. Тут я ощутил под столом прикосновение к своей ноге. Дорохова довольно улыбнулась.

— Володенька, а разве ты не собираешься участвовать в гонке? — задала она вопрос, поднимая бокал с вином и пряча за ним хищную гримаску.

Такая фамильярность мне претила, но пришлось улыбаться в ответ.

— Увы, Оленька, не могу. Как известно, я отставлен из команды Маннера, а своим мобилем обзавестись не успел.

— Зато у вас есть мотоцикл, — хмыкнул Викарт. — По-моему, это единственный подобный аппарат на весь Тамбов. Благодаря ему вы, Владимир, стали весьма известной персоной. Никто кроме вас не решается гонять по городу на двухколесном паровике с такой сумасшедшей скоростью. Зато все мальчишки поголовно мечтают прокатиться на нем хотя бы раз.

— Увы, согласно правилам аппарат для гонок должен иметь четыре колеса, так что я — мимо.

— Владимир, — вдруг произнесла баронесса. — Я, наверное, смогу вам помочь. Мой покойный муж весьма увлекался гонками, и после него остался гоночный мобиль. Он стоит без движения вот уже три года. Думаю, будет правильным, если вы примете на нем участие в гонках и тогда вопрос о победителе будет, конечно же, закрыт. Хотите на него посмотреть?

Вопрос был задан мне, но откликнулись на него, почему-то дамы:

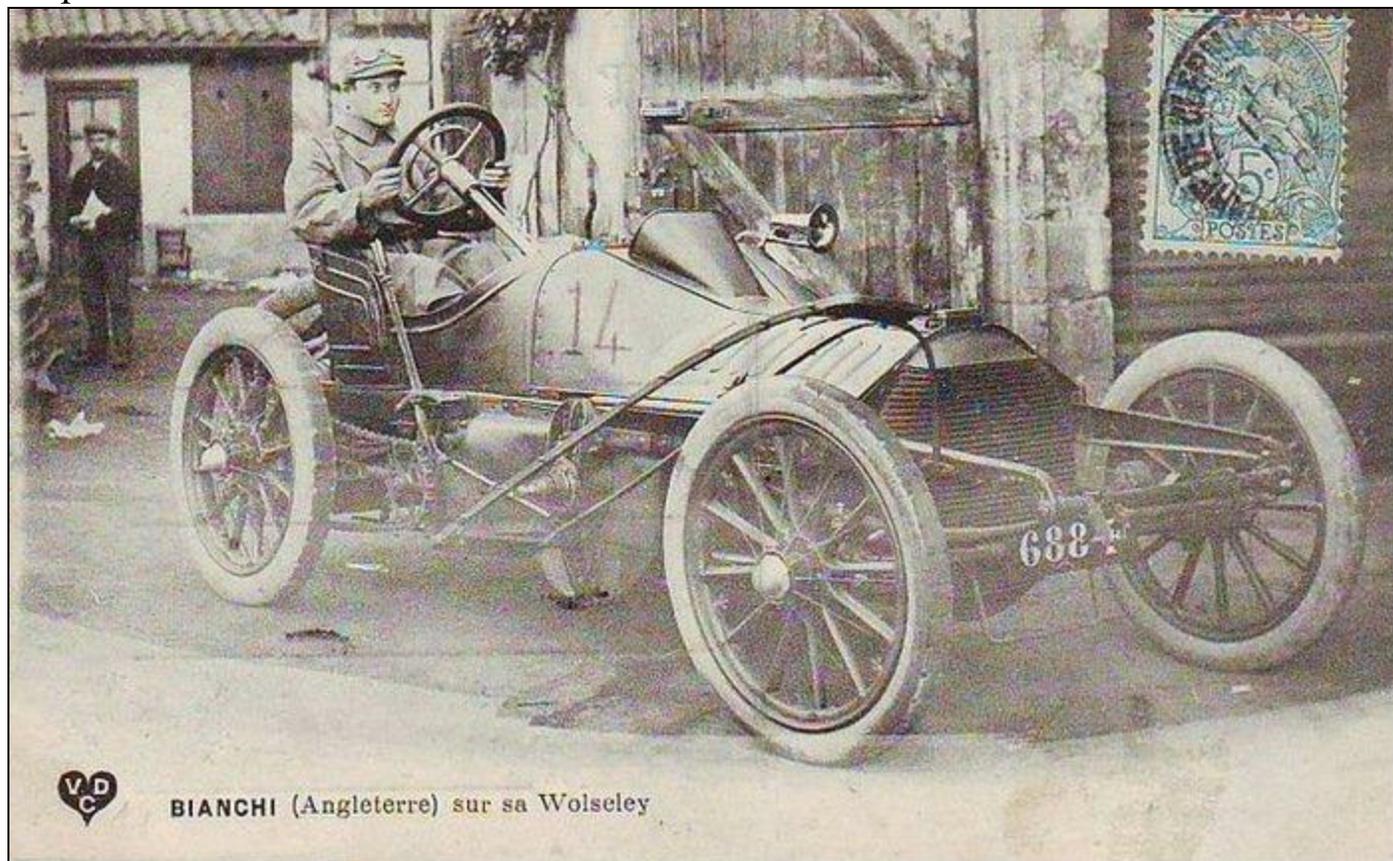
— Да! Идем смотреть! — восторженно закричали они.

Даже ледышка Анастасия фон дер Остен-Сакен, разругавшись от выпитого, оставила свою холодную манеру держаться и даже оказалась похожей на живую женщину. После такого уже без вариантов — все собрались смотреть мобиль.

Нам пришлось выйти на улицу. Слуга поспешил отпереть ворота гаража, включил

освещение и сдернул полотняный чехол. По гаражу пронесся общий вздох восхищения. Я к нему присоединился.

Мобиль по местным меркам и вправду был довольно неплох. Он сильно отличался и от паровых колясок, именуемых вуаретками, и от квадратно-рубленых форм популярных моделей. Кузов был более-менее обтекаемым, имел плавные обводы, длинный моторный отсек и небольшой двухместный кокпит сзади. Мобиль сиял темно-синим лаком, и выглядел почти новым. Я обошел его по кругу и не обнаружил ни одного шильдика с названием фирмы-производителя.



— А что это за модель? Я никогда не видел ничего подобного, — задал мучивший меня вопрос Туровский.

— Не знаю, — развела руками баронесса. — Муж купил его у какого-то энтузиаста. Возможно, это вообще единственный экземпляр.

И, обернувшись ко мне, добавила:

— Ну что, Владимир, будете на нем участвовать в гонках?

Когда предводительствуемые баронессой гости, вернулись в гостиную, решено было продолжить танцы. Я уже насытился обществом и предпочел бы тихо уйти. Например, к помещице Томилиной. Или даже к Оленьке Дороховой на растерзание. Спать мне в этом случае, конечно, не придется, но воспоминания об этой ночи наверняка останутся на всю жизнь. Однако не тут-то было. Дорохова уже навелась на цель, оставила своего кавалера и, переходя по комнате взад-вперед каждый раз оказывалась все ближе ко мне. Что у нее на уме догадаться было нетрудно: захватить интересного мужчинку на первый же танец. Но не тут-то было! Баронесса тоже была не лыком шита.

— Лотерея! Лотерея! — закричала она звонким голосом. Прочие дамы подхватили. Оленьке ничего не оставалось, как смириться с неизбежным.

Надо думать, Сердобина, как банкующая, себя поставит первой, а через два-три тура найдет повод закончить аттракцион и жестко обломать явно пускающую на меня слюни Дорохову.

Как я предполагал, так и случилось: Оленька попала в пару к барону. Видимо, это была такая жестокая месть с намеком: пусть горячая девочка немного остынет. Ну а мы с Александрой встали в позицию, ожидая музыку. Баронесса покраснела, не то от волнения, не то от выпитого вина. Грудь ее вздымалась под тонким шелком платья, даже прическа чуть растрепалась: один локон выбился из укладки и кокетливой спиралькой свисал у левого уха.

Заиграла музыка. Я повел, как обычно. Мы сделали проход, другой, но ТОГО ощущения так и не возникало. Александра резко остановилась, содрала с руки перчатку и отбросила ее в угол, словно гадюку.

— Снимай, снимай тоже, — сбивчиво шепнула она мне. — Я хочу ощутить, хочу живого прикосновения!

И принялась терзать вторую перчатку.

Я тоже стянул перчатки, положил руку на талию Сердобиной и через невесомую преграду ощутил жар ее тела. Рука ее стиснула мою ладонь. Я выждал такт и сделал шаг. И — случилось! Не так, как на балу, но случилось. Вновь появилась незримая связь между мной и Александрой. Вновь я предвидел каждое движение, свое и ее. Мы не просто двигались под музыку, выполняя положенные па. Мы творили танец. Повинуясь музыке, мы то отдалялись друг от друга на расстояние вытянутой руки, то, напротив сближались вплотную, и тогда баронесса чуть прикусывала губу, а глаза ее словно затягивались поволокой. Оркестр играл все ярче, все эмоциональней, словно музыканты сами попали под влияние магии нашего танца. И вот, под финальные аккорды, Александра откинулась назад, опираясь спиной на мою руку. Платье на ее груди натянулось, бесстыдно обрисовав совершенной формы грудь и крупные, затвердевшие от возбуждения соски. Баронесса чуть слышно застонала, тело ее выгнулось дугой, глаза закатились, а руки, напротив, вцепились в меня так, что не оторвать.

Это длилось секунду, может, две. Потом Александра выпрямилась и, опираясь на мою руку, попыталась шагнуть. Получилось у нее плохо. Нога тут же подвернулась, затем подогнулись колени и, чтобы не дать ей рухнуть на пол, мне пришлось подхватить ее на руки.

Я уложил баронессу на ближайший диван. Зрачки ее вернулись на место, но взгляд был совершенно расфокусирован, а на лице сохранялось выражение величайшего блаженства. Вряд ли она сейчас осознавала, что происходит вокруг. Тут же вокруг засуетились дамы, отогнав мужчин в сторону, потом прибежали служанки, запахло нюхательными солями, валерианой и еще какими-то лекарствами. Но я прекрасно понял, что произошло, и точно знал, что баронессе сейчас нужно лишь четверть часа покоя.

Тем не менее, вечер был скомкан, атмосфера вечеринки непоправимо разрушена, и гости принялись разъезжаться. Я раскланялся с каждым, перецеловал руки всем дамам. А Дорохина, уходя, мазнула мне по плечу грудью, восхищенно прошептала:

— Володенька, ты — монстр!

И, сунув мне в руку кусочек картона, грациозно удалилась.

Я тоже собрался уходить. Нет, я не ожидал, что мне предложат остаться на ночь. Я прекрасно понимал, чего хотела Сердобина, приглашая меня танцевать танго. Что ж, она

получила это, и даже больше, чем ожидала.

Мне подали цилиндр и плащ, я оделся и уже собрался было выйти на улицу, как вдруг ко мне подошел мажордом.

— Господин Стриженов, баронесса распорядилась отдать вам мобиль ее покойного мужа. Прошу вас, пройдемте со мной.

Баронесса Александра Сердобина. Примерно так я ее себе представляю.



— Владимир Антонович, что это? — спросил меня Клейст поутру, когда я смог, наконец, не только подняться, но и проснуться.

— Как видите, Николай Генрихович, мобиль.

— Я вижу, что мобиль. Но откуда он взялся?

— Покататься дали, — хмыкнул я. — Примерно на недельку. Вы же знаете, что как раз в следующую субботу состоятся губернские гонки?

— Конечно. Но я не думал, что мы сможем принять в них участие.

— Мы? Не поймите меня превратно, я вовсе не против того, чтобы вы тоже испытали свои силы. Но мобиль-то один, и я собираюсь выступить как раз на нем.

Клейст глянул на меня укоризненно.

— Владимир Антонович, вы меня неверно поняли. Я уже говорил вам, что с карьерой гонщика покончил, и от своих слов отступаться не намерен. Но ведь вам в команде наверняка понадобится хороший знающий механик?

Мне стало неловко, пришлось извиняться.

— Простите, Николай Генрихович. Видимо, я еще не до конца проснулся и от того неверно истолковал ваши слова. Конечно, я буду рад, если вы станете механиком нашей команды. Старшим механиком. А теперь давайте закончим с фургоном. Гонки там или не гонки, а заказ надо выполнять.

Клейст довольно улыбнулся:

— А я уже все сделал, можете убедиться.

— Да вы просто золото! Честное слово, будь вы женщиной, я бы не сдержался и расцеловал. В таком случае, я поеду за следующим пациентом. А вы пока поглядите этот мобиль. Мало ли что: все-таки последние три года он стоял без движения.

По дороге к больнице я решил-таки заглянуть в полицию. Неделя прошла, так что суэта и беготня по поводу давешнего убийства, скорее всего, уже завершились. Можно надеяться, что сегодня у господина Боголюбова найдется для меня несколько свободных минут.

Вид у полицейского начальника и впрямь был намного лучше, чем в прошлый мой визит, да и настроение вполне хорошее. Это я удачно зашел.

— Доброе утро, Платон Сергеевич!

— А, Владимир Антонович, наш герой-любовник! Ну здравствуйте, здравствуйте, — расцвел улыбкой Боголюбов. — Какими судьбами?

— И вы туда же! Неужели в нашем городе ничего нельзя сохранить в секрете?

— Ну почему, при желании все возможно. Главное — в газеты не попадать.

— В газете, между прочим, про меня не было ни слова.

— О том, что после бала вы отправились к Томилиной, полгорода знало. А газета лишь обнародовала, так сказать, результат вашего визита. Да что там! Ваш вчерашний подвиг на вечеринке у Сердобиной уже всюю обсуждают наши кумушки.

— Но у баронессы я не оставался на ночь. Более того, там была целая куча людей, которые могут засвидетельствовать, что честь дамы никак не пострадала.

— В том-то все и дело, — подмигнул полицейский. — Кстати, что касается Томилиной, то вы невольно спасли ей жизнь.

— Это как же? Это чем же? — недоуменно спросил я.

— Тем, что сели к ней в мобиль. За ее гостем велась самая настоящая охота. Из-за него, собственно, мы и бегали в мыле всю прошлую неделю.

— Вы хотите сказать...

— Именно. Его и убили. И его, и кучера. Убийца, хоть и грешно так о нем говорить, был отменным профессионалом своего дела, и свидетелей не оставил. А коли ехал бы молодой человек вместе с Томилиной, то ее нынче тоже бы отпевали.

Я сразу вспомнил оброненное в тот вечер помещицей замечание о том, что племянник ее подруги фигурой сильно похож на меня.

— А откуда вы знаете, что убить хотели именно его?

— Так отыскиали мы этого татя. Серьезный, знаете ли, уголовник попался. Два трупа, и у каждого одна пуля в сердце и вторая — в голове. Убил и проконтролировал, чтобы наверняка. Как мы на него вышли — этого я рассказывать не стану, служебная тайна. Но могу сказать, что прежде, чем его прихватили, он телеграмму отбил с вокзала. В ней было всего два слова: «Племянник уехал». А убитый как раз подруге помещицы Томилиной племянником приходился. Мы выяснили — за той дамой примерно пару месяцев один хлыщ начал увиваться и, судя по некоторым деталям, его цель — состояние этой дамы. Племянник же ему, как понимаете, мешал. Наверняка он и оплатил убийцу, вот только доказательств этому нет.

— А кому была адресована телеграмма?

— Думаете, мы это не проверили? На столичный главпочтамт, до востребования, на вымышленное имя. Да и забирать телеграмму пришел подставной человек.

Объяснение звучало логично, и я бы с чистым сердцем ему поверил, если бы не след револьверной пули на внутренней стороне латунного стаканчика моих гогглов. Но рассказывать об этом не хотелось: слишком много времени прошло с той гонки, да и улики таковы, что сам факт покушения неочевиден. Что ж, будем поддерживать официальную версию.

— Ну вы и мастер! — я постарался максимально достоверно отобразить не лице восхищение. — Такое дело за неделю раскрутить, да еще и убийцу поймать — это дорогого стоит.

— Да не поймали его, — дернул щекой инспектор, — убили при задержании. Отстреливался, сволочь, троих наших поранил, одного наповал уложил.

— Тем более. Матерого волчару вытропили да пристрелили.

Боголюбов, довольный похвалой, заулыбался.

— Владимир Антонович, — вдруг спохватился он. — вы же наверняка по делу пришли. Или нет?

— Скорее, за советом. Я не слишком силен в структуре вашего ведомства, и в какой кабинет мне сунуться, даже представить не могу.

— А в чем проблема?

— Понимаете, образовалось у меня трое сирот. Я хочу оформить над ними опеку, и для начала выправить все полагающиеся документы.

— Что ж, похвально, похвально. А просьбу вашу выполнить легко. Сейчас подойдет кто-нибудь из нижних чинов, он вас и проводит. А я записку набросаю, чтобы коллеги мои тягомотину не разводили.

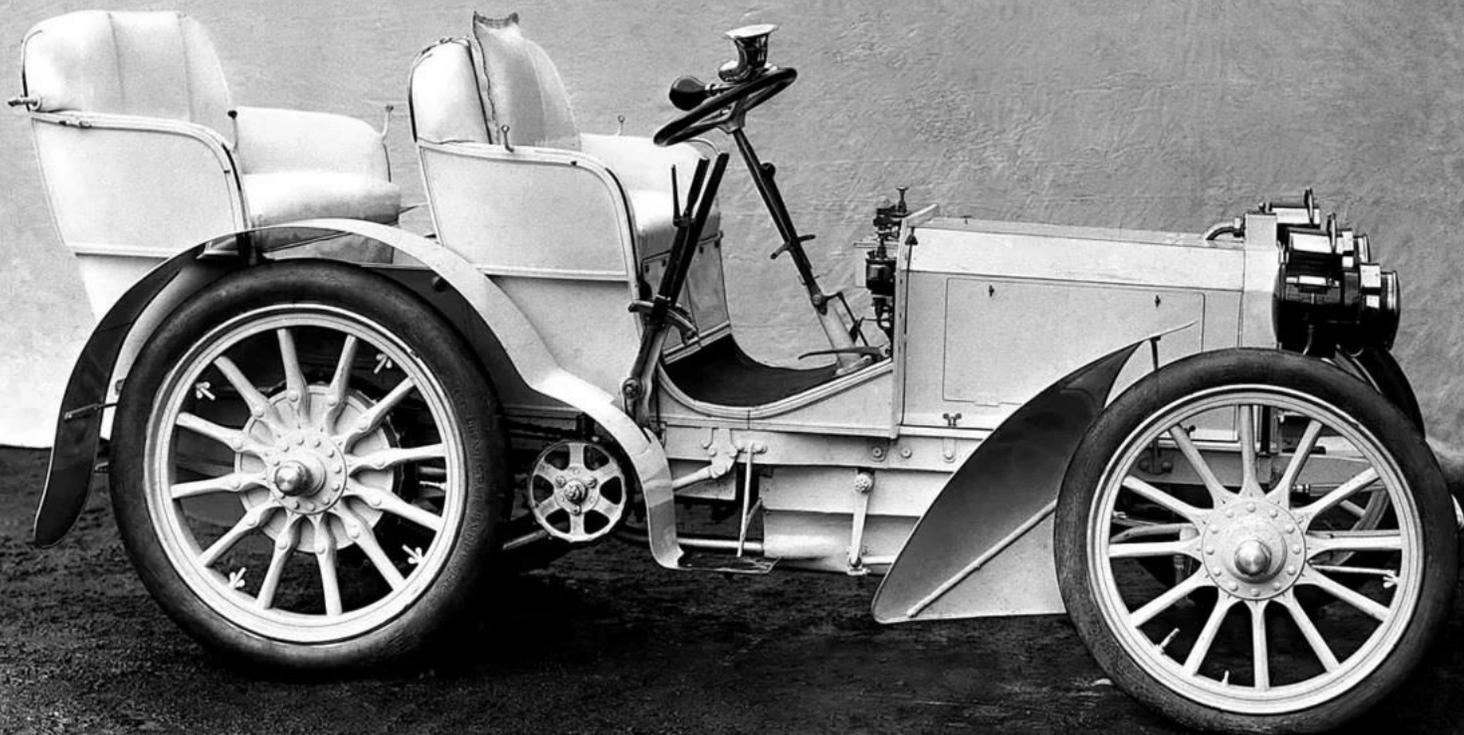
Боголюбов подвинул к себе лист бумаги, взял перо и принялся писать.

— Вот, возьмите, — протянул он мне бумагу через пару минут.

— Филька! — тут же крикнул он зашедшему в комнату полицейскому. — Проводи господина Стриженова в отдел к Потапову, да бегом возвращайся.

С запиской от Боголюбова все документы были оформлены в рекордные сроки. Я дружески попрощался с инспектором Потаповым и направился в больницу отдавать фургон. Состояние было двойственное: с одной стороны, убийца уничтожен. И перед этим пресловутый убийца отчитался заказчику об успешном выполнении заказа. То есть, заказчик теперь успокоится, и какое-то время новых покушений не будет. С другой стороны, мучила совесть: в отличие от полиции, я был твердо уверен в том, что племянника убили, по ошибке приняв его за меня. Знать бы еще, кто этот заказчик...

Дома меня ждал дорогой гость — журналист Федор Иванович Игнатъев собственной персоной. И пришел он не просто так, пригнал свою новую игрушку: новейший мобиль немецкой фирмы «Даймлер».



— Вы опять отличились, Владимир Антонович, — смеясь, выдал он после взаимных приветствий.

— Федор Иванович, ну сколько можно!

— До тех пор, пока вы подкидываете обществу новые поводы для сплетен. Сегодня с

утра некая госпожа Ольга Дорохина побывала в гостях у одной своей подруги. Помимо нее на утренний кофе собрались еще с полдюжины дам. Дорохина в красках поведала им о том, что происходило накануне у баронессы Сердобиной, умоляя сохранить это в тайне. Конечно же, сразу после чашечки кофе пресловутые дамы побежали каждая к своей лучшей подруге и под большим секретом поведали им тайну танцевального вечера. Сейчас, думаю, полгорода уже судачит о вашей тайной силе. А к вечеру ни о чем ином разговоров и не будет.

— О боже! — я закрыл глаза ладонью. — За что мне такое наказание?

— Наказание? Как сказать. Иные завсегдатаи салонов многое бы отдали за подобную репутацию, а вы все недовольны. Впрочем, пусть их, — переменял он тему. — Как вам этот красавец? Он похлопал рукой полированный борт «Даймлера».

Я не стал критиковать аппарат, щадя чувства Игнатьева.

— Оставьте мне его, скажем, до пятницы. Надеюсь, я смогу вас удивить.

— Охотно. Тогда вот что: в пятницу приезжайте прямо на нем к ужину к нам в особняк. Отец изъявил желание познакомиться с вами лично, а не только по моим рассказам. Никого постороннего не будет, только мы втроем и никаких танцев.

Видя, как я демонстративно хмурюсь, он махнул рукой:

— Все, все, Владимир Антонович, больше не буду.

И удалился.

— Что за история? — полюбопытствовал Клейст.

— А-а, — поморщился я, — баронесса Сердобина, танцующая танго в паре со мной, настолько прониклась духом танца, что не смогла далее принимать участие в вечеринке. Собственно, на этом все и закончилось. Ну а дальше — слухи, которые, как вы знаете, с каждым пересказом увеличивают масштабы произошедшего. Не удивлюсь, если к утру окажется, будто я мессмеритическим образом так воздействовал на присутствующих дам, что все они поголовно бились в экстазе, а горничные и кухарки домогались дворника и кучера с самыми развратными целями.

— Да, — сочувственно покивал механик. — Слухи — это зло, сколь безусловное, столь и неистребимое. Но давайте к делу: что мы будем делать с этим «Даймлером»?

— «Даймлеру» мы просто поменяем кузов, благо, сделать это не слишком сложно. Я подготовлю эскизы, отдам их в каретную мастерскую, там изготовят детали, а мы смонтируем их на этом шасси. А еще я хотел бы вместе с вами осмотреть конструкцию и «Даймлера», и вот этого безымянного красавца. Все удачные решения надо будет отметить и позже воплотить в нашем гоночном монстре.

— Непременно!

В Клейсте вдруг проснулся энтузиазм, он уже был готов кинуться в бой с гаечным ключом наперевес, но я его остановил.

— Николай Генрихович, скажите, вы знаете все эти бюрократические процедуры, которые требуется выполнить для того, чтобы заявить на гонку себя и свой мобиль?

— Конечно!

— А я вот, к стыду своему, не знаю. Поэтому хочу вас попросить об одолжении: возьмите на себя эти хлопоты. Для разездов можете использовать мой мотоцикл. А я пока займусь этим несчастным фургоном.

Неделя выдалась та еще. Мы с Клейстом пахали, не разгибаясь. Мишка, малости окрепнув, помогал по мере сил и умений, и тут же на ходу учился. Парнишка оказался

ловкий и сообразительный, и весьма полезный, когда нужно было залезть в какие-нибудь узкие и тесные места.

Я выбрал время и заглянул к помещице Томилиной, чтобы выразить соболезнования и заодно извиниться за неуместную записку. Она была дома и даже приняла меня в гостиной за чаем. В этот раз она ничуть не походила на ту жизнерадостную, пышущую энергией женщину, что я видел чуть больше недели назад. Темное платье, черный чепец — траур. Взгляд потерянный, движения чуть суетливые. Видно, что женщина переживает, и наверняка винит себя во всем произошедшем.

— Здравствуйте, Владимир Антонович, — приветствовала она меня. — Присаживайтесь к столу, наливайте себе чаю, угощайтесь.

Голос тихий, тусклый, словно выцветший. Это действительно та самая дама, которая полночи не давала спать всем соседям?

— Здравствуйте, Анастасия Михайловна. Позвольте прежде выразить вам свои искренние соболезнования в связи со столь безвременной гибелью вашего подопечного. Смерть человека — это всегда трагедия, но смерть молодого человека — трагична вдвойне. Поверьте, я это знаю.

Конечно, знаю. Сам помирал безвременно. И тридцать лет — вполне еще молодость. Жить да жить! Впрочем, не мне жаловаться на судьбу: живу вот, вдов смущаю одну за другой... М-да, не о том думаю. Надо бы поддержать женщину, пока она себя чувством вины не удавила. Ведь наверняка считает, что не устроил она той ночью наше бурное свидание, так и племянник остался бы жив. По моему личному и тайному мнению, она права. Но вслух, ради нее самой, я поддерживаю версию полиции.

— Простите меня бога ради за ту глупую записку. Поверьте, я ничего не знал о вашей горе. Только вчера зашел в полицию, там меня и ошарасили этой новостью, словно пыльным мешком из-за угла. Но сказали, что убийца найден и при задержании застрелен. Так что отомщен племянник вашей подруги.

— А за что его так, не говорили? — встрепелась Томилина, обратив на меня взгляд, полный боли и надежды.

— Говорили. Доказательств этому нет, но у подруги вашей несколько месяцев назад объявился воздыхатель, очень рассчитывающий прибрать к рукам ее состояние. А племянник, как вы понимаете, у него на пути стоял, вот и...

— Это правда?

— Абсолютная. Мне господин Боголюбов сам обо всем поведал.

На лице женщины явственно проявилось облегчение. Я продолжил:

— Кстати, Боголюбов еще обмолвился, что тем вечером вы лишь чудом смерти избежали. У того убийцы правило было: свидетелей в живых не оставлять. И коли ехали бы вы вместе с племянником вашей подруги, так в один день вас обоих бы и похоронили.

— Это правда?

— Истинная правда. Богом клянусь!

Я широко перекрестился на иконы в красном углу, а внутренне хмыкнул: тоже мне, сам в бога не верю, в церковь не хожу, а туда же, клясться решил. Однако на Томилину это произвело буквально волшебное действие: помещица всхлипнула раз, другой и, внезапно для меня, разрыдалась.

У меня не слишком большой опыт в области утешения плачущих женщин. Собственно говоря, я знаю только один способ, его я и применил. Просто шагнул вперед, обнял

Томилину за плечи и привлек к себе. Она же, машинально обхватив меня чуть повыше пояса и уткнувшись мне в бок, ревела белугой, а я гладил ее по голове и говорил всевозможные подходящие к случаю глупости. Позади скрипнула дверь: служанка сунулась с флаконом нюхательных солей. Я раздраженно отмахнулся: мол, убирайся, и она тут же скрылась.

Слезы, в том числе и женские, рано или поздно заканчиваются. Закончились и эти. Оторвавшись от моего изрядно подмоченного сюртука, Томила сразу же застеснялась:

— Ах, Владимир Антонович, я сейчас ужасно некрасива, так что идите.

Я поднялся и уже почти повернулся к дверям.

— Нет, стойте! Наклонитесь ко мне.

Анастасия обхватила меня за шею и наградила полноценным поцелуем. В щеку. И зашептала:

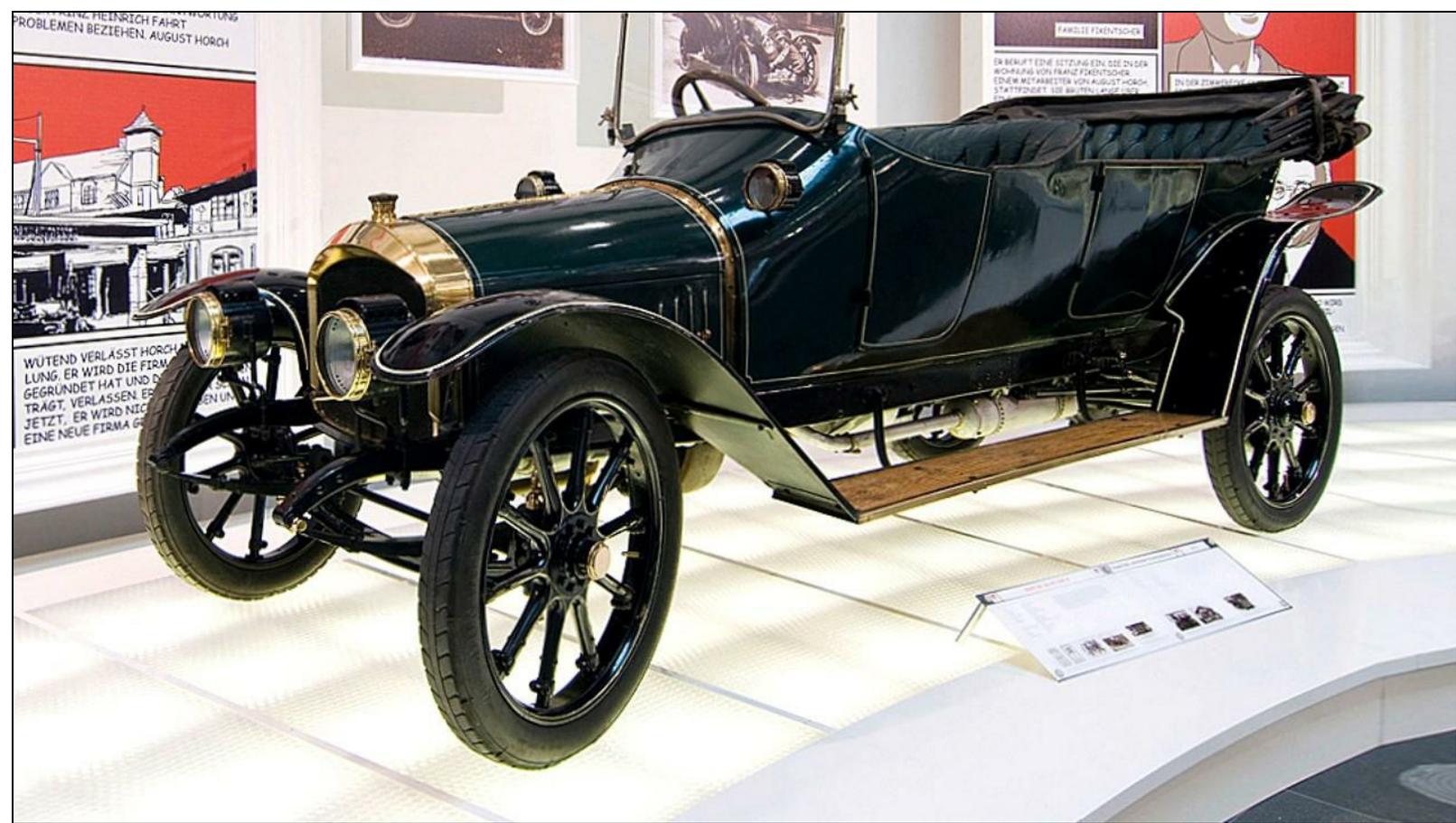
— Спасибо тебе, Володенька, спасибо за все. Ты сейчас такой камень с моей души снял! Теперь все, ступай. Как траур выйдет, я сама тебе записку пришлю.

Наши с Клейстом каторжные труды увенчались успехом: к концу недели мы успели закончить заказ больницы, и уже в ближайший понедельник на мой счет в местном отделении Государственного банка должна была поступить приличная сумма. Кроме того, мы разобрали по винтику и собрали обратно гоночный мобиль в поисках возможных неисправностей. Ну а главное — заменили кузов Игнатьевскому «Даймлеру», и сейчас я отправлялся на нем в гости к заказчику.

Я ехал неспешно, поглядывая краем глаза на прохожих, улыбаясь симпатичным барышням, когда такие встречались на пути. А прохожие глядели во все глаза на проезжающее мимо чудо. Еще бы: этот мобиль сейчас единственный в своем роде, и не только в Тамбове. Помнится, в моем мире на создание подобного дизайна понадобилось лет сорок.

Проخور караулил меня у ограды, и едва только мобиль показался в конце улицы, распахнул ворота. Я не торопясь прокатился по широкой дорожке и плавно затормозил возле крыльца особняка. Мне навстречу, перепрыгивая через ступеньку выбежал Игнатьев-младший.

— Здравствуйте, Владимир Антонович! — выдохнул он, не отрывая взгляда от мобиля. — Вы уверены, что это мой «Даймлер»? Даже не верится! Вы сотворили чудо, я просто в восторге. Скажите, откуда вы берете эти идеи? Думаю, завтра половина членов гоночного клуба будет умолять меня продать им этот уникальный экземпляр. И денег предложат как бы не вдвое против той цены, за которую я купил мобиль у «Даймлера».



— Действительно, молодой человек, откуда такая фантазия? — раздался за спиной солидный баритон.

Я обернулся. Рядом с мобилем стоял господин на вид лет сорока в легком чесучовом костюме-тройке английского фасона и щегольских штиблетах. Пиджак был расстегнут, открывая вид на изрядной толщины золотую цепь, тянущуюся от жилетного кармана к поясу. На пальце правой руки был надет массивный перстень с крупным камнем. Лицо его, украшенное тщательно подстриженной бородкой, было живым и подвижным, точно таким же, как и у моего приятеля, разве что с поправкой на возраст.

— Игнатьев Иван Платонович, купец первой гильдии, — отрекомендовался он, протягивая мне широкую твердую ладонь.

— Стриженов Владимир Антонович, гонщик, — ответил я в том же духе, напрягая кисть и пытаюсь не дать купцу продавить себя.

— Силен, — оценил мои старания хозяин, прекращая терзать мою руку. — Так откуда эти твои идеи?

Такая фамильярность меня покорила, но я решил обстановку пока не нагнетать и посмотреть, что будет дальше.

— Из головы, Иван Платонович. Ну и еще из чисто практических соображений.

— Тогда пройдем к столу, поужинаем и побеседуем о практических соображениях.

Я человек непритязательный. Щей, каши и блинов, которыми потчевали меня сестрички с добавлением выпечки из ближайшей лавки, вполне хватало: достаточно вкусно, достаточно сытно, достаточно обильно. Но ужин у купца Игнатьева я был вполне в состоянии оценить. Пожалуй, здешний повар был даже искусней Авдотьи в пансионе мадам Грижецкой, а уж та была редкой мастерицей. И ведь все это на дровяной плите, где точная регулировка температуры невозможна в принципе. Все это я и высказал Ивану

Платоновичу в самых изысканных выражениях. Тот довольно улыбнулся в бороду:

— Еще бы, из самой Франции повара выписал. Впрочем, все это так, пустяки. А теперь, позвольте, я тебя порасспрашиваю. А то от сына только и слышу целыми днями: Стриженов то, Стриженов сё... Да и репутация у тебя сложилась довольно скандальная.

Я пожал плечами:

— Репутацию люди мне сами придумали. Накопали какие-то крохи, раздули их до небес, и теперь меня же ей попрекать пытаются. А мне на эту репутацию не то, чтобы совсем начхать, но мобили чинить да в гонках побеждать она не мешает.

— Это, конечно, так, — покивал Игнатъев-старший. — А что ты скажешь насчет...

На первый вопрос я ответил вполне подробно. На второй более сжато. А когда последовал третий, да еще на достаточно личную тему, я решил, что с меня хватит.

— Скажите, Иван Платонович, к чему все эти вопросы? Совместных дел у нас нет, и зятя к вам я не набиваюсь. Между тем, ваше любопытство начинает граничить с неуважением.

Купец сделал вид, что не заметил моего сухого тона и легко рассмеялся.

— Честно говоря, я бы от такого зятя не отказался, да только вот бог дочерей не дал. А что касается совместных дел... есть у меня один должник. И в счет долга он собирается отдать мне механическую мастерскую. Так вот, неплохо было бы нам составить товарищество. Мой пай — та самая мастерская со всем оборудованием и, если захочешь, с работниками. А твой — ты сам, твоя голова и твои идеи. С прибыли будешь получать, скажем, процентов пятнадцать.

Мне стало противно: меня собрались грубо поиметь. С видом благодетеля дать убитую мастерскую, поманить условно большими деньгами, а после, когда я впахивая, как вол, налажу процветающий бизнес, похлопать по плечу и отодвинуть в сторону. Пока был я никто и денег у меня не было ни гроша, я был никому не нужен. Разве что госпоже Неклюдовой, которая успешно вытягивала из моего предшественника все невеликое жалование за исключением платы за пансион. Теперь же... Я уверен, что прежде, чем позвать меня на ужин, Игнатъев собрал обо мне всю доступную информацию. А поскольку Володя Стриженов предыдущие почти тридцать лет своей жизни был слабаком и мямлей, то закономерно посчитал его лёгкой добычей. Тем более, что никакой «крыши» у него не наблюдалось. Ну считать же таковой шапочное знакомство с несколькими полицейскими и пару любовниц из числа светских дам.

И как же мне на это реагировать? Предыдущий Володя, на которого было рассчитано все это представление, сейчас бы уже с готовностью согласился на все условия, почитая Ивана Платоновича за благодетеля. Но я-то не он! И если не начать огрызаться, то меня схарчат. Не Игнатъев, так кто-нибудь другой.

— Что молчишь, язык от радости проглотил? — поторопил меня купец.

Я хлопнул ладонями по подлокотникам кресла и поднялся.

— Прощайте, Иван Платонович, мне пора. Жаль, что поговорить с вами так и не получилось.

Хозяин нахмурился.

— Куда это ты собрался? Мы еще не договорили.

— А мы о чем-то говорили? Пока что вы бесцеремонно расспрашивали меня о моих личных делах, да пытались навязать какие-то сомнительные сделки. А у меня завтра гонка, мне выспаться надо, отдохнуть.

— Ишь ты, обидчивый какой! Садись, закончим разговор. Гонка начнется в полдень, успеешь отдохнуть.

— Увы, мне не о чем с вами разговаривать. Ваше так называемое предложение мне не выгодно. Я не собираюсь делиться прибылью ни с вами, ни с кем другим. И прекратите, в конце концов, мне тыкать. Я вам не мальчишка, и брудершафт мы с вами не пили. А потому — прощайте. Можете не провожать, выход я найду сам.

Помещица Анастасия Томилина. Арт прислал мне Юрий Рыжий
(<https://author.today/u/loto22>)



Ипподром был полон. Трибуны были забиты публикой так, что яблоку упасть было негде. В центральной же части расположились гонщики со своими мобилями и командами. Всю эту неделю я безвылазно просидел в своем доме, ковыряясь то с фургонами для больницы, то с игнатьевским мобилем, то подготавливая к гонке презент от баронессы Сердобиной. А оказывается, за эту неделю в город приехало масса гонщиков, каждый со своим мобилем. Многих сопровождали механики, а некоторые вообще были не сами по себе, а в составе довольно крупных команд.

Были и местные участники. В клубе гонщиков, который я так и не удосужился посетить, нашлось несколько господ, достаточно состоятельных, чтобы иметь собственный гоночный аппарат. Выступали также две команды: товарищество «Успех» под предводительством господина Маннера и товарищество «Скорость», во главе которого стоял некий баронет Вернезьев.

Все это рассказал мне Игнатьев-младший после того, как закончил длительное многословное извинение за вчерашнее. Мол, папаша его отличается резкостью в суждениях и действиях, и в данном конкретном случае он — Федор — с ним не согласен. Но Игнатьев-старший еще и упрям, как сто ишаков. И если уж он вбил себе что-то в голову, то это как минимум надолго. По этому поводу сразу после моего ухода между отцом и сыном возникла острая дискуссия с переходом на личности. И она, эта дискуссия, помешала журналисту подбросить меня домой.

У меня по этому пункту претензий не было, хотя, признаться, я надеялся, что пешком идти не придется. Но не настолько уж я обленился, чтобы часовая прогулка быстрым шагом вызвала у меня затруднения. Заодно я ощутил на себе благодарность местного криминала. Недалеко от дома из темной подворотни мне навстречу вышли было две темных личности. Я уже принялся нашаривать в кармане свой «бульдог», но тут к первым двум бандитам подскочил третий, что-то им сказал, некультурно указывая на меня пальцем, и все трое вновь исчезли в подворотне. Этот эпизод вселил в меня не уверенность, нет, но надежду на то, что тамбовского андеграунда мне теперь можно не опасаться.

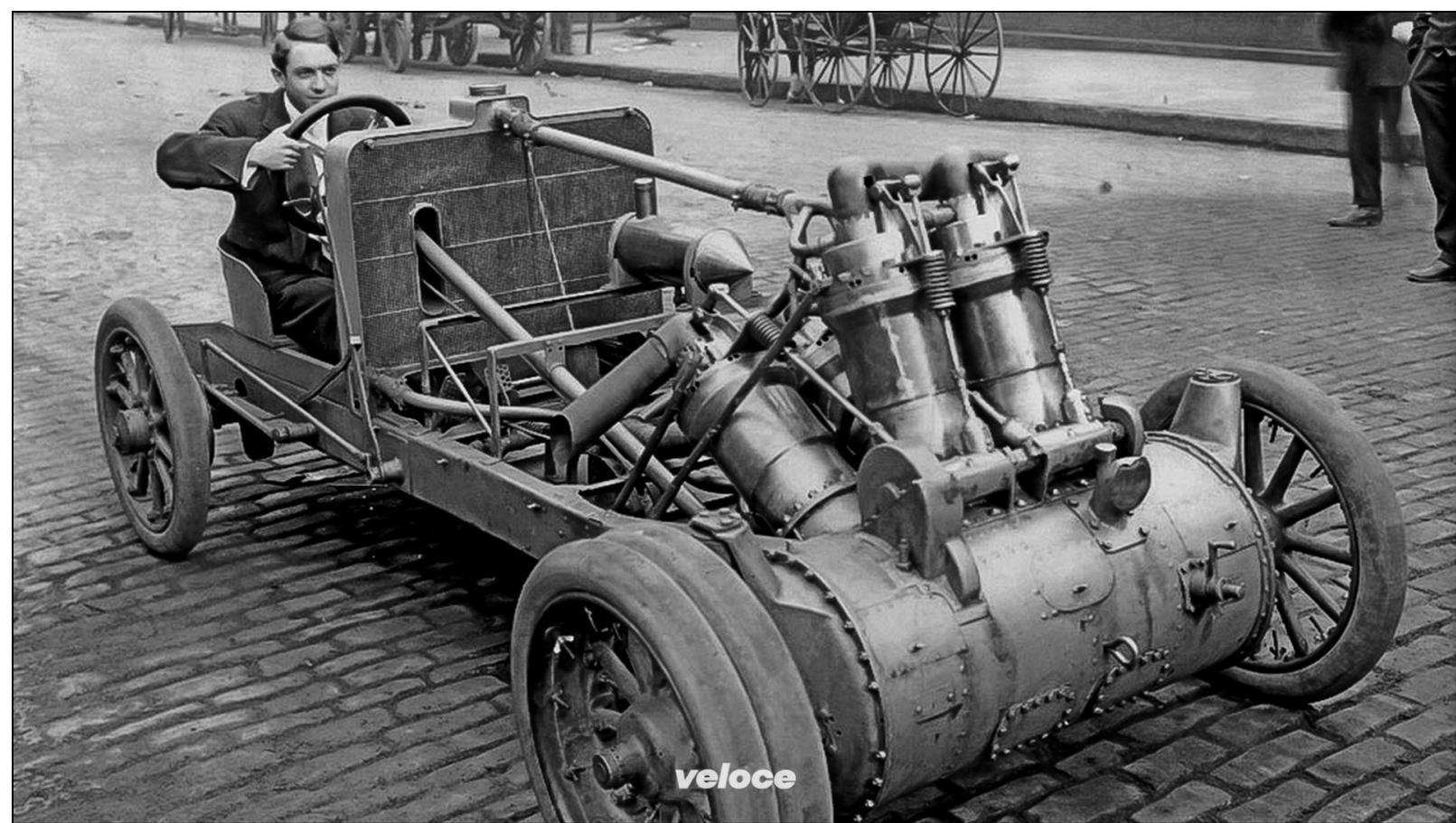
Мы с Клейстом последние три дня по вечерам выезжали на ипподром, чтобы осваивать мобиль. Это ведь не случайные покатушки с не слишком умелыми мажорами. Те считали, что количество индикаторных сил под капотом решает все. Здесь же придется соревноваться с профессионалами, и для победы нужно чувствовать свой мобиль до последнего болтика. Вот я и пытался ощутить аппарат: как он ведет себя в поворотах, как- при ускорении, как — при торможении, как подпрыгивает на ямках и кочках и прочее, прочее, прочее. Удалось? Нет? Покажет гонка.

Формат соревнований меня удивил. Он походил, скорее, на правила спидвея: заезды по пять мобилей, по четыре круга. Первые двое из каждого заезда переходят в следующий круг и так далее, до финала. Четыре круга — это, вроде, недолго. Минут пять на собственно заезд и еще минут десять-пятнадцать на организационные моменты. Вот только по жребию мне в первом туре достался последний заезд. Участников тридцать восемь душ, и передо мной должно было состояться семь заездов. Два часа ожидания — кто такое выдержит?

В качестве развлечения, я бродил по ипподрому и разглядывал прибывшие на

состязания мобили. Руки я намеренно засунул в карманы, чтобы не вызывать подозрений со стороны своих конкурентов. По себе знаю: незнакомцы, ошивающиеся рядом с подготовленной к гонке машиной, вызывают острый приступ паранойи, быстро переходящей в неконтролируемую агрессию.

Конструкции мобилей были самые различные. И серийные с виду аппараты, и безымянные самоделки вроде моего, и несуразные внешне уродцы — явно плоды труда непризнанных инженерных гениев.



Суеты на ипподроме хватало. Одни мобили выезжали к старту, другие возвращались после гонки. Кричали болельщики, ругались механики, палил револьвер, объявляя старт очередного заезда. Не было только привычного мне рева мощных моторов. Для полноты ощущений не доставало и запаха сгоревшего топлива. Я уже нагулялся и двинулся обратно, к своей площадке, как вдруг увидел чуть в стороне вывеску: «Товарищество «Скорость»». А под вывеской у солидного с виду мобилия яростно распекал гонщика знакомый еще с бала брүнет. Тот самый, что фамильярничал тогда с баронессой к неудовольствию последней.

Подходить не стал — я же не самоубийца — и, едва вернувшись, принялся расспрашивать Клейста. Тут-то и выяснилось, что это и есть тот самый баронет Вернезьев. Баронет — насколько я помню — это отпрыск барона, который пока не может наследовать полный титул в виду излишней живучести родителя. А если такой женится на Сердобинной, то может взять ее фамилию и сразу станет бароном. Ну и богатство баронессы наверняка будоражит воображение потенциального мужа: бал губернского масштаба могут позволить себе немногие дворяне. Но мне до баронессы особого дела нет. Она, конечно, женщина редкой красоты, да и ума у нее в достатке. Только навряд ли она позволит себе, подобно Настеньке Томилиной, любовную интрижку с гонщиком. Замуж тоже не пойдет, иначе титул потеряет. Да и не понравилось мне её отношение к себе любимому: словно я игрушка, заморская диковина. Нет уж, мадам Грижецкая в этом отношении намного честнее.

Наконец, настал и мой заезд. Я сунул руку в карман, вытащил свои гогглы и только тут вспомнил, что я за всей чехардой последних недель напрочь забыл сносить их в ремонт.

— Что случилось? — обеспокоенно спросил Клейст, видя мое замешательство.

— Вот, — протянул я ему разбитые очки. — Совсем запомнил. В понедельник непременно схожу к мастеру. А сейчас...

— Да, проблема, — подтвердил мой механик. — У вас есть запасные?

— Откуда? Вы же знаете, в какую дыру уходили все мои деньги.

— Тогда...

Клейст секунду помедлил, потом решительно тряхнул головой:

— Не побрезгуйте, возьмите мои.

И, видя, что я собираюсь возражать, добавил:

— На одну гонку. А в понедельник съездите к мастеру.

Не знаю, что за линзы были в Клейстовских гогглах, но в них я стал видеть дорогу до крайности отчетливо. Я и без того не жаловался на зрение, но в этих очках видеть стал что тот орел, который различает суслика с высоты двух километров.

— Спасибо вам, Николай Генрихович!

— Потом поблагодарите. На старт пора. С богом!

Я тихонько выехал к стартовой линии. Мне досталась внешняя дорожка. Не самая выгодная позиция. Но кто знает — может, мой мобиль реально лучше конкурентов?

В предыдущий заезд поставили четыре мобилы, и сейчас у меня было три соперника. На старте стояла относительная тишина, нарушаемая только негромким фырчанием парогенераторов. Даже трибуны поутихли, слушая объявления распорядителя. Там, в прошлой жизни, сейчас бы все подгазовывали, чтобы держать обороты мотора. Здесь же это было бесполезно, да и невозможно, поэтому голос стартера был отчетливо слышен. Он поднял вверх руку с револьвером, объявил:

— Восьмой заезд!

И нажал на спуск.

Паровик разгоняется неторопливо, так что я вдавил педаль пара в пол чуть раньше, за доли секунды до стартового выстрела. Этот экземпляр стартовал намного быстрее старого игнатьевского, но все равно медленно. Никакого сравнения с привычными мне гоночными машинами. Где динамика? Даже в сиденье ускорением не вжимает, да и само сиденье такое, что при нормальном старте можно запросто можно из мобилы вылететь. В памяти отметил: нужен ускоритель, нужна возможность быстро разогнаться. Отметил, и тут же переключился на управление аппаратом.

Приборов на мобилых почти что нет. Датчик уровня воды, датчик давления пара — и все. Конечно, эти — самые необходимые, но и другие важны. Например, тахометр. Паровик тихий, обороты мотора на слух оценить очень трудно. А спидометр? Ведь сейчас, по сути, свою скорость я могу оценить только относительно своих соперников. И тут двух мнений быть не может: я быстрее!

Баронесса не подвела, выданный ею в пользование мобиль быстрее разогнался, лучше держался в поворотах, и в целом в управлении был намного комфортнее тех, с которыми доводилось иметь дело прежде. Еще до первого поворота я опередил конкурентов на полкорпуса, после первого круга заставил их пыль глотать, а к финишу оторвался от них на половину круга. И это я еще не использовал свое тайное оружие — дрифт. Было бы хорошо, если бы этот прием удалось приберечь до императорских гонок.

Когда я вернулся к своей площадке, Клейст, донельзя возбужденный, едва ли не подпрыгивал от нетерпения.

— Владимир Антонович, это было нечто! Я просто в восторге! Вы — прирожденный гениальный гонщик. Я еще раз убедился в правильности своего выбора.

Я, еще не отошедший после заезда, вяло отмахивался:

— Полноте, Николай Генрихович. Вы сами видели — с кем тут было соревноваться!

Поглядим, что будет в следующий раз. Там соперники должны быть посерьезней.

— Да где там! Вот в последних двух заездах — конечно, а здесь...

Следующий раз наступил примерно через полчаса. Результат, как и предсказывал Клейст, был тот же самый: моя победа с большим отрывом. Трудно сказать, что было причиной: слабая подготовка гонщиков у соперников, или преимущество моего мобиля. Но сейчас я этим вопросом не задавался, победил — и ладно. Впереди полуфинал, два заезда по четыре мобиля в каждом, и финал — четверо лучших поспорят за первое место. Ступенек с цифрами 2 и 3 на пьедестале не предусмотрено. Все или ничего, и это «все» забирает победитель. Приз довольно весомый: тридцать тысяч рублей. И пускай Игнатьев-старший идет лесом, пусть мается с ненужной ему мастерской. У меня своих денег хватит на все.

Народу на трибунах и без того было немало, но сейчас и вовсе набилось столько, что под весом зрителей они вполне могли рухнуть. На стартовой линии выстроились машины для предпоследнего заезда. Два финалиста уже ходили, донельзя довольные. Даже если они не победят, внимание прессы, потенциальных инвесторов и восторженных барышень им обеспечено. Время такое: хотя водить мобили умеют многие, профессия гонщика считается делом людей исключительно мужественных и героических. Гусарский кивер уже не так манит, как кожаный шлем и гоглы. Авиации здесь не случилось по понятным причинам: слишком тяжела паровая машина, слишком высок у нее удельный вес на единицу мощности. Воздухоплавание — это да, активно развивается, и в этой области паровики оказались вполне к месту. Но пилоты дирижаблей как-то не стали настолько обожаемы, как в свое время первые авиаторы. Те же извозчики, только воздушные. А вот гонщики...

Грохнул револьвер стартера, и мобили... нет, не рванули с места, а принялись неторопливо набирать ход. На старте мне опять досталась наружная дорожка, но меня это не слишком беспокоило. Вот оставлю основную группу позади, и сам буду выбирать, где мне ехать.

Мой мобиль уверенно разогнался, но так легко вырваться вперед, как в первых заездах, не получалось. Рядом, по соседней дорожке, катил желтый мобиль довольно причудливой внешности. Мне было видно, как гонщик то и дело поворачивает туда-сюда многочисленные краны на приборном щитке, дергает рычаги, и это помимо управления мобилем! Скорее всего, он на ходу вручную регулирует работу парогенератора, цилиндров и всех прочих узлов двигателя. Да, это может дать некоторый прирост скорости, но ведь очень сложно вести мобиль и одновременно совершать дополнительные манипуляции! Был бы с ним механик — я бы еще понял: один рулит, другой подстраивает мотор. А так — чуть отвлекся и обнаружил себя в кювете. И это еще в лучшем случае!

Первый круг мы прошли нос к носу. На втором желтый где-то ошибся с регулировками и начал отставать. В повороте я поглядывал на него: он суетился, дергая рычаги. Видимо, в какой-то момент удачно попал, и его мобиль резко прибавил скорость. Я сильно не переживал: в финал все равно попадаю, двое других безнадежно отстают. А уж потом...

Желтый разогнался неслабо, только слишком уж близко от поворота. Ему бы пар сбрасывать, да тормозить, а он все свои рычаги дергает. А ведь он сейчас в поворот не впишется, и врежется аккурат в бортик, отделяющий трибуны от дорожек. И, сволочь такая, мне путь пересечет!

Я ухватился за рычаг тормоза, отпуская желтого вперед. Как я и предполагал, мобиль, влетевший в поворот на чересчур большой скорости, начал крениться, гонщик бросил краны управления паровиком и принялся выкручивать руль, тянуть тормозной рычаг, но было уже поздно. Потерявший управление мобиль грохнулся на бок и, проскользив по инерции несколько метров, ударился в бортик, вызвав кратковременную панику среди публики. Гонщику повезло: его выбросило из мобиля, он несколько раз перекатился по дорожке ипподрома и, невредимый, поднялся на ноги. Мне же пришлось труднее. Чтобы не врезаться в мобиль и не переехать желтого придурка, мне пришлось затормозить чересчур сильно. Не до остановки, нет. Но достаточно, чтобы два недавних аутсайдера вырвались вперед.

Черт! Вот бывают же идиоты! И сам едва не убился, и меня подставил. В мое время остановили бы заезд и провели его заново. А тут мне предстоит догнать и перегнать. Поэтому хватит нюнить, тапку в пол и вперед!

Мало-помалу мобиль раскочегарился, набрал скорость и расстояние до соперников начало сокращаться. Вот только впереди осталось всего два круга. Успею ли? Должен. Пошел на хитрость: разогнался по внешней дорожке и в повороте плавно сместился к внутренней, потом опять ко внешней. На первый взгляд, расстояние выходит больше, но радиус поворота увеличивается, и можно пролететь его не снижая скорости, лишь чуть придерживая на всякий случай рычаг тормоза. А та парочка исправно тормозит на каждом повороте, и расстояние до них все меньше и меньше. Правда, и гоняться осталось всего лишь один круг.

Чуток сбросил обороты: надо подгадать так, чтобы выйти из последнего поворота буквально следом за соперниками. Получилось! На выходе все еще отстаю, но уже совсем немного, всего два корпуса. Вот только им нужно снова разогнаться, а я уже лечу на полном пару. Конкуренты меня видят, но сделать ничего не могут, поздно. И к финишу я прихожу хоть и не с таким грандиозным отрывом, как в двух предыдущих гонках, но все же бесспорно первым.

Остановился, огляделся — трибуны неистовствуют. А народу-то полно! Публика кричит, свистит, ногами топает, руками машет. Эмоции, понимаешь ли, выражает.

Пока судьи решали, кто из оставшихся двоих финишировал раньше, я огляделся. В отдельной ложе заметил баронессу Сердобину, рядом с ней её злейшую подругу Оленьку Дорохину, в ложах попроще — смутно знакомые лица, скорее всего, встреченные давеча на балу. А ниже публика попроще. Ну, тут мне высматривать некого. Хотя... Вот в полном составе жильцы пансиона мадам Грижецкой. Даже тот толстяк, что осуждал гонки и ратовал за скачки. Да и сама безутешная вдова в своем обычном наряде, захваченная эмоциями толпы, что-то кричит. Я помахал ей, вызвав в ответ почти что мельничной частоты взмахи. Наверное, и крики были тоже, но за общим шумом их было не слышать.

А вот у самого бортика три детские мордашки: Мишка, Машка и Дашка. И как просочились? Детей ведь не должны пускать! Но вот пролезли. Я на днях выдал им по полтиннику на карманные расходы. Вот их, наверное, и потратили на билеты.

Дети заметили, что я на них смотрю, заробели. Но зря, я им гонки смотреть не запрещал. Сумели пробраться — их счастье. Помахал им тоже. Сразу заулыбались, замахали в ответ.

— Господин Стриженов! — отвлек меня распорядитель. — Извольте подъехать к стартовой линии.

Все, эмоции побоку. Последний заезд, финал. И я собираюсь его выиграть. И ради призовых денег, и ради статуса, и ради самого себя: зачем, спрашивается, вообще выходить на гонку, если не собираешься победить?

Я на второй дорожке. Слева от меня незнакомый усач, на борту его мобилы надпись: «Товарищество «Успех». Почему усач? Потому, что все, кроме пышных усов, закрыто шлемом и гоглами. Справа — еще один незнакомец, тоже в усах. Только если у «успешного» на верхней губе этакая густая щетка, то у правого усы гусарские, с лихо закрученными кончиками. На четвертой дорожке внешне стандартный мобиль товарищества «Скорость». Но внешность обманчива. Если до финала добрался, то в потрохах у него явно масса отличий от серийного образца. Покопаться бы в нем вдумчиво денек-другой... Только кто ж позволит!

Но все, стартер уже поднимает руку с револьвером.

— Финальный заезд! — объявляет он и давит на спуск.

Пых-пых-пых-пых, — неторопливо разгоняется паровик. И, что показательно, никто вперед не вырывается. Значит, у всех финалистов возможности мобилей примерно одинаковы, и все решит личное мастерство.

Почти наравне, плотной группой, ввалились в первый поворот. А вышли из него уже лесенкой. Вечная дилемма гонщика: внутренняя дорожка — меньше расстояние, но меньше и скорость. Внешняя дорожка — можно ехать быстрее, но и расстояние заметно большее. Дрифтовать здесь невозможно: справа-слева другие мобили, начну маневр, обязательно кого-нибудь задену, так что приходится лететь вместе со всеми, одновременно тормозя и одновременно разгоняясь.

Все же, потихоньку, по сантиметрику, удастся вылезать вперед. Чуть позже начал тормозить, чуть раньше начал разгон — и вот к началу второго круга я уже вровень с мобилем «Успеха», а не позади на полкорпуса, как другие. Мобиль на вираже опасно кренится, и я держу его буквально на грани, балансируя между скоростью и управляемостью. Даже свешиваюсь влево, внутрь поворота, чтобы хоть немного сместить центр тяжести, который у этих аппаратов чересчур, недопустимо высоко.

Второй круг, третий поворот. Мобиль «Скорости» отстает, теперь слева его никто не блокирует, и он решается проделать тот же финт, что и я в прошлом заезде. Но — рано: войти в поворот у него получилось, а вот на выходе ему мешаются два мобилы: мой и соседний, с усачом-гусаром. И мне-то никуда не деться, и вперед не рвануть, и вправо не уйти, сосед чуть-чуть, но мешается. Зацеплю его, а потом, как давеча Клейст, буду две недели куковать в больнице с сотрясением. И это если повезет.

Эх, зеркала-то нет, не видно, что делается сзади, приходится оглядываться, рискуя на вираже упустить мобиль. Еще одна зарубка на память. А «скоростной» удачно притормозил, буквально повиснув у меня на хвосте. Виртуоз, млин! Зато усач справа, увидев такую угрозу, шарахнулся в сторону, открывая мне свободу маневра. Теперь пар на полную и вперед!

Третий круг, седьмой поворот. Мобиль «Скорости» так и держится на хвосте, как привязанный. Это уже начинает надоедать. Я решил снова провернуть свой трюк. Внутренняя дорожка занята «Успехом», поэтому пришлось проходить через вторую

дорожку, и эффект получился не настолько сильный. Но на прямую вылетел уже чуточку опережая своих соперников. Быстро оглянулся назад: мобиль «Скорости» так и висит на хвосте. Наверняка хочет подловить на повороте, но со мной такие штуки не пройдут. Примерился, прикинул, перед поворотом чуть тормознул, вынуждая «скоростного» тоже тормозить, и на полном пару ушел в поворот, рассчитывая выйти на первую дорожку перед самым носом «Успеха». После такого финта «Скорость» наверняка отстанет.

Чесслово, я не специально! Я вообще ничего не видел, только услышал только позади хруст, грохот, крик, громкие матюки, а потом рев трибун заглушил все прочие звуки. А мне было все равно, мне оставался только один поворот до финиша. Гусара на третьей дорожке за соперника уже можно было не считать, ему теперь ничего не светило. Даже если бы удалось ему проскочить свалку без потери скорости, за оставшиеся полкруга он ничего не успеет сделать. Последний поворот, уже в одиночестве, последняя прямая, секунда, еще одна и — финиш!

На трибунах творилось что-то невероятное. Раньше как-то не доводилось мне при таком стечении народа побеждать, а теперь я просто всем существом почувствовал, как это бывает. Ощутил, какой приход случается у музыкантов, когда те стадионы с ума сводят. И на этой волне у меня немного снесло крышу. Я притормозил и неспешно поехал по ипподрому совершать почетный круг победителя. Нет здесь такой традиции? Теперь будет! Одной рукой руль придерживаю, другой машу трибунам. А оттуда несется: «Стриженов!» «Я тебя...» «А-а-а» и просто мужской свист и дамский визг. Только что чепчики в воздух не летят. Слова, фразы доносятся обрывками, но это и не важно. Важно то, что люди приветствуют победителя, как могут и как умеют. А победитель — я!

Мою эйфорию снесло в один миг, когда я доехал до места аварии. Там уже стоял медицинский фургон, в него грузили носилки. Человек на носилках простыней был покрыт не полностью, да и несли его санитары головой вперед. Слава богу, живой. Насколько здоровый — врачи скажут. Я в понедельник непременно в больницу наведаюсь, справлюсь о здоровье.

А вот и мобили. Что сказать? Каша. Куча искореженных обломков. Это не как у Клейста было, это полноценный утиль, восстановлению не подлежит. И я точно знаю, кто виноват. Слишком небрежен гонщик «Скорости», слишком грубо и рискованно пилотирует. То есть, пилотировал. И тут кольнуло меня как иглой: Маннер на меня зуб имеет, баронет — тоже. Они, конечно, соперники, но в этом случае вполне могут задружить против меня. Как бы совместно пакость какую не учинили, с них станется. А что они могут? Самое простое, что в голову приходит — обвинить меня в преднамеренном устранении конкурентов. Но мой-то мобиль следов столкновения не имеет, я даже краешком никого не зацепил. Отсюда какой вывод? Будут эти следы организовывать. Не сами, конечно, найдут человека, заплатят каким-нибудь уголовникам. Не факт, конечно, но за машиной надо следить, охранять.

Я вновь подъехал к финишной черте. Настроение приупало, но надо ведь шоу делать! Я и делал: широко улыбался, махал рукой, посылал дамам воздушные поцелуи. Публика махала мне в ответ и кричала. Расслышать отдельные слова сквозь общий шум было невозможно, но я предпочту думать, что мной восхищались.

Подошел распорядитель, пригласил на вручение приза. Куда идти? Наверх, в самую элитную ложу. Туда, где баронесса. Я шагнул было следом, но тут же углядел напряженное лицо Маннера и деланно спокойное Вернезьева. Как есть недоброе задумали. Ну так

предупрежден, значит, вооружен.

— Одну минуту, — это распорядителю.

Пять шагов до трибун, до моих шалопаев.

— Дело есть. В гоночном мобиле посидеть хотите?

Еще бы они не хотели!

— Тогда вот что: Мишка, тебе — мобиль охранять. Смотри, чтобы к нему ни одна собака не сунулась, особенно слева сзади. Вот, держи — я вложил в его руку тяжелый «бульдог». — Не свети, спрячь в карман. Отдашь Клейсту, как только придет. Машка, ты беги со всех ног на стоянку, зови Клейста сюда. Пусть тоже караулит, а лучше отгонит мобиль на нашу площадку, там народу поменьше. А ты, Дашка, будешь сидеть в мобиле. И если какая замятня случится — изо всех сил кричи, визжи, зови на помощь. Всем всё ясно? Ну тогда вперед.

Дети кинулись исполнять поручения, а я отправился следом за распорядителем. Поднимался по лестнице за наградой, но душа была не на месте, все мысли о другом: решатся ли эти двое на пакость? Успеет ли Клейст? Справятся ли дети?

Оглянулся с полдороги. Машки уже не было видно — усвистала. Дашка гордо восседала на месте водителя, держась за баранку руля и свысока поглядывая на крутившихся поблизости людей. А Мишка, сунув правую руку в карман, застыл часовым у левого заднего крыла.

Я двинулся дальше, и уже через два шага был остановлен истошным дашкиным воплем:

— А-а-а! Убива-ают!

Какой там к черту приз! Я опрометью кинулся вниз, прыгая через три ступеньки, пытаюсь на ходу разглядеть, что же происходит у мобиля. Мишки видно не было, можно было лишь различить какую-то возню за мобилем. Кто, с кем — поди разберись! Вон бежит со всех ног Клейст с монтировкой в руке. Но от него пользы мало, он пока добежит, да пока отдышится, все уголовники разбегутся. Чуть впереди поспешает Машка. То остановится, то снова сорвется на бег — вроде, как дорогу показывает, и подгоняет не слишком молодого механика всем своим видом.

— И-и-и! — визжит, надрывается Дашка.

Да что там, никого нет? Кто-нибудь остановит уже этот беспредел? Ведь только что толпа народа вокруг мобиля плясала. А-а, вот они: выстроились поодаль, глазеют, сволочи. Телефонов нет, а то бы снимали, да в ютуб-инстаграмм выкладывали. Да и сейчас несколько вспышек магния сверкнуло. Это репортеры суетятся, сенсацию ловят. А полиция? Где эта гребанная полиция, когда она так нужна?

Я рывком перепрыгнул бортик трибун, обогнул мобиль. В правом кулаке уже зажат болтик. На земле у заднего колеса в пыли взяты двое: невысокий худощавый мужик и Мишка. Мужик явно сильнее. Оседлал пацана и занес руку с ножом. Но я-то уже здесь, рядом. Сходу пробил тяжелым сапогом урке под ребра. Тот кувыркнулся и вскочил, выставив перед собой нож.

Против такого я приемов не знаю. Револьвер отдал. Был бы ломик подлиннее — сразился бы. А так, голыми руками... И отступить нельзя, за спиной дети. Но и дать бандюге уйти тоже нельзя. Надо ведь выяснить, кто его послал и зачем. И тут за спиной Мишкин голос:

— Владимир Антонович!

И тяжелая стальная тушка «бульдога» ткнулась мне в ладонь.

Теперь другое дело, теперь уже сила на моей стороне. И бандит это тоже просек. Развернулся и кинулся наутек.

Я не такой хороший стрелок, чтобы попадать на выбор в руку или в ногу бегущему человеку. Да и народу вокруг полно. Что если промажу и зацеплю кого? Поэтому целился в самую крупную мишень, в спину.

Бах! Бах!

Я попал, точно. Даже видел, как две пули одна за другой рванули легкую парусиновую куртку. Но то ли рана вышла легкая, то ли еще что, но только уголовник метнулся в сторону, прикрывшись праздной публикой, и исчез из виду.

Заверещал полицейский свисток. Ну наконец-то!

— Пропустите! Расступитесь!

Через толпу пробился полицейский наряд: два городских и третий, чином постарше.

— Кто стрелял?

Ну все. Убийца, считай, ушел. Пока выяснят, что случилось, пока пошлют кого-нибудь следом (если пошлют) — вполне можно добежать до канадской границы. Ладно. Авань, с двумя пулями в спине далеко не убежит. А мне сейчас надо так повернуть дело, чтобы меня за применение оружия не повязали.

— Я стрелял. На моего подопечного напал с ножом незнакомый мне человек. К счастью, была вовремя поднята тревога, и я успел в последнюю секунду смог помешать злодею. Свидетелей тому — масса. Вот они все, стоят.

Число зевак тут же стало быстро уменьшаться.

Подбежал, отдуваясь, Клейст.

— Что случилось?

Дашка из мобилы затараторила:

— Тут дядька пришел, хотел мобиль поцарапать. А Мишка ему не дал. Они драться начали, Дядька хотел Мишку ножом пырнуть, а тут Владимир Антонович подбежал и дядьке как дал! А потом из ливольверту вдогон пальнул.

Подоспел распорядитель. Подошел к полицейскому, зашептал ему на ухо. Тот понимающе закивал и тут же послал двоих городских в ту сторону, куда побежал убийца. Потом ко мне:

— Господин Стриженов, после завершения церемонии награждения не покидайте ипподром. Необходимо опросить вас по всей форме.

— Разумеется.

А тут уже распорядитель с другого бока:

— Господин Стриженов, нехорошо заставлять себя ждать.

Тут меня вдруг такое зло взяло! Я этого типа от себя оттолкнул примерно на расстояние удара — так, чтобы удобно было в морду дать.

— Нехорошо, когда на ваших гонках бандиты с ножами на детей бросаются. Нехорошо, когда полиция появляется лишь тогда, когда все эти бандиты уже разбежались. А ну-ка идите сюда!

Я ухватил под локоть вяло сопротивляющегося господинчика и обвел его вокруг мобилы.

— Видите? — тыкал я пальцем в безупречный, хоть и запыленный, лак.

— Ви-вижу, — вынужденно соглашался тот.

— Ни царапинки. И если пока я буду получать этот ваш приз что-то изменится, я с вашей конторы втрое стрясу. Ясно!

— Ясно, — кивнул распорядитель.

— Ну а теперь пойдём.

И, обернувшись к Клейсту:

— Николай Генрихович, отгоните мобиль на нашу площадку. И дети пусть с вами побудут от греха подальше.

Церемония награждения прошла скомкано и неловко. И все это благодаря мне. Нет, сперва-то все было благопристойно: главный начальник гонок объявил меня победителем и вручил полагающийся мне чек на тридцать тысяч. Захлопали пробки шампанского, присутствующие похлопали в ладоши, после чего некоторые из них перешли к индивидуальным поздравлениям.

Баронесса поздравила внешне сдержано. Произнесла обязательные слова. Но посмотрела на меня так, что я сразу понял: танцевать танго мы будем еще не раз. И, возможно, гораздо более скромным составом. Зато Оленька Дорохина... дала ясно понять, что совершенно не против нашего близкого общения в любой день, в любое время и в любой обстановке. Но как же невинно звучали ее слова, если не обращать внимания на интонацию, многозначительные паузы и прочие нюансы, обозначающие совершенно непристойный подтекст! Потом мужчины искренне жали руки, дамы, притворно смущаясь и кокетливо стреляя глазками, выдавали типовые фразы про «героев в гогглах». Некоторые из них тайком совали в руку картонки визиток, а я потихоньку отправлял их в карман куртки.

Так бы все и прошло тихо и спокойно, но тут мне на глаза попался Маннер. Он был очевидно зол. Еще бы: гонка провалена, дорогуций мобиль уничтожен, приз пролетел мимо. И достался не кому-то, а его бывшему гонцику, который, к тому же, ославил его в прессе. Из-за всего этого лицо его то и дело дергалось, искажаясь злобной гримасой.

Я подошел к нему с бокалом шампанского в руке. Нет, если бы не было этой идиотской попытки меня подставить, я бы не стал его провоцировать. Но сейчас я тоже был зол: из-за его подлости и жадности мог умереть ребенок.

— Господин Маннер, а вы не хотите меня поздравить?

Управляющего «Успеха» аж перекосило.

— Не хочу! — рявкнул он. — Уйдите с глаз моих! И прекратите этот издевательский тон.

Публика вокруг начала прислушиваться к разговору, а мне того и надо было.

— Почему же? Когда вы издевались надо мной, обзывали бездарем и тупицей, то считали это в порядке вещей. У вас это не вызывало внутренних протестов. Когда после аварии вы велели бросить меня на дороге в надежде, что я сдохну, это тоже было нормально. А когда вы послали за мной пару громил, чтобы они отправили меня на тот свет, вы о чем думали?

— Я никого не посылал!

— Посылали-посылали. Они мне все рассказали. Кстати, у вас никто из сотрудников не пострадал сегодня в больницу с огнестрельным ранением спины?

— На что это вы намекаете?

— Вы сами знаете, на что. Впрочем, довольно. Меня внизу ждет городской, будет спрашивать насчет сегодняшнего эпизода. Вот я ему все о вас и расскажу.

Есть! Маннер побагровел, как давеча в конторе «Успеха», что свидетельствовало о том, что он на грани срыва и себя уже почти не контролирует.

— Вы... вы...

— Ну же, не стесняйтесь. Вам не привыкать швыряться оскорблениями.

— Вы... Вы не сможете! Вы ничего не докажете!

— А я и не собираюсь доказывать. Достаточно того, что я это точно знаю. Кстати, когда вы выплатите мне деньги, которые я честно заработал?

Я повернулся к остальным.

— Дамы, господа, меня действительно ждет полицейский, а потому я вынужден вас покинуть. Но ненадолго, до следующей гонки.

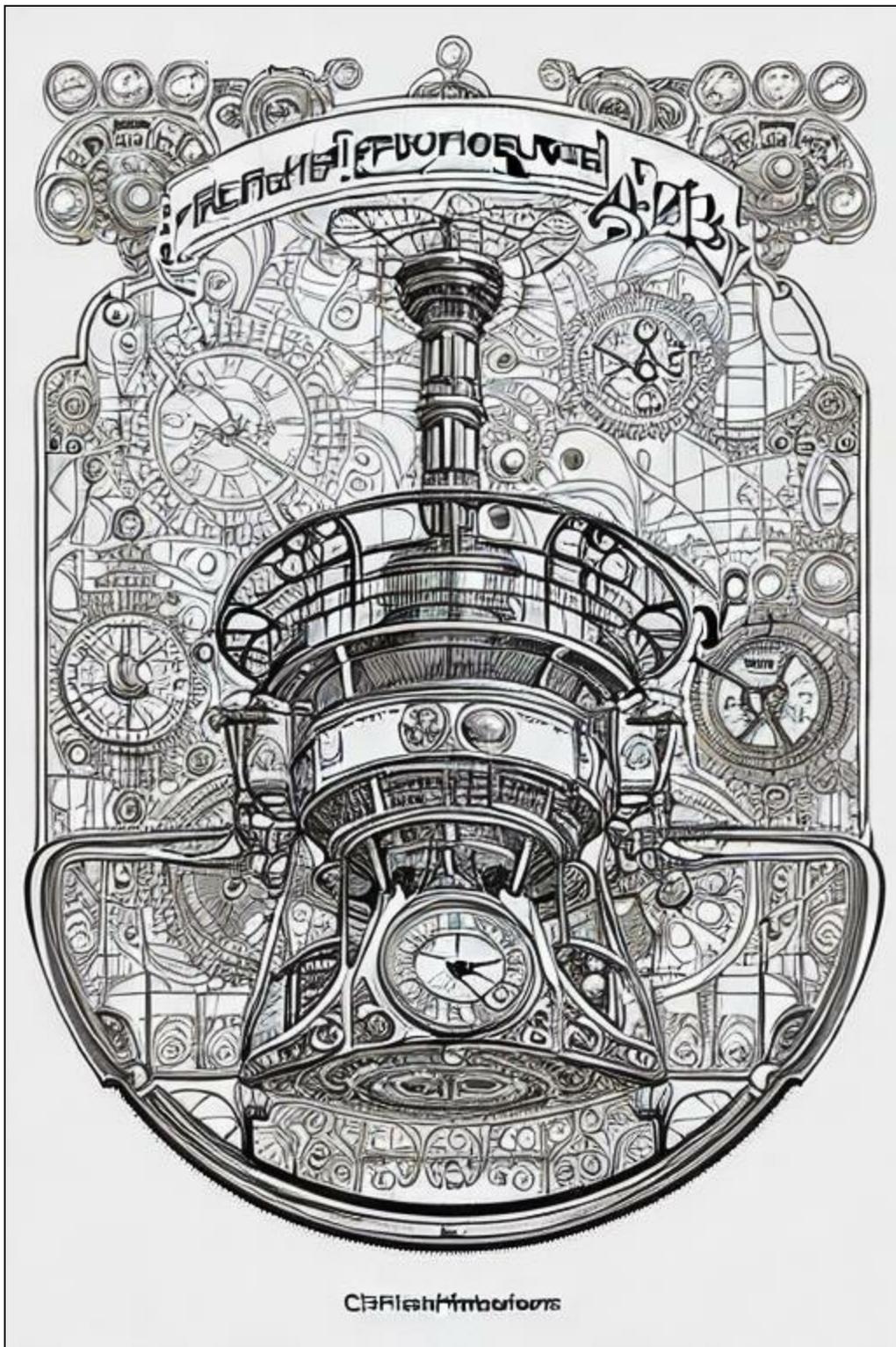
Глава 23

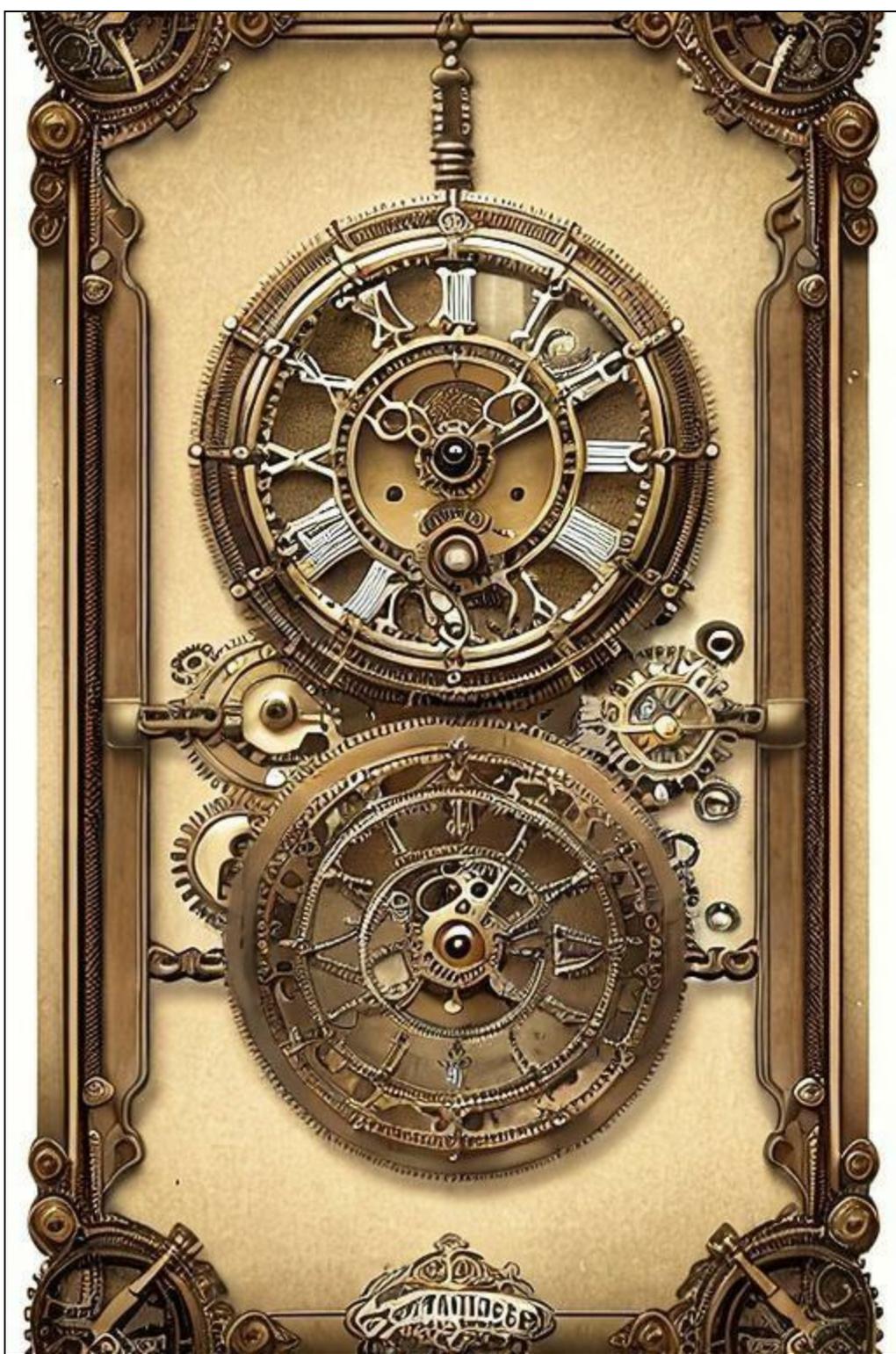
Мастер по изготовлению гогглов в Тамбове был всего один. Очки Клейста делал столичный оптик, а мои были местными. Имя мастера — Альфред Карлович Шнидт — было оттиснуто на подкладе гогглов. На лицевой же стороне блестела маленькая латунная табличка с фирменным знаком: несколько переплетенных треугольников. Явно символ, но значение его мне было неизвестно.



В лавку артефактора — не надо смеяться, именно так она называлась — я попал после долгих поисков. Со стороны улицы не было никаких вывесок, и чтобы обнаружить искомое, мне пришлось опросить не меньше десятка местных жителей. Как выяснилось, мне надо было войти в арку, после чего повернуть направо. Вывески над входом, как у других лавок, здесь не было. Только на двери была прикреплена табличка с тем самым символом — переплетенными треугольниками. Я толкнул дверь, украшенную изящной деревянной резьбой, сделал несколько шагов вперед под мелодичный звон колокольчика и застыл. После освещенной ярким солнечным светом улицы глазам потребовалось несколько секунд, чтобы привыкнуть к уютному полумраку магазинчика. А когда это случилось, я обомлел: вот оно,

тайное гнездо стимпанка!





В маленькой лавке стены были увешаны изображениями причудливых конструкций и странными, похожими на часы, механизмами. На полках красовались разнообразные устройства, так или иначе связанные с оптикой: увеличительные стекла, подзорные трубы в латунном корпусе, разного цвета и размера стеклянные шары, пирамидки и прочие вещи, знакомые и не слишком. Даже небольшой телескоп на треноге пылился в дальнем углу. Вот только гогглов не было видно. Ни одних.

От созерцания чудес меня отвлек равнодушный голос:

— Чего изволите?

Голос принадлежал молодому человеку, явно скучавшему за прилавком с книжкой. Он и сейчас не выпустил ее из рук, заложив страницу пальцем.

— Вот, — я продемонстрировал разбитые очки. — Мне необходимо их починить. Как

скоро это можно сделать?

— Это как Альфред Карлович скажет, — равнодушно отвечал продавец.

— В таком случае, не могли бы вы пригласить его для консультации?

— Не могу, — буркнул книголюб.

— Очень жаль, — скорбно произнес я, услышав где-то в глубине лавки шаркающие шаги. — Очень жаль, что гогглы работы Альфреда Карловича придется чинить питерскому мастеру Мефодьеву.

Мефодьев делал очки Клейста. На них тоже стояло клеймо мастера, откуда я и узнал фамилию столичного специалиста.

— Мефодьев? Кто сказал «Мефодьев»?

Из-за бархатной занавески, прикрывающей ход в глубину лавки, раздался стариковский надтреснутый голос.

— Не смейте упоминать это имя в моем присутствии! Разве он мастер? Халтурщик! Шарлатан!

Гневно сверкая глазами, в помещение ворвался невысокий щуплый старикашка. Одет он был в зеленые штаны, обтягивающие худосочные икры и кожаный жилет со множеством кармашков поверх явно дорогой шелковой сорочки зеленого цвета. В одной руке он держал линзу, в другой — сложную конструкцию, напомнившую мне лупу с обручем, которую часовщики надевают на голову. Только эта штука была неизмеримо сложнее. Наверняка и функции у нее были намного шире, нежели у простого увеличительного стекла.

Старикан подозрительно глянул на меня.

— А-а, Стриженов! — насмешливо произнес он. — Вы, наверное, пришли отдать долг? Хотя что я говорю! У вас на пансион-то хватает не всегда.

Та-ак, чего я еще о себе не знаю? Кому я еще задолжал?

— Здравствуйте, Альфред Карлович. Долг я, безусловно, отдам и прямо сейчас. Как вы предпочтете? Наличными или банковским чеком?

В глазах мастера плеснулось удивление.

— Разумеется, наличными. Кто знает, сколько там на вашем счете, — проворчал он.

Я извлек из кармана куртки бумажник.

— Напомните, пожалуйста, сумму.

— Двести одиннадцать рублей.

Я отсчитал деньги и подал их Шнидту. Тот некоторое время изучал купюры и, не найдя никаких подвохов, хмыкнул:

— Признаться, удивлен.

И повернулся, чтобы уйти.

— Подождите, Альфред Карлович! — остановил я его. — Я ведь пришел еще и по другому поводу. Вот, посмотрите.

И протянул разбитые очки.

Шнидт взял их, осмотрел, поцокал языком:

— Где это вас угораздило? Впрочем, что я спрашиваю — конечно, на гонках. Я возьмусь починить ваши гогглы за... — он почмокал губами, прикидывая, — примерно неделю. Это обойдется вам в сто пятьдесят рублей. Деньги, сами понимаете, вперед.

Я без разговоров достал из бумажника требуемую сумму.

— Извольте.

И прежде, чем хозяин лавки вновь соберется удалиться, поспешил добавить:

— Альфред Карлович, я хотел бы приобрести у вас еще одни гогглы. Но на витринах ничего не нашел.

— Еще бы! — хмыкнул мастер. — Такие вещи делаются исключительно на заказ. В тот раз вам несказанно повезло: один из клиентов отказался от уже готового прибора. Кроме того, за вас поручился господин Маннер.

— Н-да, не самое лучшее поручительство.

— Да что вы понимаете! Мальчишка!

Со мной уже давно никто не говорил в таком тоне, так что внезапная экспрессия Шнидта чуть не выбила из меня равновесия. Я уже готов был ответить резкостью на резкость, но тут меня посетила здравая мысль: мастер в Тамбове один. Если я сейчас с ним разругаюсь, то за очками придется ехать в столицы. Цены там наверняка побольше, нежели здесь, а качество не факт, что выше. Так что я прикусил язык вместе с готовыми вырваться словами. И произнес совсем не то, что хотел:

— Альфред Карлович, давайте оставим в покое Маннера. У нас с вами разные мнения об этом человеке, и спор наших разногласий не решит. Лучше вернемся к делам. Какие гогглы вы можете мне предложить? Я готов рассмотреть все варианты.

За следующие полчаса я узнал об оптике столько, сколько не рассказывали учебники и преподаватели в техникуме. И, в результате, проникся к старому мастеру уважением. Это же надо — держать в памяти десятки рецептов различного стекла, сотни всевозможных оптических конструкций и несметное множество нюансов, превращающих любое типовое изделие в шедевр.

Я сумел польстить Шнидту своим искренним восхищением его знаниями и мастерством, и в результате мы пришли к соглашению: он изготавливает мне наикрутейшие гогглы с небьющимися стеклами и некоторыми другими полезными примочками, а я отдаю за них совершенно смешные пять тысяч рублей.

Довольные сделкой, мы вышли из задних комнат, где проходили переговоры, в помещение лавки. Молодой человек опять сидел, уткнувшись в книгу, и увлекся чтением настолько, что не сразу заметил появление хозяина, за что тут же получил обстоятельный выговор. Судя по тому, как тоскливо вздохнул молодой человек, продлиться он должен был не менее четверти часа. Я же вынужден был стоять и выслушивать этот монолог, ибо уйти, не попрощавшись с хозяином, было в моем случае равнозначно оскорблению. К счастью моему и жертвы печатного слова уже на второй минуте прозвенел колокольчик у входа и мелодичный женский голос спросил:

— Кто оставил свою кучу металлолома на моем месте?

Я повернулся к вошедшей. У дверей стояла довольно высокая девушка в штанах и кожаной куртке, почти такой же, как и у меня. За пазухой торчали краги. Тонкая изящная рука стащила с головы кожаный шлем с гогглами, и я увидел прелестное создание: золотые чуть вьющиеся волосы, красивое лицо с твердыми тонкими чертами, серые глаза с длинными в меру подкрашенными ресницами — почти что ангел. Фигуру скрывала мешковатая одежда, но в душе зрела уверенность, что тело, как минимум, не хуже лица. Воплощенная мечта гонщика, если бы не брошенная с порога фраза. Не люблю хамов. И хамок тоже.

Воспользовавшись тем, что появление девушки прервало разнос, учиненный нерадивому продавцу, я распрощался со Шнидтом и вышел на улицу. В арке, перегораживая выход, стоял небольшой мобиль. Не вуаретка, на каких зачастую любили разъезжать дамы, а вполне

полноценный аппарат. Кажется, я видел его совсем недавно. Только вот где — не помню.

Девушка вышла следом. Глянула на меня, фыркнула, затем прыгнула за руль мобиля и шустро сдала назад, освобождая мне дорогу. Я не стал заставлять ее ждать, оседлал мотоцикл и дал пару.

Победу праздновали широко, с размахом. Накануне все умаялись, да и происшествие после финала вышибло из колеи как детей, так и взрослых. Утро же, как водится, оказалось мудренее вечера, и процесс пошел. Девки расстарались: напекли целую гору пирогов со всяческой начинкой. Я же, покинув лавку артефактора, оседлал железного коня, прошвырнулся по лавкам и привез мешок разнообразных вкусовостей да несколько бутылок: вино для нас с Клейстом и сидро для детей. Когда же все расселись за новым большим столом, накрытым нарядной скатертью, да на новенькие красивые стулья, я поднялся, разлил по новеньким бокалам что кому положено и произнес краткую речь:

— Спасибо всем. Вчерашняя победа в гонке — это заслуга всех нас. Не только меня, но и Николая Генриховича, и Мишки, и вас, девчата. Я точно знаю, что в одиночку бы ни за что не справился. Так что — за нас. За нашу общую победу.

А потом — понеслось. Девчонки наперебой рассказывали свою версию гонки — то, что они смогли увидеть. Клейст, по большей части, превозносил мой талант гонщика. Не скрою, было приятно. Но еще было ощущение того, что я не вполне заслужил эти похвалы. А Мишка большей частью молчал. Я поначалу встревожился: мало ли что с парнем случилось. А потом разглядел: он улыбается. Просто сидит и отходит душой ото всех бедствий, что выпали на его семью. Поверил, наконец, что черная полоса кончилась и впереди замаячило какое-никакое светлое будущее. Поверил, что он теперь не один, что и за него есть кому заступиться. Вот и хорошо, я только рад.

Под занавес я устроил награждение. Раз приз зарабатывали вместе, значит, и награду нужно поделить на всех.

Сестрам раздал по серьгам. Недорогие серебряные сережки с мелким полудрагоценным камушком. Девчонки были в восторге. Скакали чуть не до потолка. Правда, оказалось, что уши не проколоты ни у одной, ни у другой. Но это дело поправимое, а сережки — вот они, в кулачке зажаты.

Мишке презентовал часы. Дорогие, наручные. И гравировку на них сделал: за храбрость. Пацан старательно хмурился, пытался выглядеть взросло и серьезно, но на лицо его упрямо вылезала улыбка от уха до уха. Этот подарок тоже оказался с подвохом: пользоваться часами мальчишка не умел, так что придется его учить.

А механику я вручил чек на пять тысяч рублей. И это оказалось сложнее всего: пришлось проявлять чудеса дипломатии, чтобы убедить его взять эти деньги. Наконец, уже почти отчаявшись, я предложил:

— Николай Генрихович, а давайте мы с вами составим товарищество. Назовем его... ну, скажем, «Молния». Почему молния? Потому, что ее можно нарисовать на борту нашего будущего мобиля. Попробуйте нарисовать успех или скорость. Выйдет? А молния — запросто.

Клейст, помедлив, кивнул.

— И вот этот приз вложим в дело как основной капитал нашего товарищества. Согласны?

На этот раз механик молчал дольше.

— Владимир Антонович, — наконец, произнес он. — Вы действительно считаете мой вклад таким значительным?

— Действительно, — ответил я, ничуть не покривив душой.

— И вы действительно думаете, что мое участие в вашем проекте действительно необходимо?

— Я в этом уверен. У вас, хоть и незаконченное, но высшее образование. Вы без пяти минут инженер. А я окончил лишь училище. Я гонщик, практик. Я чувствую, понимаю, что нужно изменить в конструкции мобиля. Но как это сделать наилучшим образом, сказать затруднюсь. И здесь без вас никак не обойтись. Решайтесь же!

Я протянул Клейсту руку, и тот, хоть и не слишком уверенно, пожал ее.

— А теперь давайте выпьем за наш союз.

Мы с Клейстом с самого утра начали потихоньку разбирать его разбитый мобиль, попутно отмечая в специально заведенной тетради, где и что нужно будет переделать. Работа неторопливая, творческая, вдумчивая. Заодно в отдельном блокноте я записывал свои мысли о недостающем в мастерской оборудовании, приспособлениях и оснастке. Хотелось лебедку, подъемник, набор пневмоинструмента и еще кучу всяких очень специальных мелочей. И вот на самом интересном месте, когда мы сняли кузов и полезли непосредственно к агрегатам, в ворота постучали.

— Машка, глянь: кто там? — крикнул я.

Через пару минут от ворот донесся звонкий девчачий голосок:

— Дядь Володя, тут к тебе господин пришел.

Делать нечего, пришлось отрываться от работы (Клейст понимающе кивнул), снимать рукавицы, умываться и идти встречать гостя.

Господином оказался посыльный. Мужичок важного вида, в хорошем костюме, но — слуга. Посыльный, поморщившись, глянул на мой уляпанный маслом рабочий комбинезон, передал узкий длинный конверт и тут же удалился. В конверте на листе дорогой веленовой бумаги, разве что без герба, было приглашение на обед в дом купцов Крашенинниковых в ближайший четверг в восемнадцать ноль-ноль. Кто такие Крашенинниковы, я не знал. И стоит ли идти к ним, тоже не знал. Я пожал плечами, отнес приглашение в дом и вернулся к работе.

По сравнению с древней колымагой Игнатьева, мобиль Клейста был намного сложнее. Нет, я бы, в конце концов, справился, но провозился бы куда больше недели. И как же хорошо, что сейчас рядом со мной был опытный механик, съевший не одну собаку на этих конструкциях. И вот едва мы с этим самым механиком открутили парогенератор и потащили железяку на стеллаж, как в ворота снова начали долбиться. Через пару минут в сарай, где мы возились, заглянула Машка.

— Дядь Володя, там опять к тебе! — проинформировала она и скрылась.

Пришлось снова умываться, снова идти встречать. На этот раз визитер был действительно господином, а не слугой. Он пригнал свой древний аппарат вроде старого игнатьевского и хотел, чтобы я преобразовал его в что-то более интересное. Ну что ж, вполне можно взяться. Я сходу зарядил пять сотен за работу авансом плюс оплата запчастей. Заказчик подумал, и согласился. Закатил свой драндулет во двор и пешком отправился в обратный путь. Я подумал и решил, что займусь им завтра, а сейчас надо закончить начатое. Но не успел я дойти до сарая, как со стороны ворот снова раздался стук. Пришлось возвращаться.

Я и прежде не страдал от избытка свободного времени. Его просто не было. С утра и до вечера я возился с мобиллями, обустраивал дом, мотался по городу, улаживая различные дела. Но сегодня словно прорвало: чуть не каждые полчаса, а то и чаще, раздавался стук в ворота и появлялся либо посыльный с письмом, либо очередной клиент, желающий радикально улучшить свой раритетный мобиль. Приходил даже один клерк из муниципалитета с предложением заключить контракт на ремонт казенных мобилей по аналогии с больницей. Это было чревато разборками с конкурентами, но, поразмыслив, я решил не отказываться. Разборки эти рано или поздно возникли бы, а на всякий пожарный случай у меня есть

«бульдог» и возможность обратиться к Золотому, пусть даже за деньги. Вот только работа при этом стояла. Клейст не самый сильный человек на свете, и, к примеру, снять с рамы чугунную тушу паровой машины в одиночку ему точно не под силу.

Поначалу я даже радовался: клиент повалил, заказов имеется на месяц вперед. Но уже после обеда начал звереть, а к вечеру был готов сперва стрелять, а уже после смотреть, кто пришел. Когда в ворота постучали в очередной раз, я, не настроенный особо соблюдать этикет, рыкнул:

— Кого там черт несет?

И получил в ответ:

— Откройте, полиция.

Мою агрессию как рукой сняло. Пугаться оснований не было, грехов я за собой не помнил. Но вот хамить представителю власти точно не стоило.

За воротами обнаружились мобиль и городской. Кажется, один из тех, кто тогда, на гонках, прибежали на звуки выстрелов.

— Стриженов Владимир Антонович?

— Он самый.

— Вот повестка, извольте завтра в два часа пополудни явиться в полицейское управление к старшему инспектору Боголюбову Платону Сергеевичу.

Я пожал плечами.

— Хорошо, явлюсь. А по какому поводу?

— Не могу знать.

Городской козырнул, взобрался на мерно пыхтящий мобиль и укатил.

Какое-то время я стоял в проеме калитки, раз за разом перечитывая казенные строки: господину Стриженову... предписано явиться... Наверное, я все же устал за день от этого калейдоскопа лиц, а визит полиции стал финальным ударом по раздерганной психике.

Сделав этот эпохальный вывод, я отлепился от ворот и уже собрался уйти во двор, как увидел еще один мобиль выворачивающий из-за угла. Не узнать его было трудно: он такой один не то, что в Тамбове, а, пожалуй, и во всей России. Еще бы, я ведь сам его делал.

Аппарат подкатил к воротам, из него выбрался журналист Игнатъев.

— Добрый вечер, Владимир Антонович, — жизнерадостно произнес он.

— Здравствуйте, Федор Иванович. Чем обязан вашему визиту?

— Ну что вы разу так? — добродушно ухмыльнулся Игнатъев. — Могу я, в конце концов, просто так заехать к своему хорошему приятелю?

— Можете, конечно, отчего ж нет. Чаю хотите?

— А вот не откажусь. Ведите в свои хоромы.

— Машка, Дашка, ставьте чайник! — распорядился я. — И стол к чаю накрывайте. Если чего не хватает — сбегайте сей же час в лавку.

Девчонки засуетились, заметались между кладовками и столом, и через десять минут мы с Игнатъевым уже сидели за столом в комнате, которую с некоторой натяжкой можно было назвать гостиной. Ну да, в ней не было напольных часов и курительной зоны, зато был большой стол под белой скатертью, красивые обтянутые гобеленом стулья и хороший буфет, уставленный посудой.

— А вы неплохо обжились, Владимир Антонович, — заявил Игнатъев, осмотревшись. — Вполне основательно и даже, знаете, уютно.

— Это все женская рука. У них, у женщин, такие вещи в крови, даже у столь

малолетних.

— И в этом вопросе вы умудрились устроиться, — подпустил шпильку журналист.

Пришлось нахмуриться:

— Осторожней на эту тему, Федор Иванович, я ведь подобных шуток могу и не понять.

— Простите великодушно, — тут же сдал назад Игнатьев. — Не имел в уме ничего плохого. А чай у вас хорош.

— Так для себя же покупаю. И баранки берите, свежие. Еще недавно теплыми были. Вы, как будто стесняетесь? Напрасно, себе же делаете хуже.

Я, как радушный хозяин, потчевал, а гость, в свою очередь, отдавал должное угощению. Через некоторое время чай был отставлен в сторону, и мы перешли к делам. В то, что Игнатьев приехал без причины, я не поверил сразу. Этот человек просто так вообще ничего не делает, даже если он сам думает иначе. Я оказался прав: он достал из кармана сюртука длинный узкий конверт. У меня от этого действия аж глаз дернулся. Это не укрылось от Игнатьева.

— Что с вами, Владимир Антонович, — обеспокоенно проговорил он, наклонившись ко мне.

Я только рукой махнул:

— Видите, на подоконнике? Целая груда подобных конвертов. И все за сегодняшний день. Какие-то незнакомые мне люди приглашают на званые обеды, на семейные ужины. Мало того, что всю работу сегодня сорвали, так еще и озадачили презрительно: я просто не знаю, что с этим всем делать. С балом и баронессой было понятно: статусная вечеринка, не пойти нельзя без ущерба для репутации. А тут не пойми кто, не пойми что...

— Можно поглядеть эти приглашения? — поинтересовался журналист, убирая свой конверт на край стола.

— Да пожалуйста.

Я сгреб с подоконника ворох бумаг и передал их Игнатьеву.

— Та-ак... — забормотал тот. — Крашенинниковы — богатый купеческий род; Кулагины — так, середнячки; Лаврентьевы — вообще наглые выскочки; Угорины имеют некоторые интересные связи, но в целом ничего особенного. Травины...

— Что Травины? — насторожился я, услышав девичью фамилию матери.

— Дворянский род, практически вымерший. Насколько мне известно, сейчас род возглавляет бастард, признанный стариком Травиным чуть ли не на смертном одре. Но денег у них нет, состояние было промотано, имения заложены и перезаложены. Только и осталось, что немного земли, титул и гонор, не меньший, чем у польских панов.

— Тогда тем более не интересно.

— Ну почему же? Могут предложить неплохую партию с условием введения вас в род. Вы получаете титул, возможности, знатную супругу...

— И долги, накопленные последними тремя поколениями, — продолжил я. — Плавали, знаем.

— Где плавали? — не понял журналист.

— А-а, не берите в голову. Это так, присловье и не более того.

— Как скажете. В общем, изо всех этих приглашений реальный интерес могут представлять разве что Крашенинниковы. А остальные — мелочь. Кроме Травиных, конечно. Но ваше предположение о долгах, скорее всего, верно.

— Хорошо. А что им всем, кроме Травиных, от меня надо?

— Как же! — засмеялся приятель. — Вы ведь теперь завидный жених, а в этих семьях дочки на выданье.

— Но я-то не собираюсь жениться, по крайней мере, еще пару-тройку лет. Да и насчет завидности у меня есть большие сомнения.

— Какой вы, право, наивный, Владимир Антонович. Загибайте пальцы. Известный человек, иметь такого в числе родственников престижно — раз. В наличии свой бизнес, независимый источник дохода. То есть, сам сидеть на шее не будет, да и супругу с детьми прокормит — два. Капитал солидный имеется — три.

— Какой такой капитал? — недоуменно спросил я.

— Ну Владимир Антонович, — насмешливо произнес журналист. — Все ведь знают размер главного приза недавних гонок. А тридцать тысяч сумма весьма солидная. Если положить в банк, то на одни только проценты можно жить. Без особых излишеств, конечно, но вполне прилично. Но давайте считать дальше. Вхожи в высшее общество, поскольку абы кого на бал к Сердобиной не зовут, а через вас можно и других членов семьи продвинуть — четыре. Ну и, в конце концов, вы интересный, здоровый, физически крепкий мужчина, что подтверждается помещицей Томилиной — пять.

— Да что у вас все об этой Томилиной! — вспыхнул я. — Сколько можно!

— Успокойтесь, успокойтесь, — смеясь, замахал руками Игнатьев. — Больше не стану, честное слово. Если только вы сами новый повод не дадите.

Я хотел было сказать «не дождетесь», но вовремя одумался: кто знает, что и как может пойти. Вон, безобидный, казалось бы, танцевальный вечер у баронессы, а что в итоге вышло — даже вслух произнести неудобно. Не сказать, чтобы мне от этого было неловко, но в итоге репутация у меня складывается та еще.

— Так вы считаете, что стоит сходить к этим Крашенинниковым?

— Считаю, да. Этот визит вас ни к чему не обязывает, но от них может поступить какое-нибудь интересное предложение. Остальные — это как вам будет угодно. Не тот у них масштаб, чтобы иметь право на обиды. Травины разве что...

— А что Травины? Сами говорите: захудалый обнищавший род.

— По правде сказать, единственный резон идти к ним — потенциальная возможность получить их дворянский титул. Но если вам это неинтересно, то, действительно, и смысла в этом визите нет. И давайте уже я перейду к своему конверту.

— Давайте.

Игнатьев поднялся, взял свой конверт в руки. Поднялся и я, ощущая важность момента. Принял протянутый мне конверт и, не распечатывая, посмотрел на гостя. Тот вдруг стал донельзя серьезным, и торжественным голосом объявил:

— Я уполномочен уведомить вас, Владимир Антонович, о том, что Тамбовский клуб гонщиков не далее, как вчера единогласно постановил принять вас в его члены. В конверте находятся удостоверение члена клуба и приглашение на ближайшее собрание.

И уже нормальным голосом добавил:

— Есть такой момент: для членства необходим вступительный взнос. Его необходимо будет уплатить при первом посещении клуба, так что имейте это в виду и будьте готовы.

Мы с Клейстом сидели в сарае. На устроенных вдоль одной из стен стеллажах были разложены детали мобиля. Рама была прислонена к противоположной стене.

— Ну что, Николай Генрихович, как мы будем строить новую машину? — спросил я

механика, доставая тетрадь с нашими записями.

— Вы хотите именно создать новую? — переспросил Клейст.

— Знаете, поначалу я думал просто добавить к вашему бывшему мобилю несколько новшеств, которые могли бы дать преимущество. Но последняя гонка показала, что это не даст нужного эффекта. На старой платформе можно отрабатывать отдельные узлы, но все вместе надо будет собирать на совершенно новой машине. И знаете, с чего бы я хотел начать? С тормозов.

— С тормозов?

— Именно. Причем тормоза должны быть обязательно ножные, то есть, управляемые педалью, и непременно гидравлические. Вы ведь изучали гидравлику в университете?

— Изучал. Но зачем? Сейчас есть прекрасные ленточные тормоза. Уже не нужно с такой силой тянуть рычаг, даже дамы вполне могут с ним управиться.

— Но при этом приходится убирать одну из рук с руля. Ладно бы, в этот момент мобиль ехал по прямой. Но ведь он зачастую в этот самый момент входит в поворот, и двумя руками контролировать руль намного удобнее и безопаснее.

— Это так.

— Кроме того, сейчас тормоз работает только на одно колесо из четырех, максимум — на два. И происходит это потому, что очень трудно синхронизировать тормозное усилие на разных колесах. А в гидравлической системы давление жидкости будет всегда одно и то же, и можно будет устанавливать тормоза хоть на все колеса сразу. Соответственно, для человека, управляющего мобилем, усилие нажатия на педаль уменьшится, а эффективность торможения увеличится. И тогда на прямом участке можно будет сильнее разгоняться, и при этом успеть затормозить перед поворотом. Я могу понять, почему не делали этого раньше: не было надежных материалов для уплотнений, а кожа здесь не годится. Но сейчас есть искусственный каучук, и он вполне подходит.

Клейст замолчал минут на пять. Я терпеливо ждал. Наконец, он встрепенулся:

— Знаете, Владимир Антонович, а ведь это вполне может получиться.

— Вот и займитесь черновыми набросками, а я съезжу в полицию. Вызывают. Наверняка опять из-за моей стрельбы на гонках.

— Здравствуйте, здравствуйте, Владимир Антонович, — поднялся мне навстречу Боголюбов.

Я пожал протянутую мне руку. Судя по началу, немедленный арест и пожизненная каторга мне не грозят.

— И вам доброго здоровья, Платон Сергеевич. Вот, — я протянул ему повестку.

Старший инспектор взял у меня из рук казенный бланк, мельком глянул и небрежно бросил его на край стола.

— Садитесь, Владимир Антонович. А что касаясь бумаги, то не переживайте. Это лишь простая формальность. К тому же, — изволил пошутить хозяин кабинета, — иначе ведь вас из вашего медвежьего угла не вытащишь. Вот в Петербурге, говорят, новинка появилась — телефонная связь. Была бы у нас такая, без бумажки бы обошлись. Опять же, сплошная экономия: и сотрудники преступников ловят, и мобили гонять не надо.

— Интересно, я бы себе с удовольствием такой аппарат установил.

— Ну, даст бог, и к нам эти новации доберутся. Но я не о том хотел с вами поговорить. Скажите, почему вы велели своему подопечному мальчишке охранять мобиль?

— Считайте это предчувствием. Как специалист и непосредственный участник я совершенно точно могу сказать, что виноват в той аварии гонщик «Скорости». Слишком грубо, слишком небрежно он управлял своим мобилем. Подтверждением тому является отсутствие каких-либо следов столкновения или даже касания на моем аппарате. С Маннером я в контрах, с господином баронетом тоже имел счастье столкнуться, и впечатление от этой встречи у меня осталось удручающее. Зная нрав Маннера, я предположил, что при попустительстве, а то и при содействии Вернезьева он может попытаться обвинить меня в преднамеренной организации аварии с целью устранения соперников. И на этом основании потребовать отмены результатов и лишения меня приза. Но для этого нужно было имитировать на моем мобиле следы столкновения. Вот я и поставил мальчишку на пост. Честно говоря, я не думал, что кто-либо отважится вот так, при всем честном народе фабриковать улики. К сожалению, оказалось, что я слишком хорошо думаю о людях.

— Что ж, выглядит вполне логично. — высказался Боголюбов. — Вы не курите?

— Нет, не пристрастился.

— А вот я, с вашего позволения, закурю.

Боголюбов вынул из ящика стола коробку дорогих папирос «Дюшес», выбрал одну, примял мундштук и чиркнул спичкой, прикуривая. Затянулся, выпустил струю сизого дыма — в сторону, щадя мое обоняние. Стряхнул пепел в изящную бронзовую пепельницу и продолжил беседу.

— Драку рядом с мобилем видели многие. Очевидцы подтверждают, что напавший на мальчика человек был вооружен ножом. Есть и фотографические карточки, запечатлевшие это. Так что применение вами оружия полностью оправдано. Вот только самого человека схватить не удалось.

— Как же так? Я в него две пули всадил! Даже видел, куда попал.

— Да? А из чего вы стреляли?

Я извлек из кармана револьвер.

— «Бульдог»? Тридцать восьмой калибр? Понятно. Выбросьте его и купите что-нибудь попримличнее. Тем более, что если ваши подозрения верны, то, как минимум, Маннер будет всячески пытаться вам напакостить. А если тут еще и Вернезьев замешан, то ждите больших неприятностей.

— А что такого с Вернезьевым?

— Во-первых, он баронет. То есть, он выше вас по сословной иерархии, и если в суде встанет его слово против вашего, то слушать будут однозначно его. И не приведи вас господь оскорбить его действием. В этом случае тюрьма вам гарантирована, если только не будет настолько очевидных и однозначных свидетельств его вины, что самый предвзятый суд не сможет закрыть на них глаза. Во-вторых, насколько я знаю, он сейчас весьма стеснен в средствах и очень рассчитывал на этот приз. Кстати говоря, его настойчивые ухаживания за баронессой Сердобиной продиктованы, в первую очередь, желанием прибрать к рукам ее капитал, и тем поправить свои дела. Так что ваши подозрения имеют под собой вполне серьезные основания. Если бы вас удалось обвинить в аварии, то Вернезьев и Маннер поделили бы приз пополам и были бы этим весьма довольны. У Маннера-то дела тоже неважные.

— Да, я слышал об этом. А какой револьвер вы посоветуете? Из небольших, карманных, но такой, чтобы в следующий раз бандиты не могли убежать с пулей в спине.

— К примеру, американский «Кольт» модели «Detective special». Шестизарядный револьвер тридцать восьмого калибра, очень неплох.

— А есть ли смысл менять шило на мыло? «Бульдог» тридцать восьмого калибра и «Кольт» такой же.

— Сразу видно, что вы в оружии не разбираетесь, — поучительно произнес Боголюбов. — «Бульдог» был разработан в стародавние времена, когда в ходу еще был дымный порох. Дымарь намного слабее современных составов, и вполне подходил для тогдашней не слишком качественной стали. Если засыпать в патрон «Бульдога» полную навеску даже пироксилина, револьвер просто разорвет. А нынешние пороха еще мощнее. В патроне «Кольта» как раз имеется полноценный заряд мощного пороха, и даже при таком коротком стволе убойная сила оружия весьма высока. Правда, попасть в цель вы сможете на расстоянии не более десяти метров, и то после достаточного количества упражнений.

— Да мне, как показывает практика, больше и не нужно.

— Ну смотрите, вам виднее. А то возьмите «смит-вессон», или револьвер Нагана. С ними можно и на двадцать пять метров попадать вполне уверенно.

— Что ж, спасибо вам за советы. У вас есть еще какие-то вопросы, или я уже могу идти? Дела, знаете ли.

— Нет, вопросов у меня к вам не осталось. А вот подпись ваша на бумагах нужна. Извольте оставить свой автограф вот здесь, здесь и здесь.

Я быстро просмотрел документы и не нашел в них ничего подозрительного. Вынул из кармана самописку и расписался в указанных местах.

— Вот теперь все, Владимир Антонович, можете быть свободны.

Мы поднялись. Я протянул руку, инспектор пожал ее и задержал в своей.

— Владимир Антонович, я знаю, что вы человек занятой не меньше моего. Но постарайтесь найти время вечером пятницы. Моя супруга очень хочет с вами познакомиться лично. Вот, возьмите визитку и непременно приходите часам к шести. Наша кухарка готовит исключительно вкусную заливную осетрину. И ради вашего визита особенно расстарается.

Я покинул кабинет инспектора, не очень понимая, для чего меня вызывали. Выслушать показания из первых рук? Подписать бумаги? Или все это было ширмой, а главной причиной было желание лично пригласить на обед, да так, чтобы я не мог отказаться? У него что, тоже есть дочери на выданье? Ломать голову об этом не хотелось. Как-то так вышло, что в прошлой жизни осетрины мне попробовать так и не довелось. Ну да ничего, здесь наугощаюсь.

Раз уж все равно пришлось выехать в город, я взял мобиль Сердобиной с расчетом отогнать его хозяйке. Я предполагал просто передать его прислуге и оставить баронессе небольшую записку. Однако все вышло иначе. В прихожей особняка я попросил лист бумаги. Присев за столик, быстро набросал послание и передал его мажордому.

— Господин Стриженев, — сказал тот, приняв записку, — не угодно ли вам будет обождать несколько минут на случай, если баронесса захочет вам ответить?

Вопрос был задан таким образом, что подразумевал только положительный ответ. Пришлось ждать.

Минут десять я вышагивал взад-вперед по холлу, разглядывая прихотливые завитушки на перилах лестницы, да портреты неизвестных мне людей. Наконец, мажордом, степенно вышагивая, спустился вниз, приблизился на положенное расстояние и важно произнес:

— Баронесса просит вас присоединиться к ней за чаем.

Хорошо, что у меня под кожаной курткой был надет вполне приличный пуловер. Я оставил шлем и верхнюю одежду прислуге и следом за мажордомом прошел в небольшую гостиную. Помещение было абсолютно нейтральным и по обстановке, и по цветам отделки. Да, красиво. Да, обставлено со вкусом. Но и только.

Вошла служанка, вкатила столик, накрытый для чая на две персоны и тут же испарилась, плотно прикрыв за собой дверь. Еще минуты через две по моим внутренним часам двери в дальнем конце комнаты открылись, пропуская хозяйку, и закрылись, едва она вошла. Я поднялся навстречу, втайне любясь женщиной. Она была чудо как хороша в бальном наряде, блистательна на той памятной вечеринке. Но и сейчас, когда косметики и украшений на ней был минимум, прическа — самая простая, да и домашнее платье было довольно скромным, она притягивала взгляд.

— Здравствуйте, Александра.

— Здравствуйте, Владимир.

Женщина улыбнулась мне, но как-то неуверенно. Сейчас, когда она подошла ближе, стало заметно, что она, как минимум, сильно взволнована, но старательно прячет это.

— Позвольте за вами поухаживать, — галантно предложил я.

Ответом мне был одобрителный кивок.

Я пододвинул стул, помогая хозяйке сесть за стол, наполнил её чашку чаем — наверняка, наилучшим из доступного, налил себе и сел напротив.

— Вы хотели меня видеть, Александра.

— А вы разве не хотели увидеть меня? — ответила она вопросом.

— А разве в этом вопросе мое желание имеет значение? — вернул я вопрос.

— А разве нет?

Кажется, в такую игру я не смогу играть на равных с баронессой. А она лишь забавляется, видя и понимая это. Придется говорить прямо.

— Я не вправе рассчитывать на ваше внимание. К сожалению, мы живем в мире, где

титул, статус означает все. Я мещанин, вы — баронесса. Мы принадлежим к разным сословиям, и я не могу претендовать на что бы то ни было по отношению к вам. Это в пьесе Лопе де Веги воля драматурга вознесла секретаря в графы, но и то — путем обмана. А в жизни это, боюсь, невозможно.

— Де Вега?

— Ну да, — ответил я, вдруг осознав, что в этом мире такого драматурга могло и не быть. Или был, но не стал известен. Или не написал свою знаменитую пьесу. — Кажется, его вещица называется «Собака на сене».

Баронесса ненадолго задумалась, потом лицо ее осветилось пониманием.

— Кажется, я вспомнила. Эту пьесу ставили в столице под названием «Графиня де Бельфлор». Да, забавная комедия. Но вы не вполне правы, Владимир, в наше время сословные границы далеко не столь суровы.

— Тем не менее, если вы намекаете на любовную связь, то вам этого наверняка не простит свет, а если о браке — вы теряете баронство и все доходы от него.

Сердобина чуть поморщилась, выражая свое отношение то ли к самой идее брака, то ли к моей манере выражаться чересчур откровенно.

— Что вы, Владимир, так далеко мое воображение не заходило. Но простая человеческая дружба между нами ведь вполне возможна, не так ли?

Дружба ли? Скорее, противовес баронету. В таком случае, меня хотят просто использовать, удерживая рядом смутными обещаниями, да мелкими знаками внимания. Конечно, если бы я имел титул, хотя бы, просто личное дворянство, разговор пошел бы совершенно иной, но играть придется теми картами, что были сданы изначально.

— Как говорил один очень умный человек, с наступлением ночи дружба между мужчиной и женщиной сильно ослабевает.

— Грубо, — опять поморщилась женщина, — и пошло.

— Зато верно. Видите ли, Александра, мне от вас ничего не нужно. Да, вы красивы, и мне доставляет удовольствие видеть вас, любоваться чертами вашего лица, линиями тела, пусть и скрытыми одеждой. Вы умны, и мне нравятся наши беседы, а уж танцы...

Я мечтательно прикрыл глаза.

— Но из ваших слов я вижу, что как раз вы чего-то от меня хотите, но при этом не желаете ничего объяснить впрямую. Дружба же, как я ее понимаю, подразумевает известную открытость помыслов. И не допускает использование друзей в своих целях без их ведома.

— Да, танцы! — поспешила сменить тему моя собеседница. — То, что произошло со мной на той вечеринке... Я хотела бы принести вам свои извинения, поскольку не смогла до конца исполнить обязанности хозяйки.

— Не стоит извиняться за естественные поведение тела. Конечно, такая реакция на танец, пусть и настолько чувственный, как танго, удивительна. Я никогда не встречался с таким, и даже не слышал ни о чем подобном. Но это лишь физиология, и ничего более.

Щеки женщины покрылись ярким румянцем.

— Но вы... вы знаете, что это было?

— Знаю.

— Тогда объясните мне, — решительно потребовала она.

— Вы действительно хотите услышать это от меня? Трудно поверить, что вы не распознали эти ощущения. Еще более трудно поверить в то, что никто — ни служанки, ни доктор, ни даже ваша подруга — не открыли вам глаза. Хотя госпожа Дорохина прекрасно

поняла, что с вами произошло.

— И, тем не менее, я настаиваю. Я сейчас искренна с вами. Уверяю, я впервые испытала это чувство, и нахожусь в полнейшей растерянности. Я не знаю, что это было и не понимаю, как к этому относиться.

Баронесса сидела, положив на стол скрещенные руки, ожидая моего ответа. Я же недоумевал: неужели никто из ближайшего окружения так и не удосужился объяснить женщине такие простые вещи? Это казалось диким, в это не хотелось верить, но факты — штука упрямая. Я инстинктивно потянулся было взять ее за руку, но тут же опомнился. Отдернул руку и, кажется, сам покраснел от возникшей неловкости. Тянуть дальше было некуда, я глубоко вдохнул и начал говорить:

— Я тоже несколько растерян и смущен. Мне прежде не приходилось просвещать женщин в подобных областях. Но поскольку вы настаиваете, извольте: вы испытали оргазм. Надеюсь, вы понимаете значение этого слова.

Откровенно говоря, такой реакции я не ожидал. Предполагал смятение, стыд; в конце концов, облегчение от разрешения мучившей женщину загадки. Но нет: на лице баронессы отразился страх, даже паника.

— Что с вами, Александра? — обеспокоенно воскликнул я. — Насколько я знаю, в обществе это происшествие восприняли достаточно нейтрально.

— Нет, вы не понимаете. О боже, какой позор!

Она закрыла лицо руками.

— Нет, это невозможно... Ужас! Словно какая-то девка... Какой позор!

— А в чем позор-то? — не выдержал я. — Совершенно нормальная реакция здорового женского организма. Да, несколько несвоевременная. Да, обстоятельства ее проявления необычны. Но и только!

Но мои разумные доводы, похоже, не доходили до баронессы. Она сидела за столом, отрешившись от всего, слегка раскачиваясь из стороны в сторону и без конца шептала:

— Позор! Позор!

Я откровенно не знал, что делать. Память подкинула слышанные некогда рассказы о нравах высшего света, о викторианских правилах. Как по мне, это был полный беспредел. Детей, особенно девочек, воспитывали в полном неведении о сексе. И молодая жена, увидев перед первой брачной ночью волосатые ноги супруга, могла упасть в обморок. Женщина, прожив в браке несколько лет, вполне могла оставаться девственной и считать это нормой. Был случай, когда женщина на восьмом месяце беременности не понимала, каким образом будет выходить ребенок. Вот где ужас! И теперь все дерьмо, которое с малолетства лили в уши Сердобиной, будет отравлять ее жизнь. А, учитывая изощренную женскую логику, можно опасаться, как бы она с собой что-нибудь не сотворила!

Внезапно баронесса вскочила, едва не уронив стул, на котором сидела, и кинулась прочь. Попыталась кинуться. Отпустить ее в таком состоянии было совершенно невозможно. Я тоже вскочил, нагнал женщину и, схватив ее за плечи, повернул к себе. Даже сейчас, с опухшим, залитым слезами лицом, с покрасневшими глазами, она была неопишимо красива. Я удерживал ее силой, стремясь этим загасить начинающуюся истерику и говорил, надеясь, что если не слова, то просто звучание моего голоса подействует успокаивающе.

— Послушайте, Александра. Я не знаю, что вам наговорили безграмотные врачи и свихнувшиеся на морали гувернантки. Но имейте в виду, что это всё глупости, выдумки ханжей и полнейшая чушь. Плотская любовь должна приносить радость и доставлять

удовольствие всем, и мужчине, и женщине. Только тогда она превращается в что-то действительно стоящее. Видимо, вы просто-напросто чувствительная и страстная натура, если наш танец смог подействовать на вас таким образом. Это не постыдно — получать телесное удовольствие от соединения мужчины и женщины. Так изначально заложено в нас природой, Дарвиновской эволюцией, богом, если хотите. И преступно отказываться от божественного дара из-за глупейших предрассудков, порожденных невежеством и ханжеством.

То ли мои слова все-таки оказывали свое действие, доходя до разума женщины, то ли была еще какая-то причина, но она перестала вырываться у меня из рук.

— Александра!

Она подняла голову, глядя на меня прекрасными голубыми глазами, еще не просохшими от слез. В них уже не было той паники и того страха, захвативших баронессу совсем недавно. А на лице я прочел некую невысказанную просьбу. И, повинувшись этой просьбе, действительной или мнимой, я наклонился и легко поцеловал чуть приоткрытые соленые губы.

Александра замерла, потом немного подалась вперед, ко мне, и ее губы чуть шевельнулись, отвечая на поцелуй. Но в следующую секунду она резко отпрянула, вырвавшись из моих рук, с маху залепила мне звонкую пощечину и стремглав вылетела из комнаты.

Купец первой гильдии Семен Тимофеевич Крашенинников жил в особнячке. Немаленьком таком, размашистом. По архитектуре он был похож на дом Игнатьевых, а по оформлению... Дорого-богато. Куча лепнины, статуи у фонтана в парке, кованая решетка ворот, отсыпанные красноватым гравием дорожки — это снаружи. Золото, золото, золото — это внутри. Чтобы не тратиться на извозчика, я взял один из пригнанных на переделку мобилей. И рядом с роскошными лимузинами, привезшими других гостей, смотрелся откровенно нищенски. Нет, одет я был качественно: и ткань, и покрой, и пошив — все было на высшем уровне. Но презрительный и несколько брезгливый взгляд лакея, отворявшего передо мной двери особняка, заметил. Ну да, я ведь поверх костюма накинул плащ, чтобы не запылить и не забрызгать грязью наряд. Да и на голову нацепил клетчатое английское кепи, а не франтоватый цилиндр. В целом — оборванец. Но мне на это было наплевать, я сделал морду кирпичом и, не глядя по сторонам, шагнул через порог.

В доме было шумно. Слуги принимали одежду прибывших гостей, мужчины вели беседы в ожидании дам, а дамы в отдельной комнате поправляли туалеты и пудрили носики. И, наверняка, сплетничали. Мне ждать было некого, и я, сориентировавшись с помощью слуг, отправился в гостиную.

Прием, устроенный Крашенинниковым, по числу гостей заметно уступал памятному балу баронессы Сердобиной. Но при этом намного превосходил танцевальный вечер той же баронессы. Отличие было еще и в том, что приглашенные — кроме меня — были членами семьи. Поближе, подальше, двоюродные и троюродные дядья и тетки, племянники и племянницы... В общем, достаточно много народа. Я никого из них не знал, даже самого хозяина. Оставалось надеяться, что меня-то знают и те, кому я нужен подойдут сами.

Так и случилось. Не успел я завершить первый проход по залу, как ко мне подлетел смутно знакомый толстячок с ухоженной шкиперской бородкой.

— Добрый вечер, Владимир Антонович. Рад, что вы решили посетить наш скромный семейный праздник. Ах да, я не представился: Крашенинников Семен Тимофеевич.

— Очень приятно, — ритуально кивнул я.

Наверное, что-то такое промелькнуло у меня на лице, и хозяин дома это уловил:

— Что, не похож на купца? — рассмеялся он.

— Не слишком. По крайней мере, не похожи на лубочный типаж. Купцу полагается быть большим, дородным, чтобы борода лопатой, в хромовых сапогах гармошкой, красной шелковой рубахе, и чтобы тугая мошна была подвязана к золотой опояске.

— В красной рубахе, говорите? — снова рассмеялся Крашенинников.

— И в сапогах, — подтвердил я. — А иначе — какой же это купец?

И тут я вспомнил, где видел этого человека.

— Скажите, Семен Тимофеевич, это ведь вы давеча на ипподроме поставили сотню вместо меня?

— Вспомнили, да? — улыбнулся купец. — Было дело. Так и росту на вложенный капитал получил сто процентов.

— А если бы я проиграл?

— Ну что ж, приходится и купцам рисковать. Случается порою в зряшное дело деньги вложить. Но я был уверен в вашей победе, так что риск посчитал ничтожным.

— Приятно слышать.

— А мне приятно, что я в вас не ошибся, — вернул комплимент хозяин. А теперь идемте, я представлю вас гостям.

Меня познакомили со множеством людей, большинство из которых я не запомнил. Обратила на себя внимание хозяйка, Мария Евграфовна. Вот она вписывалась в типовой образ купчихи просто идеально: сверхдородная женщина с тройным подбородком, парой килограмм золотых украшений, цепким властным взглядом и категоричными суждениями. Познакомили меня и с хозяйской дочкой. С виду — вылитая мамаша, что взглядом, что манерами. В свои шестнадцать лет она даже начала изрядно круглиться в талии. Надо думать, годам к сорока достигнет пудов семи-восьми живым весом, а при ее росте это будет просто полная катастрофа. Нет уж, не о такой жене я мечтал.

Основным мероприятием вечера был именно обед, хотя мне он показался, скорее, пиром. Все собравшиеся прошли в большую залу, где были установлены накрытые столы, ломящиеся от разнообразных кушаний. Мне отвели почетное место недалеко от самого Крашенинникова. Не то, чтобы совсем рядом, но так, что мы могли переговариваться, не повышая голоса. Мы и переговаривались — обычный светский треп, ни слова о делах. Купеческая дочь сидела за столом напротив меня, принимала участие в общей беседе и даже, стремясь произвести на меня впечатление, продемонстрировала изрядный ум и солидное для девицы образование. Вот только взгляд... змеиный взгляд, оценивающий: целиком схарчить, или по частям. Ну и внешность, да. Не хочу жить с бочкой сала, хоть она трижды умная и деловая.

Застолье продолжалось долго, но, наконец, подошло к концу. Общество сразу разделилось на две части: дамы отправились сплетничать, мужчины — курить, играть в карты и обсуждать дела. И те, и другие спонтанно разбились на несколько групп. Я оказался в одном кружке с Крашенинниковым и еще парой серьезных мужчин. Мы расселись по диванам и креслам в небольшом алькове. Купец подозвал слугу, отдал ему короткое распоряжение, и тот через минуту принес нам по бокалу коньяка. Крашенинников совершил все полагающиеся ритуалы, пригубил напиток и выпрямился в кресле. Я тоже внутренне подобрался: начиналось главное, ради чего меня позвали на эту вечеринку.

— Ну что, Владимир Антонович, понравилась вам моя дочь? Ведь редкая умница, и в делах лучше иного купчишки понимает, — начал хозяин.

Вот как тут отвечать? Скажешь правду — обидишь, польстишь — тут же под венец наладят.

— Ум у нее имеется, этого не отнять. Но очарование молодости, увы, быстро проходит. И что потом?

— Женская красота — она как цветок: сегодня радует глаз, а завтра, глядишь, сухие лепестки по земле рассыпались. Ум же до самой старости остается. Опять-таки, не просто так дочку отдам. Приданого положу не скупясь, ста тысяч не пожалею. Вы, я слышал, мастерскую открыли? А сможете целую фабрику поставить, дела широко повести, в нашем Тамбове всех прочих конкурентов выжить, монополию учинить. Тогда и Маннер, и сам Вернезьев перед вами плясать будут, что комнатные собачки. А то, глядишь, и на всю Рассею прогремите.

— А вы, конечно, поможете, — прищурился я.

— А то как же? Конечно, поможем.

— За долю малую?

— Не без того.

— Заманчиво, заманчиво. Но чтобы полноценные мобили строить — это не заводик нужен, а заводище. И денег не сто тыщ — миллионы нужны.

— Миллионы, да...

Крашенинников помолчал, видимо, прикидывая, как бы он вложил эти миллионы. Потом встрепенулся:

— Миллионы, это если мобиль полностью, с нуля делать. Но можно поступить иначе. Вот вы сейчас наловчились кузова делать. Возьмите патент на конструкцию кузова, покупайте готовое шасси, да монтируйте на него свой кузов. После что-нибудь еще придумаете, будете помимо кузова за отдельные деньги какие-нибудь детальки менять на свои. А потом, глядишь, и до большого завода дорастете.

Теперь настало время помолчать мне. Действительно, идея-то лежала на поверхности, но я почему-то уперся в перелицовывание старых мобилей. А ведь совсем недавно ставил свой кузов, «от Стриженова», на новый мобиль. Но купчина-то наверняка не зря тему это поднял. Рупь за сто — есть у него в этом какой-то свой интерес, и он меня к нему аккуратненько подталкивает.

— Семен Тимофеевич, не сочтите за грубость, но женитьба — дело серьезное. Жена — она ведь на всю жизнь, и в этом вопросе спешка недопустима. Кроме того, я в ближайшие два-три года жениться не намерен. Сперва надо хозяйство на ноги поставить, да капитал приумножить, а потом и женихаться. Но у вас ведь, чувствую, еще одно дело есть.

Купец недовольно мотнул головой, но моя позиция была беспрюирышной, аргументы — железные, и крыть ему было нечем.

— Есть дело, да, — начал он. Имеется некое неофициальное товарищество: я и вот эти два достойных человека. Господин Василий Трифонович Первитин (один из мужчин чуть приподнялся с дивана, обозначая себя) имеет возможность с большой скидкой приобретать шасси Форда. А господин Ефим Никонович Самойлов может по хорошей цене пристраивать готовые мобили на продажу торговцам в Москве и Санкт-Петербурге. Я со своей стороны готов профинансировать закупку шасси и продавать вам, Владимир Антонович, с разумной наценкой. И поверьте, остающаяся разница в цене вполне достаточна, чтобы окупить работы по изготовлению и установке ваших кузовов и принести вам лично неплохую прибыль.

Вот это уже интереснее. Это не попытка нахрапом подмять под себя перспективный бизнес. Это вполне приемлемая сделка. Но, наверное, надо поступить чуточку иначе.

— Звучит привлекательно, Семен Тимофеевич. Даже очень. Но только я бы хотел со своей стороны внести предложение.

— Вот как? Ну что ж, мы слушаем вас внимательно.

— Вы сами говорили, и ваши компаньоны, полагаю, с этим согласны, что мои кузова уникальны. В России, да и в Европе, и даже в Америке нет ничего подобного. Но уникальные вещи всегда стоили дорого. Так зачем же нам отдавать мобили на продажу кому-то другому и делиться с ним прибылью? Давайте откроем свой собственный салон по продаже мобилей. Для начала — один, в столице. Можно смело устанавливать цену процентов на десять-пятнадцать выше, чем у аналогичных моделей, и их будут расхватывать влет, обеспеченные господа встанут в очередь, чтобы купить мобиль, который хотя бы с виду лучше, чем у конкурента. А поскольку большинство людей оценивает вещи в первую очередь по цене и внешнему виду, то успех нам гарантирован. При салоне можно организовать специализированную мастерскую по обслуживанию и ремонту именно этих мобилей. Как вы

думаете, Ефим Никонович, вам под силу такое предприятие?

Солидный господин, отвечающий за сбыт, отреагировал не сразу. Да и вообще после моей речи в алькове, где мы обосновались, наступила мертвая тишина. А я что? Я ведь не сказал ничего такого революционного, а эти трое смотрят на меня как китайцы на товарища Мао. Через минуту отмерли, переглянулись, наверняка тайные знаки друг другу подали.

— Владимир Антонович, — подал голос Крашенинников, — вы предложили замечательную, можно сказать, гениальную идею. Но нам с компаньонами необходимо ее обсудить. Покорнейше прошу меня извинить, но не могли бы вы сейчас присоединиться к гостям?

Это было понятно: мое предложение меняло всю схему предполагаемого бизнеса. Вместо того, чтобы осторожно пристроиться к кормушке с краешка, я предлагал нагло залезть в самую середину и отхватить наиболее жирные куски. Я поднялся и, кивнув потенциальным компаньонам, вышел в зал. Тема для меня и впрямь была интересна. И, главное, вполне посильна. Имеющихся денег мне вполне хватало на то, чтобы купить или даже построить с нуля кузовную мастерскую. Я не представляю, каков может быть спрос на мобили с моими кузовами, но надеюсь, что немалый, и рынок слопает все, что я на него выкину. Я в одиночку установил на мобиль кузов за один день. То есть, два работника вполне могут подготовить полсотни мобилей в месяц. А кроме того, можно и кузова для переделок изготавливать в собственной мастерской, а не заказывать на стороне.

Размышляя таким образом, я фланировал по залу, время от времени присоединялся то к мужским группам, то к женским, отвечал на обыденные вопросы относительно гонок — практически то же самое, что и на балу Сердобиной. Через какое-то время я заскучал и принялся уже подумывать о том, чтобы потихоньку исчезнуть, но тут ко мне подошел слуга и пригласил следовать за ним. Что ж, пригласил — пойдем.

Слуга привел меня к солидной дубовой двери, постучался и, получив разрешение, распахнул ее передо мной. Я вошел, и дверь мягко закрылась за моей спиной.

Очевидно, это был кабинет хозяина. Изящная мебель, дорогая отделка, да и в целом интерьер был подобран со вкусом. Такое чувство, что обстановку особняка выбирала жена в соответствии с традиционными купеческими понятиями о красоте, а кабинет — это единственное убежище ее мужа, которое он обставил уже под себя.

Вся троица компаньонов находилась здесь. Наверняка они уже обо всем договорились, и меня позвали, чтобы объявить итог этих переговоров.

Крашенинников поднялся из-за стола, прошел мне навстречу. Выглядел он как именинник, которому за один раз подарили все, о чем он мечтал.

— Владимир Антонович, мы с компаньонами обсудили ваше предложение и нашли его весьма многообещающим. А посему я предлагаю вам войти в наше товарищество со своим паем.

— Но ведь, насколько я помню, вы говорили о том, что ваш союз несколько э-э-э... неофициален.

— Да, было именно так. Для реализации первоначального плана иного бы и не потребовалось. Но ваша идея сулит значительные прибыли. Намного большие, нежели мы рассчитывали получить изначально. Да, имеется некоторый риск, но мы решили на него пойти. Завтра же регистрируем паевое товарищество и начнем действовать.

— Каков размер пая?

— Тридцать тысяч рублей.

— Хорошо, такие деньги у меня есть. Но давайте обсудим ваш план более детально. Раз уж я рискую капиталом наравне с вами, я должен знать все подробности.

На другой день с внутренним чувством стыда я свалил работы по разборке мобилей на Клейста и отправился оформлять бумаги. Всяких бюрократических заморочек оказалось неожиданно много. Это когда я собственную мастерскую открывал все было легко и просто, а создание товарищества, да на четверых пайщиков, да с весомым для Тамбова капиталом вылилось в целый день беготни из кабинета в кабинет. На чиновников не действовали ни моя известность, ни солидный статус Крашенинникова. Зато хрустящие банковские билеты помогали как нельзя лучше. Но даже с такой смазкой закончить дела удалось лишь ближе к вечеру. Получив папку со своими экземплярами бумаг, я простился с компаньонами, сел во все тот же древний мобиль и отправился на обед к Боголюбову. Так вышло, что со всей этой бумажной суетой я за весь день не удосужился даже перекусить, и сейчас желудок настоятельно и безотлагательно требовал наполнения. Не до осетрины, овсянка бы тоже пошла.

Старший инспектор полиции Боголюбов снимал двухэтажную квартиру в приличном доме. Не самый центр, но район вполне благопристойный. На первом этаже — жильё для немногочисленной прислуги и кухня, на верхнем — хозяйские комнаты.

Едва войдя в узкие двустворчатые двери, я ощутил такие ароматы, доносящиеся с кухни, что хваленый повар Игнатьева-старшего удавился бы от зависти. По скрипучей деревянной лестнице я поднялся наверх, но дверь открыть не успел. Она отворилась сама, явив мне сияющего хозяина. Для разнообразия, он был в штатском.

— Добрый вечер, Владимир Антонович! — радушно приветствовал меня Боголюбов. — Проходите, проходите. Позвольте ваш плащ. Идемте скорее, Верочка очень ждет.

И, едва я освободился от калош и верхней одежды, меня направили к настезь распахнутым дверям гостиной.

В центре большой комнаты был сервирован стол. Пока на нем находились лишь посуда и салфетки, но выглядел он роскошно. Ничуть не хуже, чем у купца Крашенинникова.

Не давая опомниться, инспектор потащил меня в дальний угол комнаты, где в кресле с книгой на коленях сидела удивительно красивая женщина. Золотистые волосы, лицо с твердыми тонкими чертами, обрамленные длинными ресницами серые глаза... Просто прелесть! Но уже появились заметные морщинки возле глаз и уголков рта, начала увядать кожа на шее. Увы, к женской красоте время особенно безжалостно.

— Верочка! Вот, наш сегодняшний гость Владимир Антонович Стриженов. Тот самый, который выиграл на последних гонках главный приз.

— Очень приятно, Владимир Антонович. — нежным, мелодичным голосом ответила женщина и укоризненно посмотрела на своего мужа.

— Ах да! Владимир Антонович, разрешите представить: Боголюбова Веру Арсеньевна, — исправился провинившийся супруг, и тут же был награжден ослепительной улыбкой.

— Ну что, пора бы и за стол! — не то сказал, не то спросил инспектор. Жена в ответ протянула ему тонкую изящную руку.

Вскоре все расселись за столом. Все — это инспектор с женой, я и появившийся из глубины квартиры высокий худой юноша в гимназическом мундире. Михаил Платонович

Боголюбов, как мне его представили, в будущем году заканчивал гимназию и собирался поступать в университет на юридический факультет. Впрочем, гонки он тоже уважал и посматривал на меня с нескрываемым восхищением.

— А где же Настя? — спросил он. — Ей ведь тоже было бы интересно пообщаться с Владимиром Антоновичем.

Понятно. Есть еще некая Настя, но она где-то шпындрает и на просьбы родителей желает чихать. Пытается доказать свое право на самостоятельность или просто ни во что не ставит отца с матерью? Скоро увидим.

— Анастасия была предупреждена о том, что к обеду ожидаются гости, но, как обычно, не соизволила прийти вовремя, — отчеканила Вера Арсеньевна. — Ступай, скажи Матрене, чтобы подавала на стол.

Молодой человек исчез, через минуту вернулся и уселся на свое место. А еще через минуту в комнату вплыла дородная деревенской внешности кухарка с блюдом в руках. Вместе с нею в гостиную ворвался такой непередаваемый аромат, что рот мгновенно наполнился слюной, а мой несчастный желудок буквально затрубил, предчувствуя скорую кормежку.

Заливная осетрина действительно была выше всяческих похвал. А к ней для оттенения вкуса были поданы многочисленные заедки, свежий белый хлеб, недурное белое вино и еще масса вкусностей. Я изо всех сил старался есть без спешки. Впрочем, в этом мне активно помогали хозяева, спрашивая обо всем, связанном с гонками. Было видно, что тема хозяевам — ну, за исключением самого Боголюбова — интересна, и я отвечал по возможности подробно.

Обед шел своим чередом, близилась перемена блюд. И тут, заглушая очередной вопрос, хлопнула входная дверь, по коридору простучали легкие быстрые шаги, и спустя пару минут из внутренних комнат появилась девушка. Я сидел спиной к этой двери, а крутиться, пытаясь разглядеть вошедшую, посчитал некультурным.

— Мне сегодня господин Вернезьев сделал предложение, — послышался мелодичный голос.

Я увидел, как дернулся, переменившись в лице Боголюбов. А девушка меж тем продолжала:

— Он предложил мне место гонщика в его команде. Я согласилась. Теперь буду участвовать в гонках. Кстати, у нашего дома стоит чья-то древняя развалюха. Удивительно, что ее до сих пор не сдали в утиль. Это что, наш дворник себе купил?

С этими словами девушка обошла стол, направляясь к своему месту и, взявшись за спинку стула, замерла: она меня узнала. Я тоже ее узнал. Тогда, у мастера Шнидта, была именно она. Я не знал, как реагировать на эту встречу. Девушка тоже растерялась. Она глядела на меня округлившимися глазами, время от времени опасливо постреливая взглядом в сторону матери.



Пауза затягивалась, и Боголюбов поспешил на помощь:

— Владимир Антонович, это моя дочь Анастасия. А это, Настенька, господин Стриженов. Помнится, ты была восхищена его победой на недавних гонках.

Это его представление только ухудшило дело. В глазах девушки промелькнуло сразу несколько эмоций: недоумение, изумление, испуг, паника. Именно паника в конце концов и осталась. Еще бы: с ее стороны косяк на косяке: нахамила тогда, нахамила сейчас, во всеуслышанье заявила, что заключила контракт с моим противником, а потом выяснилось, что наехала на своего пусть не кумира, но человека, которого уважала. Как бы с психу делов не наделала! Наверняка после моего ухода ее ждут разборки с матерью, но это потом, а сейчас надо не допустить скандала.

Я поднялся из-за стола.

— Рад нашему знакомству, Анастасия Платоновна, — доброжелательно произнес я. — Позвольте за вами поухаживать.

Не дожидаясь ответа, я обошел стол кругом и отодвинул стул, помогая девушке сесть. Заодно и шепнул на ухо:

— Оставьте страхи, я не буду требовать вашей крови.

Дальше все протекало вполне нормально: чинная трапеза, неторопливая застольная беседа. Только Анастасия Платоновна оставалась нервной, зажатой. Вопросов не задавала, на меня старалась не смотреть, а если такое случалось — краснела и тут же отворачивалась. Я не терзал ее вопросами, но за меня прекрасно справлялись ее родители и брат. Я же исподволь рассматривал гонщицу.

Тогда, в лавке, было темновато, и я мало что мог разглядеть, зато сегодня вполне насладился зрелищем. Девушка была молодой копией своей матери. От отца если что и было, то осталось мной незамеченным. Странно, что я, увидев Веру Арсеньевну, не сообразил, с кем свела меня судьба давеча в лавке Шнидта. Судя по тому, что она самостоятельно заключила контракт с Вернезьевым, ей больше двадцати одного года, она полностью совершеннолетняя. Несмотря на внешние данные, замуж до сих пор не вышла. То ли всех женихов распугала, то ли родители ей чересчур много воли дали. По местным понятием, девка в такие года — перестарок; коли не взял никто — стало быть, с изъяном. Но этой барышне подобные вещи, скорее всего, в голову не приходят. Интересно: она тоже, как и баронесса, ничего не знает о плотской любви или ей просто наплевать на эту сторону человеческой жизни?

Застолье катилось своим чередом, и все, кроме Анастасии Платоновны были вполне довольны его ходом. Потихоньку-помаленьку дело дошло до чая с пирожными, а после я собрался уходить. Боголюбов вышел меня проводить и, пожимая на прощанье руку, сказал:

— Спасибо, Владимир Антонович. Вы буквально спасли сегодняшней вечер.

— Спас?

— Ну-у, не надо прибедняться. Я прекрасно знаю свою дочь, и хочу принести вам извинения за её неподобающее поведение.

— А вы-то тут причем?

— Ну как же, я ведь обязан был научить ее хорошим манерам. А вышло... А-а! — Боголюбов махнул рукой. — Сами видите, что вышло. Начиталась книжек, набралась идей о равенстве женщин, переписывается с суфражистками, с мобилиями, вот, связалась. Ей сейчас ничего кроме этих железок и не надо. Гонками буквально бредит. Да еще дед...

— Какой дед?

— Двоюродный. Да вы его наверняка знаете, Альфред Карлович Шнидт, муж моей покойной тетки со стороны матери.

— Да, имел с ним дело. Очень знающий человек.

— Знающий, да. Но девчонке во всем потакает. Подарил ей мобиль, она даже пыталась участвовать в гонке, но ее не допустили. Не положено женщинам с мужчинами соревноваться.

— Тогда как же...

— А тут есть юридическая лазейка. Участвовать будет товарищество «Скорость», а она лишь представлять его. Конечно, мне это совершенно не нравится, но и поделаться я уже

ничего не могу. Анастасии двадцать два года, и с точки зрения закона она полностью дееспособна. Я уже смирился с тем, что до женитьбы Миши внуков мне не видать.

— Что ж, вам можно лишь посочувствовать.

— Увы. До свидания, Владимир Антонович. По воскресеньям обычно мы с супругой дома, можете заходить запросто. И еще раз — спасибо.

— Пожалуйста, мне было нетрудно.

Целую неделю мы с Клейстом работали, не покладая рук. Единственная передышка была на пару дней, когда пришлось ожидать поставки деталей кузовов. И эти дни мы посвятили проработке новой тормозной системы. Клейст, как почти дипломированный гидравлик, взял на себя расчеты, подбор размеров цилиндров, сечений трубок и прочие подобные вещи. А я занимался общими схемами и непосредственной реализацией: куда прикрутить педаль, как передать усилие на шток поршня, как скомпоновать тормозные колодки на колесе.

Оказалось, что уже существуют барабанные тормоза, правда, с механическим приводом от все того же рычага. Чтобы не изобретать велосипедов, решили просто купить готовые узлы. Рабочие цилиндры, с учетом имеющихся материалов, выходили большими, и внутрь тормозного барабана не влезали. Пришлось устанавливать их снаружи и придумывать механизм передачи усилия на колодки. В итоге вышла вроде бы вполне рабочая схема, можно было начинать реализовывать ее в металле. Как по мне, это был глубокий прорыв на узком участке.

— Скажите, Николай Генрихович, какая гонка ожидается в ближайшее время? — спросил я Клейста, когда мы с ним, разомлевшие после бани, сидели, блаженствуя, и пили свежий чай с выпечкой.

— Через две недели будет гонка. Ралли. Тамбов — Воронеж — Орел — Тула — Тамбов. Четыре дня. Организуют губернские клубы гонщиков. Первый приз — так же, тридцать тысяч, второй — пятнадцать, третий — пять. Ожидается большое количество участников.

— А как вы думаете, успеем мы сделать и опробовать новые тормоза? Нам ведь только цилиндры изготовить. Сальники можно поначалу кожаные использовать, просто менять надо будет чаще. Может даже, после каждого этапа.

Механик помолчал, прикидывая в уме.

— Вполне, — наконец отозвался он. — Если завтра заказать в мастерских изготовление цилиндров, то через два дня можно будет попробовать собрать систему. Что до сальников, то действительно, можно пока обойтись кожей. Но заказ на резиновые уплотнения все равно нужен.

— Не вопрос, закажем. А пыльники оставим кожаные.

Клейст кивнул.

— А теперь довольно о делах, Владимир Антонович. Поглядите, какой чудный сегодня вечер. И слышите — птицы поют.

Я представлял свою жизнь совершенно иначе: размеренность, покой. Днем — копаться в свое удовольствие с чужими машинами, вечером — визиты к знакомым или к веселым вдовушкам, благо у меня визиток от них набралась немалая стопка. Время от времени выезды на гонки — опять же, ради удовольствия. А что вышло? Мечусь по городу, как угорелый. Утром — дела с кузовной мастерской. Надо найти подходящее помещение, закупить оборудование, нанять работников, подготовить чертежи деталей. Хорошо еще, Крашенинников подобрал хорошего управляющего. Когда дело будет запущено, именно он будет заниматься производством, а я — лишь осуществлять общий контроль. После обеда — выполнение уже взятых заказов и прием новых, да возня с гоночным мобилем, и так до ночи.

А утром — опять по тому же кругу.

Сложенный в сарае набор запчастей постепенно превращался в нечто более-менее похожее на гоночный мобиль, и это, безусловно, радовало. Работа эта зачастую сопровождалась техническими спорами на предмет внедрения новшеств. Главным инициатором этих новшеств был, как правило, я, а Клейст, соответственно, становился на сторону скептика и пытался критиковать мои предложения. Спорили практически обо всем, каждое изменение конструкции мне перед Клейстом приходилось как-то обосновывать, доказывать, а иногда и продавливать авторитетом. Происходило это примерно так:

— Николай Генрихович, а что, если нам уменьшить клиренс мобиля?

— И как же вы собираетесь это сделать?

— Очень просто. Смотрите: сейчас мосты крепятся к рессорам снизу вот этими стремянками. А если поставить мост сверху, над рессорой?

— Интересное решение. А на больших ямах мост не будет ударяться о раму? Ведь разобьет всю конструкцию.

— Может, и будет, но мы сделаем рессоры жестче и установим подушки из твердой резины.

— А как же наши российские дороги? Как будете те же ямы переезжать?

— Потихоньку, по краешку. На ямах так и так придется тормозить. Но поскольку общий ход подвески будет ограничен, на ямах мобиль будет кидать меньше. И поглядите, насколько опустится центр тяжести! Можно будет повороты проходить на гораздо большей скорости. Может, вообще без торможения. Давайте попробуем. В случае чего, вернуть назад будет недолго.

— Ну давайте попробуем.

Через неделю опытный образец был выкачен из сарая. Смеркалось, но нам обоим не терпелось опробовать мобиль на ходу. Выглядел он по меркам этого времени необычно: довольно низкий, с аскетического вида кузовом, с жесткими глубокими чашами сидений вместо привычных диванов. И, главное, отсутствовал рычаг тормоза. Нет, ручник пришлось-таки оставить, в том числе и во избежание ненужных вопросов.

На ипподроме, к моему удовольствию, не было ни души. Оставив Клейста с секундомером замерять время прохождения круга, я с некоторой внутренней неуверенностью выехал на трассу. Первый круг ехал сравнительно медленно: надо было приноровиться к мобилю, ощутить работу тормозов, прочувствовать работу измененной подвески и еще кучу других мелочей. На второй круг я пошел уже быстрее, испытывая поведение мобиля в поворотах. И он, черт побери, ехал! Я не давил на тормоз, этого просто было не нужно. Аппарат кренился, да, но не так, как на последней гонке.

Пришло время проверить мобиль на максималках, и я дал полный пар. И на первом же повороте ощутил: песня! Тормоза работали превосходно. Я чуть придавливал педаль тормоза непосредственно перед поворотом, и этого было достаточно. Один поворот, другой, третий, самый сложный четвертый — и финиш. Метров за тридцать до черты я отпустил педаль пара и принялся тормозить. Осторожно, словно на скользкой дороге: притормозил — отпустил педаль, снова притормозил. Я опасался: кто знает, куда потащит эту железяку, если разом заблокируются все колеса. Но даже при таком варианте несущийся на полном ходу мобиль остановился, как вкопанный и как раз в нужном месте.

— Ну что, Николай Генрихович, каково? — довольно спросил я.

— Лихо вы, Владимир Антонович. Знаете, я бы тоже хотел опробовать нашу новинку.

«Нашу» — отметил я про себя. Значит, все — увяз господин Клейст, раз не отделяет свою работу от моей. Вслух же сказал:

— Конечно попробуйте. Должны же вы ощутить результат своего труда.

Клейст уселся в кресло, поерзал, устраиваясь поудобнее, и задумчиво произнес:

— Скажите, Владимир Антонович, вы действительно считаете, что с этими сиденьями будет удобнее? Если честно, я пока ощущаю себя довольно скованно.

— Это потому, что вы еще не привыкли. О в первом же повороте вы почувствуете разницу. И еще: прежде, чем разогнаться, опробуйте тормоза на малой скорости. С педалью совсем другие ощущения, здесь надо не давить изо всех сил, а лишь чуть-чуть прижимать. Ну, вы поймете.

Клейст послушно отъехал метров на десять и, видимо, попытался притормозить. Мобиль встал как вкопанный, присев на передние колеса.

— Видите, Николай Генрихович, насколько эффективную штуку мы с вами сотворили? — крикнул я ему. Попробуйте еще, и нежней, нежней.

Раза с пятого у моего механика начало получаться, и он решил проехать по кругу. Сперва, как и я, довольно неторопливо. Но уже ко второму повороту он прилично разогнался. А третий пролетел так лихо, что я даже немного испугался: начнет притормаживать, передавит педаль и полетит кувырком. Но нет, все прошло хорошо.

У финиша Клейст все-таки даванул тормоз. Колеса немедленно встали и мобиль, еще не сбросивший скорость, потащило, начало разворачивать вправо, но, все же, не опрокинуло. Машина качнулась на рессорах и замерла.

Возбужденный до крайности, с восторгом в глазах бывший гонщик выскочил из мобиля и кинулся ко мне. Облапил, не снимая краг и с восхищением заговорил:

— Владимир Антонович, это же чудо! Это же аппарат совершенно другого уровня, лишь внешне слегка похожий на мой старый мобиль. Как он идет по трассе — просто песня! И эти ваши сиденья, они тоже чудо, как хороши. С такой машиной, Владимир Антонович, у нас просто нет шансов не выиграть Императорские гонки! Это будет столь же просто, как... как...

Он замолчал было, подыскивая подходящий эпитет, но тут же нашелся:

— Как конфету отобрать у младенца. А ведь у вас наверняка есть и другие идеи, да?

В один из вечеров к нам заглянул Игнатъев. Подкатил с шиком на своем уникальном мобиле, притормозил у ворот, где очередной заказчик забирал готовую машину. Осматривал, щупал кузов, проверял качество лака, обивку сидений и прочие очень важные вещи. Наконец, убедившись, что все без обмана, расплатился и отчалил. Вместо него тут же нарисовался нарядившийся почти как на бал журналист.

— Здравствуйте, Владимир Антонович, вы, наконец, освободились.

— Здравствуйте, Федор Иванович. Проходите. Будете чай пить?

— Нет, сегодня не буду ни проходить ни чаевничать. У меня на вечер планы. И вас, кстати, я намерен утащить с собой.

— А что случилось?

— Ничего особенного, очередное собрание клуба гонщиков. А учитывая, что вы собираетесь участвовать в гонке, организуемой в том числе нашим клубом, самое время, так сказать, влиться в ряды.

Я мысленно прикинул наличные средства. Вложения в товарищества серьезно поистощили мои финансовые ресурсы. А еще нужны деньги на зарплату Клейсту, на пропитание, на закупку запчастей для мобилей и кучу всяких мелочей. Располагать я мог разве что сегодняшней выручкой, полученной вот буквально только что. Как раз чуть больше пятисот рублей, на взнос хватит.

— Вы отвезете меня, Федор Иванович?

— А что ж вы не отправитесь на вашем новом мобиле? Вас почти каждый вечер видят на ипподроме. Вы придумали что-то новенькое?

— Придумал, да. Но, как вы верно заметили, на нем я собираюсь участвовать в ближайшей гонке. И мне не хотелось бы раньше времени открывать свои козыри.

Не признаваться же, что я просто не знаю, куда ехать.

— Что ж, вполне весомая причина. Тогда собирайтесь и едем.

— Мне нужно хотя бы полчаса.

— Что вы, не более пятнадцати минут! Мы и без того опаздываем.

— Я просто не успею, мне нужно привести себя в порядок. Не могу же я появиться в обществе в таком виде! — я продемонстрировал свои руки, черно-рыжие от масла и ржавчины. Двадцать пять минут, не меньше.

— Двадцать! — категорически заявил приятель.

В мобиль Игнатьева я заскочил, одной рукой застегивая смокинг, а другой натягивая кепи на мокрые волосы. Левым локтем проверил в кармане бумажник, правым — револьвер. С некоторых пор я без оружия из дома не выхожу, даже днем. Как говорили умные люди, револьвер может однажды спасти тебе жизнь, но для этого он должен быть всегда с собой. Едва я приземлился на подушку сиденья, как Федор резко — насколько позволял двигатель — взял с места.

Ехал я, держась обеими руками за борта мобиля. Даже у этого более-менее современного аппарата быстрая езда по булыжной мостовой вынимала всю душу. Понятно, почему большинство предпочитает комфортные двадцать-тридцать миль в час: чтобы не прикусить язык и не вылететь из мобиля на очередной кочке. Но всему приходит конец, не прошло и получаса, как мы добрались до места.

Клуб размещался в небольшом особнячке на окраине города. Территория, обычно занимаемая парком, здесь была целиком отдана под стоянку. Она была почти заполнена, но у Игнатьева оказалось свое персональное место. Пока приятель парковался, я оглядывал расставленные здесь мобили. Они были разными: дорогими и более скромными, мощными даже с виду и слабосильными. Я увидел несколько знакомых аппаратов: пару черных мощных «Бугатти», с которыми я как-то гонялся на ипподроме да мою свеженькую поделку, перелицованную архаику. Я даже вспомнил заказчика: этаким типичный клерк, мобиль для которого — лишь средство передвижения. Что он делает в клубе гонщиков — непонятно. Разве что, по служебной надобности прикатил.

Тогда, на ипподроме, я особо не рассматривал мобили конкурентов, а сейчас вижу: дизайн у «Бугатти» почти что мой. Надо сделать шаг вперед, а то эти западные буржуи возьмут, да и скопируют мою идею. Потом малость разовьют и представят как свою. Срочно, срочно патентовать!



— Владимир Антонович, идемте же! — отвлек меня от созерцания голос Игнатьева.

И мы пошли. А это что такое? Такой — или как раз этот — мобиль принадлежит гонщице, красавице и суфражистке Анастасии Боголюбовой.

— Федор Иванович, пока мы еще не внутри, в клубе состоят женщины?

— А вы с этим не согласны?

— Мне все равно. Но я хочу понимать расклады. Насколько я знаю, женщин в подобные клубы допускать не любят.

— Не любят, да. Но супруга главы клуба тоже обожает гонки. Причем не смотреть, а именно соревноваться. Она заставила своего мужа создать женский филиал, и сама его возглавила. Она организует соревнования среди членов своего филиала, публикует статьи в центральных газетах, и ее филиальчик постепенно становится известен по всей империи. К нам на соревнования даже приезжают дамы из других губерний. Нынче же у нас, так сказать, общее собрание по поводу грядущих гонок. Соревноваться будут и мужчины и женщины. Старт, чтобы сэкономить на организационных расходах, будет общий, а зачет — раздельный.

Большой зал особнячка был полон. Не битком, конечно, но свободно перемещаться было затруднительно. Меня узнавали, здоровались. Я отвечал на приветствия и большинство встречающихся мне людей тоже узнавал. Где-то на горизонте болтался Вернезьев. Здороваться со мной он явно не хотел, и это его желание находило полную поддержку с моей стороны. Боголюбова, едва завидев меня, отвернулась и сделала вид, что мы незнакомы. Ну и пёс с ней.

Подскочил мой недавний клиент, оказавшийся по совместительству казначеем клуба. Он отвел меня в соседнюю комнату, и там быстро оформил уплату взноса. Я расстался с деньгами в обмен на квитанцию и оставил подпись в толстой разграфленной тетради.

— Ну вот, Владимир Антонович, все формальности улажены. — сказал он, убирая деньги и тетрадь в объемистый портфель. — Теперь вы полноценный член клуба, с чем вас и поздравляю.

— Спасибо.

Я пожал протянутую мне руку.

— И еще, Владимир Антонович, мне поручили передать вам просьбу.

— Какую же?

— Принять приглашение господина Травина и навестить его в ближайшее время.

— Хм... А о чем Травин хочет со мной говорить? Чем вызван его интерес к простому гонщику?

— Я не знаю. Но по имеющимся у меня сведениям, он ищет наследника.

— Ну да, чтобы повесить на него все фамильные долги. Но я-то каким боком к этому отношусь?

Казначей снисходительно фыркнул:

— Молодой человек, разве можно так наплевательски относиться к своим корням? Ваша матушка, насколько мне известно, в девичестве носила фамилию Травина.

— Ну да, я это знаю.

— А вот чего вы точно не знаете, так это того, что она дочь покойного старика Травина. Когда она вопреки его воле вышла замуж за мещанина, он пришел в такую ярость, что запретил упоминать о ней в его присутствии. Даже, говорят, пытался вычеркнуть из церковных книг запись о её рождении. А сейчас, когда род возглавляет ваш двоюродный дядюшка, о ней вспомнили.

— Ну да, тридцать лет на нее и, соответственно, на меня было начхать, а как только у меня появились какие-то средства, сразу вспомнили.

— Господин Стриженов, — официальным тоном заявил казначей, — меня просили передать просьбу, и я ее передал. А все остальное — это уже ваши проблемы.

На собрании клуба не было ничего особо интересного. Председатель многословно поведал то, что ранее мне сообщил Игнатъев, потом меня представили собранию. Публика сдержанно поаплодировала и на этом все завершилось. Народ стал расходиться, и я тоже вышел на улицу. Игнатъев задержался, решая какие-то свои дела, а я остановился на крыльце и, чтобы не мешать проходу, отошел чуть в сторону, за массивную колонну, поддерживающую портик, и принялся наблюдать за тем, как мобили один за другим покидают стоянку.

Большинство аппаратов были, по моему мнению, весьма примитивного дизайна, несмотря на лак, хром и позолоту. Исключение — мои поделки, да пара «Бугатти». Ну так моей работы кузова на улицах неизменно привлекают внимание. А что будет, когда я выкачу свой мобиль на Императорских гонках! Вот тогда все зеваки рты пораскрывают!

Погруженный в сладкие грезы, я не услышал шагов, и вздрогнул, когда раздался знакомый голос:

— Петр Александрович!

Я повернулся и увидел на лице госпожи Боголюбовой смесь удивления и неприязни.

— Что вы здесь делаете?

Сказано было с таким выражением, будто я прежде, чем выйти на крыльцо, должен был спросить разрешения. Я вздохнул: еще один косяк со стороны девушки. Симпатичная ведь, даже красивая. А в голове такая каша, что страшно становится.

— Анастасия Платоновна, вас родители в детстве не учили, что с людьми принято здороваться прежде, чем начинать разговор? — спросил я. — Я вас давеча спас от родительского гнева, а вы даже не соизволили за это поблагодарить. Зато в очередной раз нахамили. И если в первые два раза я еще мог сделать скидку на то, что вы не знали, что оскорбляемый вами человек находится рядом и все слышит, то сейчас вы точно знали, кто находится перед вами. И выходит, что в этот раз вы оскорбляли меня намеренно. Я только не понимаю, за что. Или это принятая среди дам вашего круга форма благодарности? В таком случае я не желаю впредь с вами общаться. И надеюсь, что вы не станете искать встречи со мной иначе как для того, чтобы принести мне свои искренние — я подчеркнул это слово интонацией — извинения. Ваши прекрасные идеи о том, чтобы уравнивать права женщин с мужчинами не подразумевают, что для этого нужно опуститься на уровень подзаборного отребья. Если вы думаете, что хамство и оскорбления сделают вас внутренне свободной, то вы глубоко заблуждаетесь. Пока что я увидел лишь духовную и нравственную деградацию.

Все это время, пока я читал девчонке свою нотацию, она то краснела, то бледнела, то комкала в руках тонкие кожаные перчатки. Пару раз глаза ее сверкнули, но начать спор она не решилась. Тут от стоянки послышалось:

— Владимир Антонович, пора ехать!

Понятно, Игнатьев закончил свои дела. Ну и мне здесь больше делать нечего.

— Прощайте, Анастасия Платоновна. Надеюсь, впредь вашим родителям не придется стыдиться ваших слов и ваших поступков.

Я пошел к мобилею приятеля, и тут сзади — опять сзади — раздался голос Вернезьева:

— Анастасия Платоновна, я...

Какие визиты, какой там Травин! Со всеми своими делами я едва не забыл забежать за отремонтированными очками к Шнидту. Да и то — не сам вспомнил, а мне Мишка подсказал. Я тут же переоделся, прыгнул на «Железного коня» и умчался. Долетел до лавки в рекордные сроки. Спрыгнул с седла, поставил мотоцикл на подножку и направился в арку, скрывающую вход в магазинчик.

Напротив двери был припаркован до боли знакомый мобиль: Настенька Боголюбова приехала в гости к деду за напутствием. Ну пускай, пускай. Мне эта девица без надобности. Заберу гогглы — и обратно. Столько дел впереди! И мобиль подготовить, и вещи собрать: все-таки на четыре дня из дома уезжаю.

Я толкнул дверь и под звон колокольчика вошел в лавку. Наученный опытом, задержался у входа в ожидании, пока глаза привыкнут к обыкновенно царящему внутри полумраку. Тот же самый молодой человек, все так же скучавший с книгой за прилавком, нынче оказался более расторопен и приветлив: наверное, получил изрядную взбучку от своего хозяина. В отличие от прошлого раза, он даже соизволил узнать меня:

— Здравствуйте, господин Стриженов. Чего изволите?

Я изволил получить из ремонта свои очки.

— Одну минуту, я осведомлюсь у господина Шнидта на сей счет, — выпалил клерк и тут же исчез за занавесью.

Вернулся он буквально через минуту.

— Господин Стриженов, ваши гогглы отремонтированы, но Альфред Карлович хочет прежде побеседовать с вами. Пройдите, пожалуйста, со мной.

Молодой человек привел меня в небольшую комнату позади торгового зала. Обставлена она была скромно: стол, кресла, небольшой диван. Явно нейтральное место, специально устроенное для переговоров. Впрочем, судя по давешней репутации Вольдемара Стриженова, и это уже большой прогресс.

Шнидт ждал меня в кресле сбоку от стола. На столе же, сервированном для кофе, лежали мои очки.

— Добрый день, Альфред Карлович, — учтиво поздоровался я.

— Добрый, добрый, Владимир Антонович. Присаживайтесь. Желаете кофия?

— С удовольствием.

— Тогда, будьте добры, налейте себе самостоятельно. Сливки, сахар — по вашему вкусу.

Я наполнил из кофейника малюсенькую чашечку, добавил немного сахара и присел в соседнее с хозяйским кресло.

— Ваши гогглы, — кивнул Шнидт на стол. — Знатно вы их приложили.

— Увы, да. И хочу вам сказать спасибо: по сути, гогглы вашей работы меня спасли.

Я взял отремонтированные очки, покрутил в руках. Внутренняя поверхность левого стакана была ровной и гладкой. Никаких следов повреждений. Да и сами гогглы выглядели как новые. Словно прочтя мои мысли, мастер извлек из кармана латунный стаканчик.

— Оправу пришлось частично заменить. Вот, полюбуйтесь.

Я принял из его рук блестящий цилиндрок. Да, это был именно мой: вот и свинцовая борозда на месте.

— Знаете, что это такое? — спросил Шнидт.

— Разумеется, — пожал я плечами. — След от пули.

— Вы так легко об этом говорите! — возмутился мастер.

— А что сейчас-то волноваться? Пуля цели не достигла, все обошлось.

— Вы слишком беспечны, молодой человек! — нахмурился старик. — Вам следовало бы известить об этом полицию.

— И что бы сделала полиция? Вот это, — я подбросил стаканчик на ладони, — говорит лишь о самом факте выстрела. Личность стрелка неизвестна. Тем более, что это я обнаружил лишь на второй день после гонки. Спасибо вам за беспокойство, но следственные действия спустя месяц после происшествия обречены на провал. Я же не забываю об опасности, и принимаю надлежащие меры предосторожности.

Насчет мер я, конечно, преувеличил. Но со времени бала покушений и даже намека на них не случалось, и я решил для себя, что неведомые столичные заказчики успокоились и прекратили попытки меня известить.

— И еще, Альфред Карлович: хотелось бы понимать ваши мотивы. Для чего вы затеяли этот разговор? Что движет вами? Нежелание терять потенциального клиента или что-то еще?

Шнидт остро взглянул на меня, чуть прищурился, будто прикидывая: достоин ли я сакрального знания.

— Знаете, Владимир Антонович, еще в начале лета такого разговора бы не состоялось. Но этот выстрел, — он указал на стакан, хранящий след пули, — что-то изменил в вас. И, насколько я могу судить, изменения эти вполне положительные. По крайней мере, вы начали действовать как мужчина. После вашего заказа на новые гогглы я навел некоторые справки по своим каналам.

— И вспыхнули ко мне симпатией? — со скепсисом в голосе спросил я.

— Ничуть. Но... я могу быть уверен в том, что наша беседа останется между нами?

— Разумеется. Как вы заметили, я действую, по-мужски.

Мастер снова нахмурился.

— Довольно сарказма! Вопрос таков, что мне пришлось на это пойти. Вы ведь знаете, что у меня имеется внучка?

— Да. Ее мобиль припаркован возле вашей лавки.

— Ну да, ну да...

Голос Шнидта смягчился. Даже легкая улыбка появилась на мрачном лице.

— Анастасия с детства была увлечена техникой и всяческими механизмами. И, конечно, гонками.

— Это... заметно, — с ехидцей прокомментировал я.

Шнидт проигнорировал мою эскападу и продолжил:

— А с определенного возраста стала интересоваться и гонщиками. И вы, как безусловно талантливый молодой человек, неоднократный победитель соревнований, стали предметом ее девичьих мечтаний.

Я с трудом удержался от фейспалма: только этого мне не хватало! Шнидт же продолжал:

— В то время вы были совершенно бесцветны. Кроме того, рядом с вами крутилась эта... Неклюдова. Я свою внучку люблю и, по возможности, оберегаю от недостойных кавалеров. Естественно, я постарался перевести ее внимание в сторону более подходящих

объектов. Сейчас же она увлеклась этим Вернезьевым.

Старик скривился. Я был с ним солидарен: типчик еще тот. Но я-то тут при чем? Шнидт же замолчал и выразительно глядел на меня, видимо, ожидая, что я тут же все осознаю и кинусь в бой за честь прекрасной дамы. Видимо, обожаемая внучка вывернула его мозги набекрень. Придется вправлять.

— И что вы в итоге хотите от меня? Чтобы я переключил внимание Анастасии обратно на себя? Извините, но против Вернезьева я не тяну. Он, конечно, мерзавец, но я тоже не ангел. И репутация у меня соответствующая. Вы ведь в курсе? А баронет хорош собой, у него есть титул, есть деньги и есть его «Скорость». Сейчас он фактически исполнил девичью мечту: участие в серьезных гонках наравне с мужчинами. И вы хотите, чтобы я попытался подвинуть ее кумира с пьедестала? Ну нет, я не самоубийца. Кроме того, если уж говорить откровенно, манеры вашей внучки оставляют желать лучшего. Вы и сами были тому свидетелем. Да, она красива. Возможно, умна — у меня не было случая проверить. Думаю, что она прекрасно водит мобиль, иначе бы ее не взяли в команду. Но язык у нее работает вперед мозгов, и как с ней в таком случае общаться, я не представляю. Я ведь не стану терпеть необоснованные нападки и оскорбления. Кроме того, уже завтра мы с ней станем соперниками, и она непременно проиграет. Это не добавит тепла в наши отношения.

Шнидт поник.

— Я понимаю, — выговорил он после минутной паузы. — Но все же... может, вы попытаетесь?

— Все, что я могу вам обещать, это не отказываться полностью от общения с Анастасией, несмотря на ее некорректные высказывания в мой адрес. Остальное — лишь воля случая.

На ипподроме был полнейший аншлаг. И это при том, что все зрелище — это старт гонки и отбытие экипажей. Среди участников гонки тоже было столпотворение. На прошлых гонках было без малого четыре десятка мобилей, и мне казалось, что свободного места нет. Сейчас своей очереди ожидало более сотни разнообразных аппаратов. Очень порадовало то, что организаторы отказались от массового старта. Сделали так, как было привычно мне: старт по одной машине с интервалом в минуту. Часа за полтора все должны были уйти на трассу.

Женщин пропустили вперед. Двадцать минут, и два десятка ярких мобилей отправились в путь. Настала очередь мужчин. Хозяева вежливо уступили право старта гостям, и те один за другим без особой спешки покидали ипподром.

Мы с Клейстом стартовали едва ли не самыми последними. В ожидании сигнала я сидел совершенно спокойно, зато напарник ерзал и суетился. Да, на ралли и здесь выходили экипажами: гонщик и его механик. Мобили не слишком надежны. Мало ли что, вдвоем чинить аппарат будет легче.

— Не нервничайте, Николай Генрихович, никуда они от нас не уйдут. А если все сработает, как надо, мы придем раньше всех. Даже тех, кто стартовал первыми.

— Я понимаю, Владимир Антонович, но все же как-то не по себе. Словно на первой гонке.

— Это предстартовое. Сами знаете: стоит выйти на трассу, и все нервы как рукой снимет.

Тем временем приближалась наша очередь. Вот ушел темно-вишневый аппарат

«Успеха». Вот выкатилась на старт Настя Боголюбова на бутылочного цвета мобиле. Лица под гогглами не видно, но губа закушена. Нервничает, девочка. Стартер дал отмашку, и она довольно лихо рванула с места — если это так можно назвать. Чувствую, следующей доработкой будет ускоритель. Что-нибудь типа парового нитроса.

Вот и моя очередь. Я выезжаю к стартовой линии. Впереди поднимает пыль какой-то энтузиаст-одиночка, стартовавший передо мной. Стартер смотрит на секундомер, отсчитывая минуту. Справа от меня Клейст крепко вцепился в поручень, который мы буквально вчера прикрутили перед его сиденьем. Педаль пара чуть придавлена, и машину держит только ручник. Наконец, перед радиатором взмахнул клетчатый флаг. К черту тормоза, гонка!

От Тамбова до Воронежа примерно двести двадцать миль. По моим прикидкам, средняя скорость с учетом традиционных российских дорожных бед составит от тридцати до сорока миль в час. То есть, время пути выходит от пяти с половиной до семи с половиной часов. Это если обойдется без поломок, в чем я лично сомневаюсь: уж больно невысок ресурс деталей. Для обеспечения надежности нужны дорогостоящие легированные стали, нужна высокая точность изготовления и чистота поверхности. Конечно, гоночные мобили перебирают подетально и каждую деталь механики вручную доводят до идеала — насколько себе этот идеал представляют. А владельцы обычных, серийных мобилей, вынуждены регулярно посещать мастерские, чтобы поддерживать работоспособность своих аппаратов. Но даже вылизанные гоночные экземпляры порою ломаются. Клейст чуть не полмобиля взял с собой в запчастях. А то порвется по дороге какая-нибудь трубка, или открутится болтик — и все, гонка закончилась.

Устроителями ралли предполагалось, что мобили будут ехать пусть и не с одинаковой, но с близкой скоростью. При разнице в скорости около двух миль мы должны были бы догнать впереди идущий мобиль примерно за полчаса. Но случилось это, по словам Клейста, минут через пять: он специально для этого глядел на часы. Участник под номером 102, занятый крутым поворотом, кажется, не сразу понял, что произошло: мы просто пролетели мимо, оставив незадачливого конкурента глотать пыль. По облаку пыли мы увидели и следующего соперника. Тот был поершистей, поопытней и пытался сопротивляться, но только до ближайшего поворота. А там уже мы были вне конкуренции.

Время от времени я бросал взгляд на Клейста. И, хотя верхняя половина его лица была закрыта очками, по одной только восторженной улыбке было видно: мой механик близок к нирване. Пусть он и не за рулем, но участие в гонке даже в такой роли приводила его в восторг. А легкое опережение конкурентов и вовсе ввергало в экстаз. Мне и самому нравилось начало гонки: мобиль вел себя исключительно послушно, подвеска исправно отрабатывала неровности дороги — в той мере, в какой позволяла это сделать конструкция. Спидометра не было, да я и не успел бы изобрести, а потом изготовить его за прошедшее недолгое время. Но, по грубым прикидкам, мы ехали со скоростью более пятидесяти миль в час.



За первый час гонки мы обогнали больше десятка мобилей. За второй — гораздо больше. Некоторые из участников уже не ехали, а увлеченно копались в недрах своих аппаратов. Пара экипажей с изрядной сноровкой заменяла пробитые колеса. У нас же (тьфу-тьфу и постучать) пока все было нормально. Не было даже тени ощущения грядущей неисправности. Это и радовало, и несколько напрягало: лучше несколько мелких пустяковых проблемок, чем одна большая.

К началу третьего часа мы догнали «Скорость». Госпожа Боголюбова вела свой мобиль уверенно и четко. Намного уверенней, чем тот усач, устроивший аварию. Мне немного повезло: ветер дул сбоку и отгонял поднимаемую пыль на обочину, поэтому дорогу было видно исключительно хорошо. Нас заметили не сразу, а лишь когда я начал обгон. Перекрывать мне дорогу было уже невозможно, а разогнаться сильнее мешали начавшиеся на дороге ямы. После первой же аппарат «Скорости» подбросило на рессорах так, что чуть не перевернуло. И я, благополучно опередив гонщицу, скрылся в облаке пыли за ближайшим поворотом.



Если бы мы ехали без поломок, то наверняка пришли бы к финишу этапа первыми, обогнав всех остальных. Ну или, по крайней мере, в первом десятке. Но нам пришлось дважды останавливаться для замены колес, и мы финишировали тридцать пятими по счету. Как по мне, это был отличный результат. Если следующий день будет столь же удачен, то мы и впрямь финишируем вперед всех. Останется только не пропустить конкурентов вперед.

Только после финиша я почувствовал, как устал. Спина затекла, плечи болели — руль все-таки чересчур тяжел, и крутить его целый день нелегко. Пока я ходил узнать насчет ужина, Клейст отогнал наш мобиль на специально организованную стоянку и накрыл специально сшитым парусиновым чехлом.

Кто-то из гонщиков отправился ночевать в номера отеля — у них были наняты люди для охраны мобилей. Нам же охранники были не по карману, и мы решили ночевать здесь же, на стоянке: мало ли нехороших людей на свете!

Плотно перекусив, я присел на подножку мобиле. Неподалеку возился Клейст, починяя пробитое колесо. Небо постепенно темнело, появлялись звезды. Пахло смазкой, клеем для резины и ароматным чаем, налитым в крышку термоса. Я глядел на небо, на звезды, прихлебывал чай и, кажется, погружался в какой-то созерцательный транс.

— Мечтаете, Владимир Антонович? — раздался рядом голос механика.

Он уже закончил работу, убрал отремонтированное колесо и уселся рядом.

— Нет, Николай Генрихович, просто наслаждаюсь. Чаем, закатом, покоем... Благостно на душе. А вы хотели помечтать?

— В какой-то степени, да.

— Так давайте помечтаем вместе.

Механик допил чай, наполнил кружку заново, отхлебнул и заговорил:

— Скажите, Владимир Антонович, вы как представляете свои перспективы? К чему стремитесь?

— Пока что — выиграть Императорскую гонку.

— Это понятно. А потом?

— Если честно, я так далеко еще не загадывал. Но давайте попробуем вместе.

— Давайте.

— Мы с вами — не спорьте, именно мы — выигрываем гонку и получаем свой заслуженный миллион. Это уже действительно большие деньги. Даже если посчитать вашу долю — примерно сто шестьдесят семь с хвостиком тысяч — этого достаточно для роскошной жизни на одни только проценты. Но я хочу большего, я только сейчас это понял.

Я отпил еще глоток чаю, помолчал. Клейст меня не торопил, просто ждал. А я еще раз проверял себя: действительно ли хочу именно этого? И ответил себе: да, хочу. По крайней мере, сейчас. И как раз этого ждет от меня... мой работник? Мой напарник? Друг? Пока непонятно. Но за последние недели мы сильно сблизились, так, что даже не верится, что не так давно мы были натуральными врагами.

— Не так давно я вошел в товарищество с купцом Крашенинниковым, — продолжил я. — Вы это знаете, я рассказывал. До тех пор я вообще не задумывался о будущем. Максимум, на что хватало моих мечтаний — это выиграть Императорскую гонку, а потом жить в роскоши и купаться в лучах славы. Но теперь, после сегодняшнего этапа у меня появилось новое желание. Я почувствовал, что могу больше.

Охваченный волнением, я обернулся к Клейсту. Тот внимательно слушал.

— Николай Генрихович, имена даже самые блистательных гонщиков со временем забудутся. Не совсем, конечно. Всегда найдутся страстные любители гонок, помнящие каждого победителя, но этого мне мало. Пусть это тщеславие, пусть гордыня, но я хочу, чтобы мое имя осталось в истории навсегда. Чтобы любой человек во всем мире во всякое время помнил обо мне. И я знаю, как этого добиться. Я создам свою фирму, производящую мобили. Назову свои аппараты скромно: «Стриж». Я хочу, чтобы мое имя связывали с самыми передовыми мобиллями. Чтобы мобили от Стриженова стали символом быстроты, надежности, стиля и комфорта.

У меня пересохло в горле. Я отпил чаю и продолжил:

— Вы видите, что у нас получилось всего за пару недель. А если мы потратим на проработку конструкции полгода? Год? Мы можем стать законодателями моды в этой отрасли промышленности! И вот для этого я хочу выиграть императорскую гонку.

Клейст был несколько ошарашен моим выступлением. Я и сам, если честно, не ожидал от себя подобного пафоса, и мы вместе сидели и глядели в ночное небо, думая каждый о своем. Вернее, я даже не думал — просто таранился на звезды, внутренне изумляясь своему порыву.

— Владимир Антонович, — выдернул меня из оцепенения голос Клейста. — Вы, наверное, правы насчет славы и денег. Деньги кончаются, слава тускнеет, призовые кубки пылятся на полках. Пройдет десять, много двадцать лет, и о нас с вами будут помнить лишь

наши ровесники. Так что давайте делать «Стрижи» вместе.

— Николай Генрихович, я, безусловно, рад это услышать. Но хочу вас предупредить: я не гарантирую успеха. Может так случиться, что мы прогорим на старте, что нас сожрут конкуренты, что наши мобили не станут покупать.

— Может, — серьезно ответил мой компаньон. — Может случиться и это, и еще куча всего другого. Но разве цель не стоит того, чтобы попытаться?

Больше книг на сайте - Knigoed.net